

LINGUISTICA URALICA

LXII 2026 1

EESTI TEADUSTE AKADEEMIA
ESTONIAN ACADEMY OF SCIENCES

LINGUISTICA URALICA

Avatud juurdepääsuga ajakiri / Open access journal

Ilmub alates 1965. aastast / Published since 1965

Toimetuse aadress / Editorial office:

Kohtu 6, 10130 Tallinn, Eesti / Estonia <https://www.kirj.ee/lu/>

E-mail: lu@eap.ee lu@kirj.ee

Kajastatud andmebaasides / Abstracted, indexed in: Bibliographie Linguistique. Linguistic Bibliography (Permanent International Committee of Linguists, Netherlands); MLA Directory of Periodicals (Modern Language Association, USA); LLBA. Linguistics & Language Behavior Abstracts (Sociological Abstracts, USA); EBSCO Publishing Database; Central and Eastern European Online Library (CEEOL); Airiti Incorporation; Gale's Academic OneFile database; ProQuest LLC; National Library of Estonia (<http://digar.nlib.ee/>); Elsevier Bibliographic Database SCOPUS; European Reference Index for the Humanities (ERIH Plus); Jourscope™; Scilit.

Peatoimetaja / Editor in Chief: Gerson Klumpp

Tegevtoimetaja / Executive editor: Väino Klaus

Toimetuskolleegium / Editorial Board: Rogier Blokland (Uppsala, Sweden), Jeremy Bradley (Munich, Germany), Arja Hamari (Turku, Finland), Tuomas Huumo (Lieto, Finland), Juha Janhunen (Helsinki, Finland), Petar Kehayov (Tartu, Estonia), László Keresztes (Debrecen, Hungary), Gerson Klumpp (Tartu, Estonia), Irina Nikolaeva (London, United Kingdom), Karl Pajusalu (Tartu, Estonia), Elena Skribnik (Munich, Germany), J. A. Cypanov (Syktyvkar, Russia), Ago Künnap (Tartu, Estonia), Lars-Gunnar Larsson (Uppsala, Sweden), P. N. Lizanec (Užgorod, Ukraine), L. S. Matrosova (Joškar-Ola, Russia), Huno Rätsep (Tartu, Estonia), Jaan Õispuu (Tallinn, Estonia), Pekka Zaikov (Petrozavodsk, Russia)

"Linguistica Uralica" avaldab soome-ugri ja samojeedi keeli käsitlevaid töid.
Ajakiri ilmub kord kvartalis.

"Linguistica Uralica" invites contributions in Finno-Ugric and Samoyedic linguistics.
The journal is published quarterly.

Tellimisinfo / Subscription information: <https://www.kirj.ee/subscription>

E-mail: subscription@eap.ee

Kirjastus / Publisher:

Eesti Teaduste Akadeemia Kirjastus / Estonian Academy Publishers

Kohtu 6, 10130 Tallinn, Eesti / Estonia

<https://www.kirj.ee> <https://www.eap.ee>

Kujunduse ja küljenduse autoriõigused / Design and layout copyright:

© Eesti Teaduste Akadeemia Kirjastus / Estonian Academy Publishers, 2026

Kaanekujundus / Cover design: Ann Mirjam Vaikla, Vaikla Studio

Trükikoda / Printed by: Alfapress OÜ, Reti tee 8, Peetri, 75312 Harju maakond, Estonia

ALI CAN YALÇINKAYA (İstanbul),
ANDREA PARAPATICS (Veszprém),
SZILÁRD SZENTGYÖRGYI (Veszprém)

A REASSESSMENT OF THE ADAPTATION OF WEST OLD TURKIC LOANWORDS IN HUNGARIAN: NEW FINDINGS AND PERSPECTIVES

Abstract. The adaptation of West Old Turkic (WOT) loanwords into Hungarian is reevaluated in this work, with an emphasis on phonetic and phonological changes that occur during borrowing and the adaptation processes. Building on the previous work that measured phonetic distances using an improved Levenshtein distance algorithm, this study includes dataset adjustments and theoretical understanding of the different processes of borrowing and adaptation. The study separates the more significant rule-based phonological adaptations that have been seen throughout time from the more subtle phonetic changes that occurred during the initial borrowing stage. These results demonstrate the systematic phonological tendencies of L1 in absorbing foreign lexical items, illustrating the interaction between contact dynamics and language evolution. Additionally, the study reveals recurrent patterns of adaptation and the alteration of certain phonemes, providing insight into the linguistic processes behind the nativization of loanwords. This study adds to broader discussions on phonological adaptation by resolving previous morpho-phonological inconsistencies and integrating improved data to offer a more thorough understanding of the phonetic and phonological dynamics in the adaptation of WOT loanwords in Hungarian.

Keywords: Hungarian, Oghur, historical linguistics, diachronic linguistics, contact linguistics, loanword adaptation, Levenshtein distance, operation cost, phonetic assimilation, edit distance, distinctive features.

1. Introduction

Understanding the dynamics of language contact through the adaptation of loanwords has been a key focus, illustrating how foreign linguistic features are integrated into and changed within the target language. In order to quantify phonetic distance, the study applies an improved Levenshtein distance algorithm, based on previous research (Yalçinkaya & ParapatICS & Szent-

Received 28 May 2025, accepted 20 December 2025, available online 26 January 2026.

© 2026 Authors. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

györgyi 2023) that examined the phonetic adaptations of West Old Turkic (WOT) loanwords in Hungarian. In order to shed light on this phenomenon, the previous study examined the phonetic modifications of 377 Hungarian loanwords from WOT. The adaptation rates and phonological assimilation patterns between these historically related languages were measured using a distinctive-feature-weighted Levenshtein distance algorithm. It also aimed to help improve edit distance algorithms by providing a framework for measuring phonetic distance that is more sensitive.

This paper offers a reevaluation of the adaptation rates of WOT loanwords in Hungarian, integrating corrections and fresh research, building on the preceding study. It has been derived from the doctoral dissertation (Yalçınkaya 2024). The main development is the clear division of the processes of borrowing and adaptation, with different rates of change noted for each phase. This distinction demonstrates the different implications on these processes: adaptation represents rule-based phonological adjustments that bring loanwords into line with the target language's changing linguistic system, whereas borrowing involves the initial transfer of words with little modification. Apart from that, a few small mistakes have been fixed, including misjudging a few suffixed words as word stems. Additionally, a number of morpho-phonological issues were resolved by means of thorough modifications, which required revising the entire dataset multiple times.

Throughout this study, 'West Old Turkic' (WOT) refers to the reconstructed Oghuric variety underlying the early borrowings into Hungarian, following the terminology and reconstruction framework of Róna-Tas & Berta (2011). The term is used here as a practical cover label for the historical Chuvash-type Turkic lects (Khazar, Onogur, Bulgar, etc.) spoken between roughly the 5th and 10th centuries, even though these varieties are not directly attested. As noted by Erdal (2018), the designation 'West Old Turkic' is not uncontroversial; nonetheless, the reconstruction by Róna-Tas & Berta remains the most comprehensive model available. For the purposes of this quantitative study, 'WOT' simply denotes the reconstructed donor forms presented in that monograph.

For the sake of clarity and readability, a concise overview of the methodological framework is provided below, although this study does not fully redemonstrate the quantification procedure, as the underlying technique remains unchanged. The present contribution focuses instead on separating the borrowing and adaptation stages and on refining the dataset as thoroughly as possible. Although the quantification framework remains the same, the refined dataset and the borrowing–adaptation distinction yield new linguistic insights into the phonological history of Hungarian and the nature of its early Turkic contacts.

2. Methodological overview

The study applies a refined version of the Levenshtein Distance (LD) algorithm in order to quantify phonetic distance between reconstructed West Old Turkic (WOT) forms and their Hungarian counterparts. LD is well established in comparative linguistics, but its classical formulation treats all substitutions, insertions, and deletions as equal operations. For historical-phonological data, this is insufficient: not all sound differences are equally distant, and a fixed penalty for every mismatch cannot capture the phonetic realities of Hungarian–WOT correspondences.

The present study therefore uses a distinctive-feature-weighted LD, in which each substitution cost reflects the phonological contrast between the two sounds involved. Insertions and deletions retain the value of 1, but substitutions receive fractional costs determined by shared vs. contrasting features.

This refinement allows for more realistic modeling of Hungarian phonological behavior, including the distinction between borrowing (minimal early changes) and adaptation (later rule-governed phonological developments).

Before calculating distance, each WOT–Hungarian pair undergoes phonemic alignment, a step sometimes left implicit in LD applications. In alignment, each phoneme of one form is paired with the most plausible counterpart in the other. The total number of aligned positions is called N-align, and it serves as the denominator for expressing the penalty score as a percentage.

For example, in the comparison below, the alignment consists of four positions. Insertions or deletions appear when one form contains a phoneme without a counterpart on the other side. Three penalty points out of four alignments conclude a 75% distance between the pair.

Table 1

An example of the classical phonetic distance calculation

Hungarian	<i>kéz</i>	'hand'	[k e: z -]
Finnish	<i>käsi</i>	'hand'	[k æ s i]
Penalties			3
N-align			4
LD%			75

In its classical form, LD assigns a uniform cost of one point to every operation, whether a substitution, an insertion, or a deletion. This produces unrealistic distances in loanword data. For instance, the substitution of /u:/ with /ʊ/ is intuitively closer than the substitution of /u:/ with /æ/. Similarly, substituting /fj/ with /ʃ/ is far smaller a change than substituting /fj/ with /b/. Thus, a phonologically informed refinement is required. The refined algorithm weights substitutions by counting how many distinctive features differ between the phonemes. This follows the logic that phonemes sharing more features are perceptually and articulatorily closer. Features are grouped into base categories:

- Major class features (syllabic, consonantal, sonorant)
- Laryngeal features (voice, spread glottis)
- Manner features (continuant, nasal, lateral, delayed-release)
- Place features (labial (round), coronal (anterior, distributed), dorsal)
- Vowel space (high/low/mid, back, tense)

Each contrasting feature contributes an equal fraction of one full penalty. In the refined algorithm, a substitution receives a full penalty point only when all sub-features within a given base category stand in opposition between the two phonemes. A full penalty equals one because each phoneme occupies a single alignment slot, and therefore a one-phoneme word can be maximally distant from another one-phoneme word only if the difference amounts to exactly one penalty point. Under this logic, the features belonging to any given base category must contribute equally to the total cost, ensuring that

the measurement reflects the full contrast within that category when all its sub-features differ.

”For example, the sound /a/ is [+low], [+back], and [-tense] while /y:/ is [+high (-low)], [-back], and [+tense]. Therefore this pair shows full contrast in terms of the ”vowel space” base category. In the case of vowel space, 0.33 penalty points would be applied for contrast in [±high], 0.33 for [±back], and again 0.33 for [±tense], since there are three features in this category. Considering the fact that this pair in the example above also shares a difference in placing, /a/ being [-labial] and /y:/ being [+labial (+round)], and knowing that the place category also has three main features (labial, coronal, dorsal), 0.33 additional points would be added. Therefore the distance between the pair would cost 1.33 points in total. That being the case, very distinct pairs, and vowel-to-consonant and vice versa adaptations would generally cost more than a full penalty point, further sensitizing the operation cost. A standard 2 penalty points approach for the vowel-to-consonant and vice versa adaptations is problematic since these types of assimilations are not always equally distant either.” (Yalçınkaya 2024).

Table 2

Refined distance	
Hungarian	<i>kéz</i> 'hand' [k e: z -]
Finnish	<i>käsi</i> 'hand' [k æ s i]
Penalties	2.16
N-align	4
LD%	54

The refined LD calculation for *kéz* and *käsi* proceeds as follows. The two lexemes align across four phonemic positions, giving an N-align value of 4. The Hungarian lexeme lacks the final vowel found in the Finnish lexeme, which counts as a deletion and therefore contributes 1 full penalty point.

In addition to the deletion, there are two substitutions. The first is the vowel correspondence /e:/ → /æ/. These two vowels differ only in lowness (highness) and tenseness, both belonging to the vowel-space category. Since the vowel-space category consists of three sub-features, each contrast contributes 0.33, giving a total substitution cost of 0.66.

The second substitution is /z/ → /s/. Here the only difference lies in voicing. The relevant manner category contains two sub-features (voice and spread glottis), and each contrasting feature therefore carries 0.50. Because only voicing differs in this pair, the substitution cost amounts to 0.50.

Summing these values — 1.00 (deletion) + 0.66 (vowel substitution) + 0.50 (consonant substitution) — gives a total penalty of 2.16. Dividing this by the N-align value of 4 results in a refined LD of 54%, representing the phonemic distance between the two forms under the distinctive-feature-weighted model.

Sub-features within the major place categories may themselves contain finer-grained contrasts, as described by Clements & Keyser (1983). Thus, *labial* includes rounding, *coronal* includes anterior and distributed, and *dorsal* includes high and back. When two phonemes share the main category but differ in one of these lower-level sub-features, each such contrast contributes

0.16 penalty points, reflecting half of the standard 0.33 used for a full vowel- or place-feature contrast. For instance, /ð/ and /z/ are both [+coronal], yet differ in [±distributed], resulting in a cost of 0.16. Length also participates in this refinement: the feature [±tense] carries a value of 0.33, so gemination and degemination receive the same penalty as vowel lengthening and shortening, ensuring consistent treatment of segmental duration.

Metathesis is handled separately. When two adjacent sounds transpose but remain otherwise identical, the operation is treated as a structural disruption costing 1 full penalty point; if substitution is also involved, the relevant substitution cost is added on top.

Certain phonemes require additional refinement. Although the vowel /a/ is phonetically a low central vowel, it is consistently grouped with the back-vowel series in both Hungarian and Turkic vowel harmony. For the purposes of the feature matrix, it is therefore treated as [+back] at the phonological level. The voiced velar fricative /ɣ/ likewise requires special treatment: although not silent in Old Turkic, its strongly intervocalic distribution, high sonority, and articulatory position between consonant and vowel justify treating it as a transitional sound. For this reason, insertions and deletions of /ɣ/ incur only 0.5 penalty points, the same reduced value assigned to the semivowels /j/ and /w/.

Although /e/ and /ɛ/ are both classified as mid vowels, /e/ is a high-mid vowel, closer to the high region of the vowel space, while /ɛ/ is a low-mid vowel, closer to the low region. Since this single contrast falls within the vowel-space category, and that category assigns 0.33 to each differing sub-feature, the substitution /e/ → /ɛ/ (or vice versa) receives a penalty of 0.33, reflecting their minimal phonetic distance.

Because sound correspondences in extinct languages cannot always be verified directly, the study relies on the comprehensive reconstructions of Róna-Tas & Berta (2011), supplemented by comparative evidence from related Oghuric languages. A full exposition of the refined algorithm, the treatment of distinctive features, and additional examples can be found in (Yaçınkaya 2024).

Obsolete items, (e.g., *bular* 'Volga Bulgar', *ugu* 'owl') that were attested in Old Hungarian but disappeared later were retained, as their attested forms still demonstrate historical adaptation to Hungarian phonotactics at the time of borrowing.

3. Borrowing and adaptation processes

The processes of borrowing and adaptation were distinguished, as the accommodation of a newly borrowed word relies on distinct factors. Primarily, it hinges on the congruence or proximity between the constituents and structures of the word in both the donor and recipient languages (Paradis & Lacharité 2011 : 764). Only the borrowed word itself undergoes further adaptation, a process influenced by time and frequency. Words encountered frequently undergo complete adaptation more rapidly. Meanwhile, as adaptation progresses, the recipient language undergoes its own evolution, with the borrowed word becoming integrated into this linguistic change. The preliminary copying process (borrowing) and the subsequent adaptation of these loanwords inside the target language's acoustic system are the two main processes (Kenstowicz 2001) that are examined in this inquiry. Words from

the source language, West Old Turkic, are directly transferred into the target language, Hungarian (Róna-Tas & Berta 2011), in the first process, known as borrowing. As the target language replicates the words from the source language, not much changes are noticeable at this point. A comparison between the reconstructed West Old Turkic words and the reconstructed Old Hungarian copies is used to calculate the modification rate for this process. The second process, adaptation, includes the rule-based modifications made to the loanwords to conform to the destination language's changing phonological and phonetic structure.

It is crucial to emphasize that loanwords, regardless of their origin, will experience the same phonological changes as native words when they are incorporated into a new language. This emphasizes that a language's phonological changes typically impact all words, not just loanwords, and aren't merely driven by the need to integrate loanwords. This element is essential for dispelling the myth that all loanwords inevitably adapt to the phonological characteristics of the host language over time; in fact, they occasionally undergo modifications that go the other way (Jaggers & Baese-Berk 2020). Notably, rather than the process of loanword assimilation, the changes that have occurred over the long period from the era of borrowing to the present are mostly associated with the natural evolution of Hungarian phonology. The term 'adaptations' can be used to describe these modifications, regardless of whether they are unique to loanword integration. Although the phrase is frequently used to refer to the particular changes made to make room for loanwords, it can also refer to more general phonological changes that have an impact on the language as a whole. Pronunciation, vocabulary, and grammar are only a few examples of how language changes to suit the demands and use of its speakers. In this study, the adaptation of the loanwords is evaluated by comparing the reconstructed Old Hungarian copies with modern Hungarian equivalents. This assessment reveals the extent of rule-based modifications required for the loanwords to take their current form in modern Hungarian.

The following comparison tables offer a detailed analysis of the rates of change seen in the processes of borrowing and adaptation. A detailed and scrutinized overview of the changes the loanwords underwent throughout their assimilation into the Hungarian language may be found in tables 1 and 2, which display the phonetic and phonological alterations that occurred over time.

The complete data is available at the Open Science Framework. To access Tables 1 and 2, visit: <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/QR9TS>.

4. Borrowing Process

The study shows that the borrowing alteration rate for these loanwords is 7.20% (92.80% homophones) when comparing the reconstructed West Old Turkic words with the reconstructed Old Hungarian counterparts. This discovery sheds light on the straight transmission of lexical information from West Old Turkic to Old Hungarian by highlighting the few modifications that take place throughout the borrowing phase. Notably, an interesting discovery is made from the 377 pairings that were examined: 178 pairs, or roughly 47% of the sample, exhibit 0% distance.

5. Adaptation Process

West Old Turkic loanwords have been adapted into Hungarian throughout many centuries. The period of adaptation includes both the original borrowing of these loanwords and their later absorption and integration into the changing Hungarian phonological and phonetic structure. In order to conform to the changing sound patterns and structures of the Hungarian language, the loanwords, like the native words, have experienced a number of phonetic and phonological modifications over time. These modifications are mostly a result of the continuous absorption and adaptation of foreign linguistic components into the local system, which is influenced by phonotactic restrictions, linguistic conventions, and other features like language interaction and change.

On average, the 377 word pairings had a pronunciation distance of 27.41%. Thus, the original copies of this collection of words and their current Hungarian adaptations are 72.59% homophones. Turkic native speakers generally do not recognize most of the Turkic content in Hungarian (Navracsics 2016 : 15). This distance may appear short at first look because of this. But it should be highlighted that the common Turkic languages — all Turkic languages today except Chuvash — are very different from the Oghur branch (Savelyev & Robbeets 2020 : 41), and there is very little mutual intelligibility between them. The degree of similarity between the source languages — from which Hungarian obtained the words — and contemporary Chuvash is one vital factor to take into account at this point. Three dialects of WOT from the 10th to 13th centuries were reconstructed, two being extinct and one being Middle Chuvash, but what concerns the Hungarian interaction of the process more was apparently before the 10th century. For what is known before that period about the Chuvash-type languages such as Khazar, Saragur, Onogur, and Volga-Bulgar, the strongest source already is the WOT loanwords in Hungarian (Agyagási 2019).

6. Patterns

In order to emphasize important data about the most prevalent phonological adjustments, frequency analysis is done in this section. The phonological disposition of Hungarian towards the nativization process of loanwords is reflected in the most common phonological tendencies in terms of adaptations. This section presents only the most notable adaptation patterns. The findings show that the L1 uses specific phonological processes to nativize loanwords. The important thing to note here is that the adaptations show, to a large degree, systematic patterns that help us understand how phonological restrictions function in a predetermined, non-arbitrary way when integrating borrowings. This, of course, can be evaluated as an indication that the nativization through production stance (Hyman 1970; Lovins 1975; Danesi 1985; Jacobs & Gussenhoven 2000; LaCharité & Paradis 2005; Paradis & Lacharité 2011; As-Sammer 2015) has a valid basis. The patterns that are displayed below demonstrate that the adaptations are not the results of the random perception of mere phonetic inputs. The creation of patterns for the "initial copying process" is not viable because of the negligible changes that are performed. Figure 1 below lists all of the exceptions. "Occurrence rate in the whole data" refers to the proportion of all 377 loanwords in the

dataset that show a given pattern, while "occurrence rate in the relevant data" refers only to the subset of items where that pattern could in principle apply (for example, only lexemes that actually contain the phoneme or structural feature under comparison). Reporting both measures is important because many adaptation patterns are conditionally restricted, and calculating their frequency over the full dataset would artificially lower their apparent rate. This distinction makes the tables more transparent and reflects the functional distribution of each pattern more accurately.

Pattern	Occurrence rate in the whole data	Occurrence rate in the relevant data	Common adapted forms
Adaptation of [i]	11.67% (377/44)	88% (50/44)	[o], [i]
Adaptation of [æ]	20.69% (377/78)	92.86% (84/78)	[ɛ], [ø]

Figure 1. Borrowing patterns.

Pattern	Occurrence rate in the whole data	Occurrence rate in the relevant data	Common adapted forms
Heavy syllables	52.25% (377/197)	52.25% (377/197)	vowel lengthening
Nasal palatalization	7.43% (377/28)	35.44% (79/28)	[ɲ]
Adaptation of [ɣ]	30.77% (377/116)	100% (116/116)	[-], [j], [v]
Labialization of vowels	46.15% (377/174)	-	[a]⇒[ɒ][o][u], [e][ɛ]⇒[ø][y], [i]⇒[ø][y], [i]⇒[o][u]
Adaptation of [ɖʒ] → [j]	8.75% (377/33)	68.75% (48/33)	[j]
Adaptation of [fʃ] → [ʃ]	5.57% (377/21)	29.17% (72/21)	[ʃ]

Figure 2. Adaptation patterns.

7. Discussion

One significant finding from this study is that, in the early stages, there seems to be little integration of loanwords – words that are taken or copied from WOT – into Hungarian. The borrowed terms and their WOT originals have a very close phonetic resemblance, as seen by the average pronunciation distance of 7.20%. A considerable number of the acquired terms were copied or reproduced in their original phonetic form.

There are a number of reasons for this slight alteration in the early stages. First of all, it might show how these specific languages borrowed from one another during the time period under study. It makes sense that the borrowed terms were incorporated into Hungarian with little change in phonetics, since

speakers of WOT and Hungarian interacted and spoke frequently. This might be as a result of the borrowing community's familiarity with WOT's phonetics and pronunciation.

Second, the phonetic similarities between WOT and Hungarian may have contributed to the little initial alteration seen in this study. It would take less work to adapt imported words to fit Hungarian phonetic patterns if the two languages have overlapping phonetic features or similar phonetic systems. As a result, the pronunciation gap between the borrowed terms and their WOT roots would be reduced. Although the paper's snapshot analysis points to a striking similarity at the moment of borrowing, it is important to recognize that this process was ongoing. The period of bilingualism during which the Hungarian language underwent substantial modifications, including the introduction of new phonemes and sounds, coincided with the borrowing of Turkic elements. Additionally, the influence of Turkic caused notable changes to the Ugric vowel system (Róna-Tas & Berta 2011 : 1121). A considerably larger degree of difference would be revealed by investigating the changes that occurred in the Hungarian language from its split from the Ugric group through its contact with Turkic languages and continuing to observe these changes during the borrowing process.

Furthermore, the cultural or social aspects of language interaction and borrowing may be responsible for the comparatively small changes at the beginning. There may have been a propensity to maintain the phonetic integrity of borrowed terms in Hungarian if WOT was highly valued in society or culture, or if its linguistic characteristics were positively viewed. This might be interpreted as a means of preserving the borrowed vocabulary's apparent legitimacy or status. It is crucial to remember, nevertheless, that investigating the later phases of adaptation in Hungarian is equally significant. This difficulty is also taken on by the research, which looks at how the acquired content has been "adapted" into the Hungarian language. With the development of the Hungarian language, it is clear that the imported words experienced further alterations and phonetic changes over time. Consequently, a close phonetic similarity between Hungarian borrowings and their WOT equivalents is suggested by the slight alteration seen at the first stage of the loan process. This low rate of alteration may have been caused by a number of factors, including regular linguistic contact, phonetic similarities between the two languages, and cultural or social influences. In order to obtain a more thorough understanding of the entire loanword adaptation process in Hungarian, additional study is presented separately to examine the following stages of adaptation.

Upon this procedure, the loanwords' adaptation rate in modern Hungarian is found to be 27.41%. The phonological limitations and inclinations of the recipient language, Hungarian, when incorporating borrowed words are reflected in the existence of specific patterns in loanword adaptations. Phonotactic restrictions, historical phonological shifts, and the interplay between the donor and target languages are some of the linguistic elements that contribute to these patterns. By comprehending these trends, one can gain insight into the fundamental processes and ideas that underlie Hungarian loanword adaptation.

The study found that heavy syllables are preserved in loanword adaptations, which is one notable pattern. The understanding that a light syllable

usually consists of a single mora—which could be a single consonant, a diphthong, or a short vowel—is the first step in this process. In contrast, two moras are present in a heavy syllable, which usually takes the shape of a long vowel, a vowel followed by a single consonant, or a vowel followed by a cluster of consonants. Interestingly, vowel lengthening is found in about half of the comparisons, indicating that it is a relatively frequent pattern.

There are some intriguing patterns in the way the high back unrounded vowel (/u/ or /i/) is adapted in loanword nativization. Instead of rigorously following the front-back harmony norms of Turkic and Hungarian, loanword adaptations prioritize preserving specific traits, such as [+high] and [+back], as seen by the observed substitutions of /o/, /ɒ/, or /i/ for this vowel. The influence of similar sounds in the recipient language or characteristics like pronunciation ease could be responsible for this departure from predicted harmonical rules. It suggests that intricate interactions between the phonological systems of the borrowing and destination languages are also involved in loanword modifications, which are not only motivated by phonetic similarity.

In loanword nativization, the voiced velar fricative (/ɣ/) exhibits patterns similar to the “soft g” phenomenon in contemporary Turkish. The trends that have been identified, such as vowel lengthening, deletion, or substitution to the semivowel /j/, point to a convergence between the phonotactic preferences of loanword adaptations and the historical phonological changes of Hungarian. The dynamic character of language contact and the impact of past linguistic advancements on the adaptation of acquired terms are both reflected in this convergence.

There are a number of reasons why labialization is preferred. One could be the impact of nearby consonants. The vowel frequently experiences labialization to match the articulatory properties of the consonants when a borrowed word has labial or labialized consonants next to it. In the case of *gyümölcs* ‘fruit’, where the vowels next to the labial /m/ labialize during adaptation, this assimilation process guarantees phonetic concord and makes it easier to pronounce loanwords smoothly.

The /dʒ/ → /j/ correspondence represents a regular internal sound change in Hungarian. Old Hungarian preserved /dʒ/, but it later merged with the palatal stop /j/ as the affricate weakened. Because both are voiced, palatal obstruents with similar acoustic cues, this merger is phonetically natural and typologically common.

Refinement techniques to the operation cost in the Levenshtein algorithms, despite the fact that the principles are default, significantly alter the obtained results. Some modifications may reflect little to nothing in human perception. Conversely, some adaptations could seem more apparent than others, yet they are still less remote. To start, it could be a good idea to develop a computerized (or non-computerized) assessment methodology that assesses the perceived distance of a specific collection of sounds unique to two phonological systems. This requires a database large enough to contain a sufficient number of co-occurrences of the same sound pairs. In any case, to use the LD and get significant, reliable results, massive data with a large word base is required. One restriction and apparent drawback of the use of the LD is the limited data, such as the 35 recognized Cuman loanwords in Hungarian. A substantial amount of data about WOT loanwords in Hungarian was used

in this study. The refinement procedures' requirement for a strong grasp of the phonological knowledge of the compared languages is another drawback. A disadvantage may also arise if any of the languages lack thorough phonological information, as is the case with Cuman, which is an extinct language. On the other hand, data regarding the frequency of specific adaptations as regular patterns and the ability to quantify the relatedness of comparable lexemes are advantages. Honti also points out that consonantal changes are known to exhibit a higher degree of regularity than vowel changes (Honti 2017 : 189). The debate over whether adaptations are phonological or perceptual may potentially be resolved by the automated phonetic comparisons. A proper recognition of the dynamics of loanword adaptation may be attested to by phonologically sensitive automatization techniques for determining the adaptation rates of loanwords between languages.

One thing to keep in mind is that, of course, Turkic and Hungarian speakers were not the only ones in the Sprachbund of the Eurasian steppes. At various points in time, the former two coexisted with Slavonic speakers, Germanic speakers like Goths, and Iranian speakers like Alans. Undoubtedly, the loan phonology of Hungarian borrowings must have been impacted by the exchanges with these populations. In this sense, a flexible approach to modifications rather than a rigid one may lead to a deeper comprehension. This problem is raised by Stachowski, who proposes a comparison between the phonetic adaptation processes of Pannonian Slavonic and Turkic loanwords in Hungarian (Stachowski 2014 : 221).

Testing native speakers of the language being borrowed and asking them how they perceive the words from the source language, or the other way around, and comparing the results with the automated rates, is another way to gauge the need for more research. Considering the results of Honti (2017) for the selection of lexemes to be analyzed, it might also be beneficial to do the study previously mentioned in this study.

Addresses

Ali Can Yalçinkaya
Beykent University (İstanbul)
E-mail: canyalcinkaya@beykent.edu.tr

Andrea Parapatics
University of Pannonia (Veszprém)
E-mail: parapatics.andrea@htk.uni-pannon.hu

Szilárd Szentgyörgyi
University of Pannonia (Veszprém)
E-mail: szentgyorgyi.szilard@htk.uni-pannon.hu

Acknowledgements. The present paper is entirely derived from the author's doctoral dissertation titled "Turkic Loanwords in Hungarian: A Study Concerning Loanword Adaptation" (Yalçinkaya 2024). It builds directly on the preceding study conducted by the author as part of their doctoral research.

The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Abbreviations

L1 — first language; **LD** — Levenshtein Distance; **N-Align** — Total number of aligned positions; **WOT** — West Old Turkic.

REFERENCES

- Agyagási, Klára 2019, Chuvash Historical Phonetics: An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag (Turcologica 117).
- As-Sammer, Muhammed A. Abdul Sattar 2015, Phonetic and Phonological Adaptations of English Loanwords into Iraqi Arabic: A Generative Study. — *Journal of the College of Arts*, no. 73, 1–46.
- Clements, George N. & Keyser, Samuel Jay 1983, CV Phonology. A Generative Theory of the Syllable, Cambridge: MIT Press. <http://seas3.elte.hu/egg12/clements-keyser-83.pdf>.
- Danesi, Marcel 1985, Loanwords and phonological methodology, Ottawa: Didier (Studia Phonetica 20).
- Erdal, Marcel 2018, Review of A. Róna-Tas & Á. Berta, West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Harrassowitz 2011 = Turcologica 84. — *Orientalistische Literaturzeitung*, 113–116.
- Honti László 2017, A magyar és a nyugati ótörök szókészleti kapcsolatairól, Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Hyman, Larry M. 1970, The role of borrowing in the justification of phonological grammar. https://www.academia.edu/24409087/The_role_of_borrowing_in_the_justification_of_phonological_grammars.
- Jacobs, Haike & Gussenhoven, Carlos 2000, Loan Phonology: Perception, Salience, the Lexicon and OT. — J. Dekkers, F. van der Leeuw, J. van de Weijer (eds), *Optimality Theory, Phonology, Syntax, and Acquisition*, Oxford: Oxford University Press.
- Jagers, Zachary & Baese-Berk, Melissa 2020, Investigating a bias for cue preservation in loanword adaptation. — *The Journal of the Acoustical Society of America*. Volume 147, Issue 6. <https://doi.org/10.1121/10.0001375>.
- Kenstowicz, Michael 2001, Review Article: The Role of Perception in Loanword Phonology. A review of *Les emprunts linguistiques d'origine européenne en Fon* by Flavien Gbéto, Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2000. — *Studies in African Linguistics*. Volume 32, 95–112.
- LaCharité, Darlene & Paradis, Carole 2005, Category Preservation and Proximity versus Phonetic Approximation in Loanword Adaptation. — *Linguistic Inquiry*. Vol. 36, No. 2, 223–258.
- Lovins, Julie B. 1975, *Loanwords and the Phonological Structure of Japanese*, Bloomington: Indiana University Linguistics Club.
- Navracsics, Judit 2016, Living with two languages and cultures. The complexity of self-definition for bilingual individuals. — *Hungarian Journal of Applied Linguistics*. Issue XVI, no. 2, 1–23. <http://dx.doi.org/10.18460/ANY.2016.2.006>
- Paradis, Carole & Lacharité, Darlene 2011, Loanword Adaptation: From Lessons Learned to Findings. — J. Goldsmith, J. Riggle, A. C. Yu (eds), *The Handbook of Phonological Theory*. Second Edition, Oxford: Wiley-Blackwell, 751–778.
- Róna-Tas, András & Berta, Árpád 2011, *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian I–II*, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Savelyev, Alexander & Robbeets, Martin 2020, Bayesian phylolinguistics infers the internal structure and the time-depth of the Turkic language family. — *Journal of Language Evolution*. Volume 5, Issue 1, 39–53.
- Stachowski, Marek 2014, Remarks on the investigation of the oldest layer of Turkic loanwords in Hungarian. — *Studia Etymologica Cracoviensia*. Volume 19, Issue 4, 215–222.
- Yalçınkaya, Ali Can 2024, *Turkic Loanwords in Hungarian: A study concerning loanword adaptation*. Phd Dissertation, Veszprém: University of Pannonia.
- Yalçınkaya, Ali Can & Parapatics, Andrea & Szentgyörgyi, Szilárd 2023, Adaptation Rates of West Old Turkic Loanwords in Hungarian: A Quantitative Study. — *Turkish Studies — Language and Literature*. Volume 18, Issue 2, 1395–1427.

АЛИ ДЖАН ЯЛЧЫНКАЯ (Стамбул), *АНДРЕА ПАРАПАТИЧ* (Веспрем),
СИЛАРД СЕНТДЬЁРДЫ (Веспрем)

**ПЕРЕОЦЕНКА АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ
ИЗ ЗАПАДНОГО ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ЯЗЫКА В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ:
НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В настоящей работе проводится переоценка адаптации заимствований из западного древнетюркского языка (West Old Turkic, WOT) в венгерском языке с особым акцентом на фонетические и фонологические изменения, происходящие в процессе заимствования и последующей адаптации. Опираясь на предыдущие исследования, в которых фонетические расстояния измерялись с помощью усовершенствованного алгоритма расстояния Левенштейна, данное исследование включает уточнение корпуса данных и углублённое теоретическое осмысление различных этапов и механизмов заимствования и адаптации. В работе проводится разграничение между более значимыми, системными фонологическими адаптациями, основанными на правилах и прослеживаемыми на протяжении длительного исторического периода, и более тонкими фонетическими изменениями, возникшими на начальной стадии заимствования. Полученные результаты демонстрируют системные фонологические тенденции родного языка (L1) при усвоении иноязычных лексических единиц, наглядно иллюстрируя взаимодействие контактной динамики и языковой эволюции. Кроме того, исследование выявляет повторяющиеся модели адаптации и изменения отдельных фонем, что позволяет глубже понять лингвистические процессы, лежащие в основе натурализации заимствований. Настоящая работа вносит вклад в более широкие дискуссии по проблемам фонологической адаптации, устраняя ранее выявленные морфофонологические несоответствия и интегрируя уточнённые данные для более всестороннего понимания фонетической и фонологической динамики адаптации заимствований из западного древнетюркского языка в венгерском языке.

ALI CAN YALÇINKAYA (Istanbul), *ANDREA PARAPATICS* (Veszprém),
SZILÁRD SZENTGYÖRGYI (Veszprém)

**UNGARI KEELE LÄÄNEVANATURGI LAENUDE
MUGANEMISE ÜMBERHINDAMINE:
UUED AVASTUSED JA VÄLJAVAATED**

Artiklis esitatakse ungari keele läänevanatürgi laenude muganemise kohta uus tõlgendus, pöörates erilist tähelepanu foneetilistele ja fonoloogilistele muutustele, mis on toimunud laenamise ja sellele järgnenud kohanemise käigus. Tuginedes varasematele töödele, milles foneetilisi kaugusi on mõõdetud Levenshteini kaugusalgoritmi täiustatud versiooni abil, on selle uurimuse aluseks andmekorpuse täpsustamine ning laenamise ja muganemise erinevaid järke ja mehhanisme selgitav põhjalik teooria. Eristatakse olulisemaid ja süsteemsemaid reeglipõhiseid fonoloogilisi kohandusi, mis on esile tulnud pikema ajalooajalooperioodi jooksul, ning väiksemaid foneetilisi muutusi, mis tekkisid laenamise algjärgul. Saadud tulemused näitavad võõrkeele leksikaalsete üksuste omandamisel toimivaid emakeele süsteemseid fonoloogilisi tendentse ja tõestavad keelekontaktide ja keelearengu koosmõju. Lisaks tuuakse uurimuses esile üksikfoneemide korduvad muganemis- ja muutumismustrid, mis võimaldavad sügavamalt aru saada laenude omaksvõtu aluseks olevatest keeleprotsessidest. Artiklis lahendatakse varem tuvastatud morfofonoloogilised vastuolud ja lisatakse täpsustatud andmeid, aidates niiviisi edasi viia fonoloogilise muganemise laiemat arutelu.

JANEK VAAB (Tartu)

VARIATION OF THE GLOTTAL STOP /ʔ/ IN SOUTH ESTONIAN LATIVE FORMS

Abstract. One of the most striking features of South Estonian among other Finnic languages is the occurrence of the glottal stop /ʔ/ as a phoneme, which in modern Võro and Lutsi orthographies is represented by the letter *q*. While the other grammatical and lexical functions of /ʔ/ are shared amongst the South Estonian varieties, the distribution of the glottal stop in the lative forms varies across dialects, caused by the conservative nature of Lutsi and Kraasna, and the innovations in the western subdialects of Võro. This article examines the occurrence of the glottal stop /ʔ/ at the end of the lative forms *manoq* ~ *mano* 'towards' and *kuuq* ~ *kodoq* ~ *kodo* '(towards) home', adverbialised illative and allative forms *mahaq* ~ *maaha* 'downwards', *pääleq* ~ *pääle* 'onto', and at the end of illative forms in Leivu South Estonian and the Hargla subdialect of Võro. This study combines qualitative historical analysis with synchronous quantitative analysis.

Keywords: South Estonian, lative, glottal stop, language islands, variation.

1. Introduction

This paper investigates the word-final variation of the glottal stop /ʔ/ in South Estonian lative adverbs and postpositions, i.e., items expressing a motion to location. Previous research has thoroughly documented the occurrence of the glottal stop /ʔ/ in several grammatical constructions shared among the South Estonian dialects (Nigol 1994 : 69–73; Keem & Käsi 2002 : 31–32; Iva 2003; 2005; Vaab 2023). However, the occurrence and variation of a glottal stop in South Estonian lative adverbs and postpositions has received little and unsystematic mention. Notes on the topic appear in descriptions of Võro South Estonian (Keem & Käsi 2002 : 31; Iva 2007 : 53) and Hargla subdialect of Võro (Nigol 1994 : 69–70), but no study has examined this variation across South Estonian dialects.

This paper fills this gap by analysing the word-final variation /ʔ/ ~ ∅ in lative adverbs and postpositions. Various different lative endings, e.g., *-*η*, *-*k*, *-*n*, *-*n̄*, *-*s*, and *-*j* have been simultaneously attested in the modern Uralic languages or reconstructed to different proto stages (Janhunen 1982 :

Received 2 July 2025, accepted 19 February 2026, available online 6 March 2026.
© 2026 Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

30; Ylikoski 2011 : 256; 2019; Aikio & Ylikoski 2016 : 100–101; Prillop & Saar 2020 : 194; Luobbal Sámmol Sámmol Ánte 2022 : 12–14). With the spread of Uralic, new branches used different strategies to develop new local cases. In Finnic languages, the lative case itself is lost, but the previous lative forms may be preserved in modern languages as adverbs or postpositions (Luobbal Sámmol Sámmol Ánte 2022 : 14). For instance, in Livonian, frequent lative adverbs *kuodāj* 'to home', *kōgaz* 'to far', and *tagā* 'to behind' reflect historical *j*-, *s*-, and *k*-latives, respectively (Viitso 2016 : 156). In South Estonian, lative adverbs may exhibit different word-final forms even within the same stem and are listed as synonyms in the dictionaries. For example, the Võro-Estonian-Võro dictionary gives *mano(q)* 'towards' as the equivalent of Estonian *juurde*, which indicates that variants both with and without the glottal stop occur in the language. This does not coincide with the tendencies in some South Estonian dialects to drop the glottal stop — such variation is never indicated by parentheses in dictionaries. The aim of this paper is to systematically describe the distribution of the glottal stop in lative adverbs and postpositions in South Estonian varieties, using data from corpora, dictionaries and text collections (see 1.2. for Materials and methods).

1.1. South Estonian varieties and their word-final consonants

South Estonian is a Southern Finnic language that consists of four spoken (Mulgi, Tartu, Võro, Seto) and three extinct (Leivu, Lutsi, Kraasna) varieties (see Map 1). The language islands Leivu, Lutsi, and Kraasna ceased to function as everyday spoken languages in the 20th century (Nigol 1988; Balodis & Pajusalu 2021 : 24; Weber 2021 : 344). Lutsi was spoken around the town of Ludza in eastern Latvia. Its speakers originated from Võro-speaking area and migrated there in several waves over a period beginning at least three centuries ago (Balodis 2021 : 216). Kraasna was spoken around Krasnogorodsk in Pskov Oblast, Russia, its speakers originated from the eastern Seto area from the late 16th century onwards (Balodis & Pajusalu 2021 : 11). Including Kraasna and Lutsi is therefore essential for this study for assessing the earlier patterns of language use. Contrary to other two language islands, Leivu speakers are indigenous to Latvia, descending from a Finnic population historically distributed further south than the present-day Estonian-Latvian border (see Kallio 2021; Valk 2021). It has recently been classified as the first offshoot of South Estonian (Kallio 2021 : 132–136).

The change **-k > ʔ* occurred universally in Finnic languages with few exceptions (Laanest 1975 : 29, 77; Prillop & Saar 2020 : 135–136), but South Estonian is the only Finnic language in which the glottal stop remains a phoneme. Phonetically, glottal stop /ʔ/ could also be attested as a gemination of a following consonant, creaky voice, or be lost entirely, with its realisation conditioned by word structure and following segments (Iva 2003; 2005). Regional differences are well documented: /ʔ/ is retained more frequently in Kraasna, Lutsi, Seto, and eastern Võro, while western Võro, Tartu, and Leivu tend to drop it (Vaab 2023). Besides the changes **-k*, **-t > ʔ/*, the glottal stop /ʔ/ may occasionally replace **-h* and **-n* in nouns (Nigol 1994 : 69–73; Keem & Käsi 2002 : 31–32; Iva 2003; 2005; Vaab 2023), e.g., *pereh ~ pereʔ* 'family', *hoonõh ~ hoonõʔ* 'building', **asõn > asõ ~ asõʔ* 'place'. These replacements are explained by the analogy of historical **-Ek > -Eʔ*-denominals (Nigol

1994 : 69–72). Since *mano* and *kodo* do not have *E*-stems, they are not a subject to **-En >-E ~ -E?*. Thus, any glottal stop in the lative adverbs examined here reflects either the historical **-k*, or later innovation within South Estonian.

This paper analyses the variation of four lexemes: the historical lative forms *manoq ~ mano* 'towards' and *kuuq ~ koduq ~ kodo* '(to) home', and the adverbialised illative *mahaq ~ maaha* 'downwards' and the adverbialised allative *pääleq ~ pääle* 'onto'. Additionally, examples where the glottal stop /ʔ/ functions as an illative marker in Leivu and Hargla are investigated.

Map 1. The area of South Estonian and its varieties at the beginning of the 20th century with contemporary borders. Map design by the author, based on spatial data of the Estonian Land and Spatial Development Board as of 01.01.2025. Base Map is by Natural Earth.

1.2. Materials and methods

The material of this article consists of early-to-mid-20th-century spoken South Estonian and is drawn from four sources:

- 1) Corpus of Estonian Dialects (EMK), from which Mulgi, Tartu, Võro, and Seto data were extracted;
- 2) Dictionary of Estonian Dialects (EMS), which contains example sentences from all South Estonian varieties;

3) Weber's article "A linguistic analysis of Heikki Ojansuu's phonograph recordings of Kraasna" (2021), which provides transcriptions of recordings of Kraasna;

4) "Lõunaesti keelesaarte tekstid" (Mets et al. 2014), a collection of texts from Leivu, Lutsi, and Kraasna.¹

The size of the selected sources varies considerably. The EMK contains 336,252 South Estonian tokens, distributed as follows: Võro 112,125; Tartu 80,617 tokens; Seto 79,506; Mulgi 64,004 tokens. The EMS includes over 70,000 lexical entries, although the exact proportion originating from South Estonian is unknown. "Lõunaesti keelesaarte tekstid" (Mets et al. 2014) comprises approximately 40,000 tokens (based on an estimate derived from the word count on two randomly selected pages). Weber's (2021) Kraasna transcriptions contain 2,806 words.

The EMK query combined lemma-based and morphology-based searches in cases when a lexeme permitted multiple analyses (for example, 'home-wards' has been analysed as an adverb *koju* and as an illative noun *kodu*). The items queried in the Mulgi, Tartu, Võro and Seto were *manu* 'towards', *koju* 'homewards', *kodu* marked as illative, *peale* 'onto', and *maha* 'downwards'. The query results along with information on the subdialect, word analysis and surrounding clauses were compiled into a dataset.

Additional data were collected from "Lõunaesti keelesaarte tekstid" (Mets et al. 2014) by searching the Estonian translations in the PDF for the Estonian equivalents of the target lexemes of this study: *juurde* 'towards', *koju* 'home.ILL', *peale* 'onto', and *maha* 'downwards'. The corresponding forms were added to the dataset. From Weber (2021), all occurrences of *manu*, *kodo*, *pääle*, and *maaha*, including their variants, were extracted. Finally, the EMS was searched for *manu*, *mano*, *kodu*, *kodo*, *koo*, *maha?*, *maaha*, *maahha*, *pääle?*, and *pääle*. Entries containing example sentences and subdialect information were incorporated into the dataset, providing comprehensive geographical and lexical coverage for this analysis. The combined dataset includes 695 tokens of *manu*, 421 of *kodo*, 657 of *maha*, and 1664 of *pääle*, including their different variants.

The rest of this article presents all attested variants of each lexeme and examines their distribution across South Estonian varieties. The conventions of written Võro are followed, with the letter *q* used to represent the glottal stop /ʔ/. Language distribution maps were created using QGIS (2024).

2. Distribution of forms by lemma

To reduce phonetic and orthographic variation, the original forms in the dataset were coded into standardised types to best represent the distribution of glottal-stop-ending forms. For that, the convention of Võro literary language was followed, retaining *-o* in the non-initial syllable and using *q* to mark the glottal stop. For instance, the forms *manuq*, *manoq*, *mānuq*, *mānq*, *munuq*, as well as the variant with the *-ki* clitic showing gemination (*man^Uki?*), were all coded

¹In addition to new transcriptions of recordings from Leivu (EMH 0001, EMH 0003a, EMH 0003b, EMH 0004a, EMH0004b, EMH 0005, EMH 0006, EMH 0087; F 157, F 158), and Lutsi (EMH 0191, EMH 0192), this volume contains previous manuscripts of Heikki Ojansuu (Early 1910's in Leivu: ES MT 198; and Kraasna: AES202, ES MT 224), Paulopriit Voolaine (1920s in Leivu: ES MT 166, and Lutsi, ES MT 22, ES MT 102), August Sang (1930's in Lutsi: ES MT 178, ES MT 216, ES MT 247), Valter Niilus (1930's in Leivu: ES MT 203).

as *manoq*, based on the assumption that the *q* reflects the historical lative **-k*. In the illustrative examples, however, the original orthography is retained.

2.1. *mano* ~ *manoq* 'towards'

The Võro-Estonian-Võro Dictionary (VEVS) lists the form as *mano(q)*, presenting variants both with and without a word-final glottal stop, but provides no further explanation of their use as adverbs or postpositions. The Dictionary of Seto (Käsi 2016) lists only the form *mano* and includes an explanation of its potential usage contexts as adverbs and postpositions. Previous research notes that the postposition *mano* may occur with a glottal stop in the western Võro area (Iva 2007 : 53), defined as the Karula and Urvaste parishes (Keem 1997 : 13–16) together with parts of neighbouring regions (Iva 2007 : 23–25).

As shown in Table 1, the vowel-final *mano* is more frequent in South Estonian overall and *mano* and *manoq* do not seem to differ in terms of functions: both occur as postpositions and as adverbs and the distribution of postpositions and adverbs is proportionately the same between *mano* (29% adverbs) and *manoq* (30% adverbs).

Table 1

Distribution of *mano* and *manoq*
as postpositions and adverbs in South Estonian

Standardised form	Postpositions	Adverbs
<i>mano</i>	353 (71%)	146 (29%)
<i>manoq</i>	137 (70%)	59 (30%)

As illustrated in Map 2 which combines the spread and functions of the form *manoq*, the glottal-stop-final form has a clear regional spread. While across most of South Estonian (including Mulgi, in which the glottal stop is not preserved as a phoneme, the larger part of Tartu, eastern Võro, and Seto), the form *mano* consistently ends with a vowel. The glottal-stop-final *manoq* is attested in the language islands, and in the western Võro (Karula, Urvaste) together with its neighbouring parishes (Hargla, Rõuge), both as postpositions (ex. 1) and as adverbs (ex. 2).

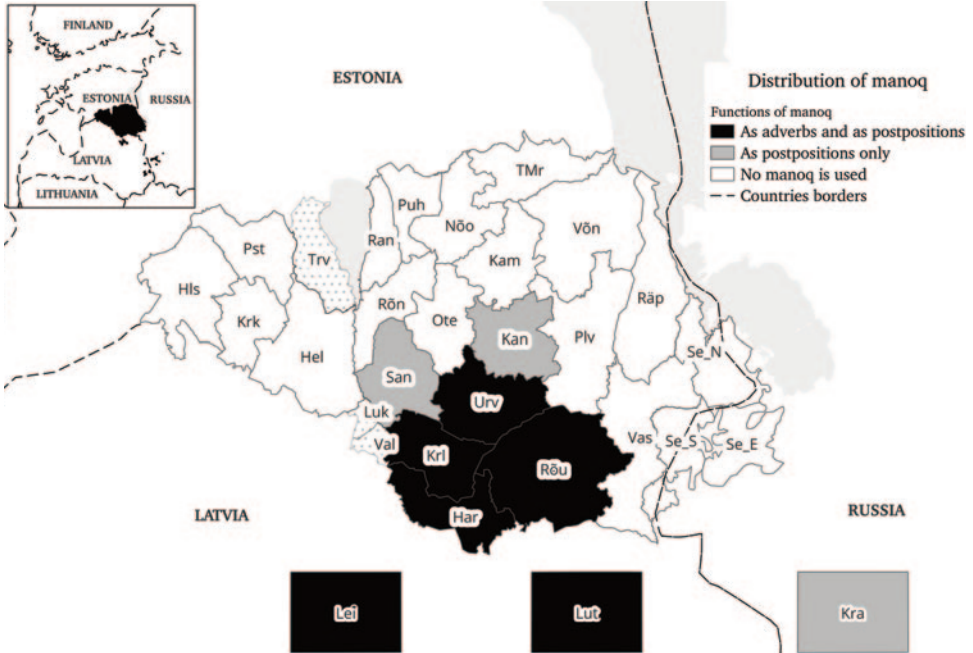
(1) *ku üt' lännüq tiä man u q sinnäq*
when one go.PTCP 3SG.GEN towards there
'When someone went to his/her place' (Karula, EMS)

(2) *`pañti linnu ka man u ?*
put.IPS.IPF linen.PL.PRT also towards
'The linen was also added' (Karula, EMS)

In Sangaste and Kanepi where *manoq* was found, it appeared to be functionally restricted with *manoq* was used only in postpositions (ex. 3) and *mano* only in adverbs (ex. 4). This, however, may be an artefact of data sparsity.

(3) *aho man u q*
stove.GEN towards
'To the stove' (lit. 'stove's towards') (Kanepi, EMK)

(4) *`veitkese soodat kah man o ja sai paremp*
little soda.PRT also towards and get.IPF.SC3 good.CMP
'Added a bit of soda and it became better' (Kanepi, EMK)

Map 2. The spread and functions of the glottal-stop-final *manoq* 'towards' across South Estonian dialects. Boxes indicate language islands. Dotted area indicates no data. Spatial data of the Estonian Land and Spatial Development Board as of 01.01.2025. Base Map is by Natural Earth.

In both Kraasna and the Sangaste subdialect of Tartu, only postpositional *manoq*-forms were documented, no adverbial uses of either *mano* or *manoq* were found. It is noteworthy, however, that in Heikki Ojansuu's Kraasna phonographic transcriptions, presented in Weber (2021 : 385–390), the glottal stop is present in all instances of *manoq* postpositions. Some forms showed a reduction (ex. 5) or a complete loss (ex. 6) of a vowel before the final consonant, a feature that is particularly characteristic of Seto (Pajusalu 2022 : 369) and Kraasna (Weber 2021 : 356–357).

(5) *egäüt's lätvä? uma tare manʊ?²*
 each go.PL3 own.GEN house.GEN towards
 'Everyone goes to their own house' (ES MT 224; Mets et al. 2014 : 280)

(6) *vajà miñnä? papi m ʌ n?*
 need go.INF priest.GEN towards
 'You have to go to the priest' (530/5 (a530a_05); Weber 2021 : 388)

In cases of vowel loss, glottal stop is the only segment to differentiate a lative *manq* 'towards' between a locative *man* 'at'. This distinction has been overlooked, *manq* has been misleadingly translated as a locative 'at', rather than a lative 'to' (Weber 2021 : 360). The form *man^(v)ki?* (ex. 7) indicates assimilation of a glottal stop as the expected output of *mano* + the emphatic clitic *-kiq* would have been **manogiq*.

(7) *mähke mähkühe ni vei tare man^(v)k i?³*
 wrap.IPF.SG3 diaper.ILL and bring.IPF.SG3 house.GEN towards

² The same part is transcribed in 530/5 (a530a_05), Weber 2021 : 388 as *tare põle*.

³ The same part is transcribed in 530/5 (a530a_05), Weber 2021 : 388 as *tarë män?*.

'Wrapped the diapers and brought [it] to the house' (AES 202; Mets et al. 2014 : 277)

In the areas where *manoq* is used, the vowel-final *mano* also occurs (although there is a clear preference for *manoq*): for example, in the Hargla subdialect, 61 out of the 95 examples had a glottal stop, with no functional difference between the *manoq* and *mano*. This suggests that the variation between *manoq* and *mano* in these areas represents a regular $q \sim \emptyset$ variation, where q is more likely to be dropped in certain morphophonological contexts, e.g., in unstressed syllables and before a vowel (Vaab 2023).

The Lutsi material in Mets et al. (2014) raises questions regarding the trustworthiness of the manuscripts. Some narratives contain only vowel-ending *mano* (pages 109–126, ES MT 122), some contain only *manoq* (pages 157–167, ES MT 247). The homogeneity of forms within individual manuscripts could reflect the differences between individual speakers, who carried different dialects of South Estonian to Lutsi language island. On the other hand, variation between *mano* and *manoq* in the transcriptions of Lutsi recordings is not speaker-specific: a single speaker could vary different forms within the same narrative (pages 212–248, recordings EMH 191 and EMH 192). This raises the possibility that forms used in the manuscripts reflect a transcriber's linguistic knowledge or an attempt at standardisation, making it necessary to be cautious when drawing conclusions about phonetic features and their variation on the basis of the manuscripts.

By contrast, the eastern Võro and Seto material shows no variation. None of the 139 examples from Põlva, Vastseliina, Räpina, and Seto had a word-final glottal stop in *mano*. Given that the glottal stop is otherwise frequent in eastern Võro and Seto in other constructions (Vaab 2023), the absence of final q in *mano* cannot be interpreted as a regular $q \sim \emptyset$ variation, but rather as a lexeme-specific restriction: the only form used in Eastern Võro and Seto is *mano*. Since q developed from earlier $*-k$, *manoq* can be reconstructed as $*manok$ (Ernits 1977 : 82). The absence of *manoq* in the material suggests a different historical lative form, $*manoj > mano$, which replaced earlier $*manok > manoq$. Because the South Estonian language islands preserved older linguistic features and *manoq* appears across all of them, it can be inferred that *manoq* was historically more widespread in the South Estonian core area. The replacement of *manoq* by *mano* in eastern Võro and Seto must therefore have occurred after the formation of the language islands but before the early twentieth-century records. The completeness of this shift is particularly noteworthy. To evaluate this properly, the change must be considered in a broader context and compared with other lative adverbs.

In addition to the evidence provided by the language islands for earlier language use, older written sources of South Estonian may also offer indirect evidence for the occurrence of a glottal stop. However, as written Tartu did not mark glottal stops with a dedicated grapheme, their presence must be inferred from the sound change $o > u$ in non-initial syllables. The change $o > u$ is shared by Estonian as well as Mulgi, Tartu, Leivu, and parts of Võro and Lutsi South Estonian. From the 16th century onwards, variation between o and u in non-initial syllables can be seen in written sources: in open syllables, o was preserved, and in closed syllables, u was used (Prillop 2009 : 601–602) In his late 18th century letter, kept in the Matsi Jaan from Võnnu parish (the easternmost subdialect of Tartu) used his native dialect to write about

his devotion to God (UA, R.22.43.10.a.) In that letter, every *o* in non-initial open syllables is preserved, as in *Ello* 'life', *kahjo* 'pity', *kokko* 'together', *armo Töö* 'work of love, grace', and raised to *u* in closed syllables, as in *suures armus* 'great.TRA grace.TRA'. The only instance in which *u* appears in a non-initial open syllable, was *mannu* 'towards' (ex. 9), although a structurally comparable form *minno* 'me.GEN' (ex. 8) retains *o*. This suggests that a glottal stop was the consonant that closed the syllable at the end of *mannu*, resulting *o > u*, and that in the 18th century, a glottal-stop-ending *mannuq* was used in Tartu South Estonian as well.

- (8) *päle se Tõmas se armas Öñ: m i n n o henne pole*
 after this.GEN pull.IPF.3SG this dear Saviour 1SG.GEN self.GEN side
 'After that, our dear Saviour drew me to Himself' (VAKK, Matsi Jaan, 1794, p. 6)
- (9) 1794 [*aplri*] 16 Päiväl tuli üts libbilenne welli
 1794 April.GEN 16.GEN day.ADE come.IPF.3SG one butterfly brother
Temmä m a n n u
 3SG.GEN towards
 'On 16th April 1794, a butterfly brother came to him' (VAKK, Matsi Jaan, 1794, p. 6)

This is just one example and for clearer evidence, older written sources of Tartu literary language would have to be thoroughly studied. To make conclusions about systematic replacement of **k > q*-ending lative adverbs to **j > Ø*-ending latives in some varieties, other lative adverbs and postpositions must be studied.

2.2. *kodoq ~ kodo ~ kuuq* '(towards) home'

In the Võro-Estonian-Võro Dictionary, *kodo* is exceptional in that its illative form *kodo* is also listed under the dictionary entry for nominative *kodo* (VEVS). The dictionary does not include the archaic form *kuuq* nor the frequently used western Võro variant *kodoq*. The Dictionary of Seto (Käsi 2016) also lists only *kodo* as the Seto equivalent of Estonian *koju*.

Although *kodoq ~ kodo ~ kuuq* 'homewards, (to) home' is not an adverb in the strict sense, its illative form is irregular in comparison with those of other nouns, and its development can be compared with that of adverbs derived from Proto-Uralic. Regular illative forms developed from the illative ending **-hen* (Prillop, Saar 2020 : 291–292), e.g., **vete-hen > vette* 'into water'. By contrast, *kodoq*, *kodo* and *kuuq* have not developed from the illative, rather they reflect an old Uralic lative. The weak-grade *kuuq* is phonological equivalent to the Estonian illative form *koju*, which traces back to the archaic **k*-final lative form **kotok* (Prillop 2020 : 141). The strong-grade form *kodo* indicates the absence of a historical word-final consonant, since a closed syllable would have led to fricativisation and subsequent loss of **-t-*. This also excludes the possibility of **-n* or **-ń*-lative forms, which would not have produced a word-final glottal stop and would likewise have closed the syllable and led to consonant loss, as seen from the first-person singular paradigm: **laton > *laðon > lao* 'stack.1SG'. In South Estonian, the ending *-n* has disappeared except in the northernmost subdialects bordering Estonian. Therefore, the lative *kodo* can be traced back to a *j*-lative form **kotoj*.

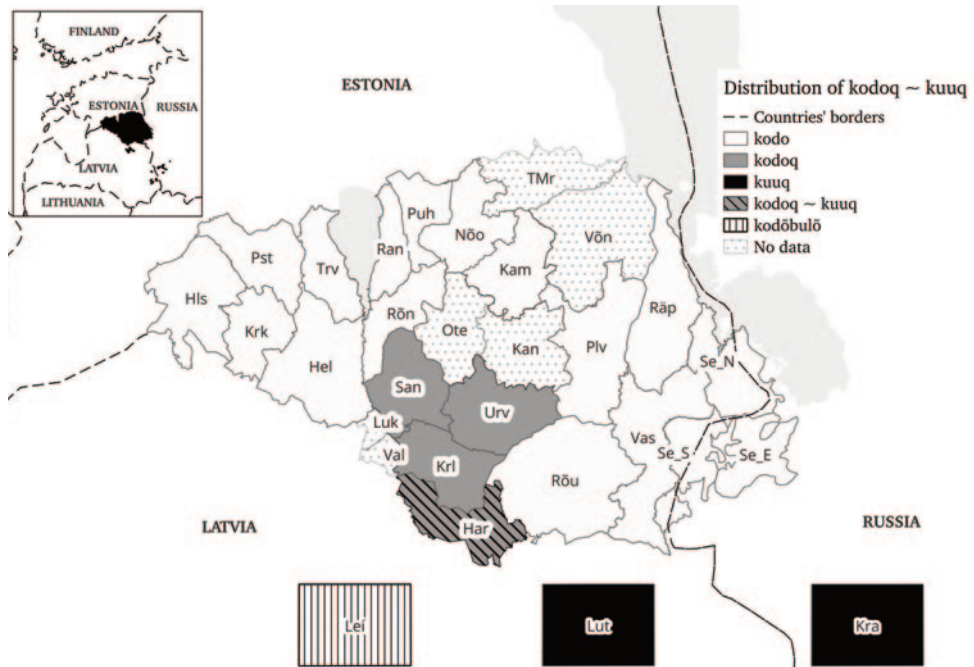
A parallel can be seen in Livonian, where the form expressing motion towards home, *kuodāj* 'to home' (Viitso 2016 : 156), is also irregular in comparison with other illatives, which show *-z(õ)* (e.g., *pū'zõ* 'tree.ILL') or gemination (e.g., *kä'ddõ* 'hand.ILL'), but never *-j* (Laakso 2022 : 384).

There were two changes made to the initial material gathered from the corpus and dictionaries. First, a form *kodoq* in the EMK, which was mistakenly transcribed in a text from Vastseliina, was removed. The underlying audio recording was checked and contains no glottal stop. Similarly, a form *kuu* 'to home' (Mets et al. 2014 : 105) was removed from the Leivu material. Although formally homonymous with *kuuq* ~ *kuu*, the surrounding context shows that this instance of *kuu* represents the conjunction *ku*, produced by the speaker with a lengthened vowel.

Map 3 illustrates the illative forms of *kodo* and its variants in South Estonian subdialects, which can be categorised into three groups:

1. Disyllabic, strong grade *kodo* ~ *kodu* without a glottal stop (white).
2. Disyllabic, strong grade *kodoq* ~ *koduq* with a glottal stop (grey).
3. Monosyllabic, weak grade *kuuq* ~ *kuu* (black).

Areas with diagonal stripes indicate mixed usage.

Map 3. Occurrence of the glottal stop in *kodoq* ~ *kodo* ~ *kuuq* 'to home' across South Estonian dialects. Boxes mark language islands, dotted area indicates no data. Spatial data from the Estonian Land and Spatial Development Board as of 01.01.2025. Base Map is by Natural Earth.

As can be seen in Map 3, most South Estonian dialects use the strong grade vowel-final *kodo*. This strategy is used in Mulgi, most of Tartu, eastern Võro, and Seto. As with *mano* ~ *manoq* 'towards', the forms for 'homewards' in Võro and Seto do not match forms in Lutsi and Kraasna, which reflect the South Estonian spoken in the 17th century (Balodis 2021 : 216). In eastern Võro and Seto, 0 out of 58 examples show any traces of the glottal stop (ex. 10).

- (10) *ta lammass tull' uma jalaga k o d o*
 DEM sheep come.IPF.3SG own.GEN foot.COM home
 'That sheep came home on its own' (EMK, Vastseliina)

In Lutsi, 119 out of 127 forms were *kuuq*, 6 were *kuu* and two were *kotto*. Two most frequent variants, *kuuq* and *kuu*, represent regular *q* ~ Ø variation. The form *kotto*, also attested in Kraasna, is an illative formed by analogy with other illatives and reflects the historical ending **-hen* (as in **vetehen* > *vette* 'into water'). These do not fit in this paper, as they do not derive from nor replace the lative. In Kraasna, *kuuq* ~ *kuu* is likewise the most common form for 'homewards', and the strong-grade *kodo* does not occur as a lative adverb. Although a Kraasna recording contains the sentence *ma l'ã kodo bolë* 'I go home' (Weber 2021 : 387; 530/4 (a530a_04)), this form has not replaced the archaic *kuuq* and can therefore be regarded as not fully grammaticalised. In Leivu, however, the older forms have been replaced by the analytical form *kuodõbolõ*, which is used instead of earlier lative forms.

In the Hargla subdialect, which is a subdialect of western Võro bordering Leivu, *kuuq* (11) is attested alongside *koduq* (12), both with numerous examples.

- (11) *ma olõ uma liinjaani k u u ? unõtanu*
 1SG be.SG1 own.GEN ruler.GEN home forget.PTCP
 'I have left my ruler at home' (EMS, Hargla)
- (12) *illatsõl aol `saie õdakult k o d u ?*
 late.ADE time.ADE get.IPF.1SG evening.ABL home
 'I got home late in the evening' (EMS, Hargla)

The strong-grade form *kodoq* with a word-final glottal stop must be a new development in western Võro and in the neighbouring Sangaste subdialect (marked with grey in Map 3), since historic **-k* would have resulted in the loss of *d*.

Considering that the speakers of both Lutsi and Kraasna were migrants from the Võro and Seto language areas (Mets et al. 2014 : 12–14), it can be argued that *kodo* < **kotoj* replaced the earlier form *kuuq* << **kotok*. The reasons for this are not clear. On the one hand, the development parallels that of *manoq*, where the language islands reflect old **-k* > *q*, while the eastern Võro and Seto show no traces of it, indicating a different lative ending, likely **j* > Ø. One speculative explanation for the change is suggested by a sentence from Lutsi in which *är lät's jo kuu?* 'went home' carries the additional meaning 'died' (EMS). Therefore, replacing one form with another may have been influenced by taboo or superstition.

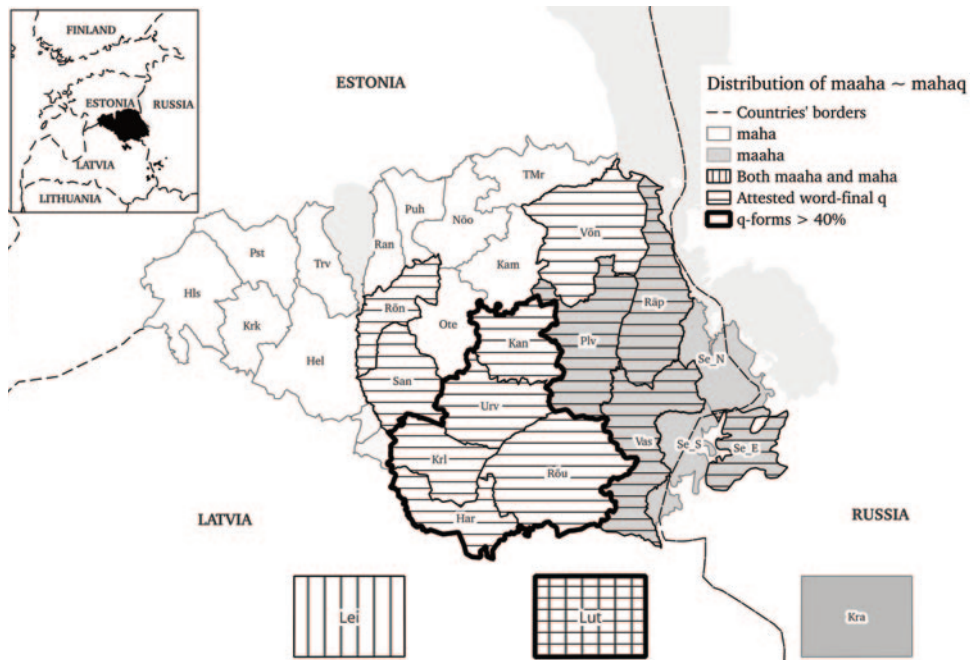
The development of the secondary *q* in western Võro *koduq* raises the question of whether *manoq* in the same area reflects an older **manok* or a parallel secondary development which is added to **manoj* > *mano*. To evaluate this, the distribution of the glottal stop showing motion towards a location in other adverbs must be first mapped.

The variation in the illative forms of *kodo* is greater than what is given in the Võro dictionary. Including *kodoq* and the most archaic form *kuuq* would provide a better representation of South Estonian dialectal diversity, which is reflected in several other adverbs with limited local use.

2.3. Secondary glottal stop in adverbialised illative *maaha* ~ *mahaq* 'down(wards), off, out' and allative *pääle* ~ *pääleq* 'onto' forms

When Proto-Finnic developed a differentiation between inner and outer locative cases, the Proto-Uralic lative (Luobbal Sámmol Sámmol Ánte 2022 : 14) split into two cases: the illative **-sen* 'into' and the allative **-lleEn* 'onto' (Prillop, Saar 2020 : 195, 197). In South Estonian, these have developed into **-hV*, as in *maaha* 'down(wards), off, out' (lit. 'into the ground'), and *-le/-lõ*, as in *pääle* 'onto' (lit. 'onto the head'). Both forms have grammaticalised and function as adverbs and components of phrasal verbs, while also carrying additional semantic meanings.

The Võro dictionary (VEVS) lists two forms for 'down(wards)': *maaha* and *mahaq*. The form *maaha* has preserved the long vowel of the original stem *maa* 'ground', to which the illative suffix *-hV* is added. The second form, *maha*, has a short vowel in the first syllable, a feature it shares with Mulgi and Tartu South Estonian as well as with Estonian (Prillop, Saar 2020 : 291). Map 4 illustrates the distribution of *maha*, *maaha*, *maahaq*, and *mahaq* in the South Estonian dialects.

Map 4. Distribution of the glottal stop in *maaha* ~ *maha* 'downwards' in South Estonian. Spatial data is from the Estonian Land and Spatial Development Board as of 01.01.2025. Base Map is by Natural Earth.

As shown in Map 4, the glottal stop in *maahaq* ~ *mahaq* is a feature of Võro, Lutsi, and the southernmost dialects of Tartu. In western Võro and southernmost Tartu, the glottal stop *q* is added to *maha*, in eastern Võro and eastern Seto, the glottal stop is added to *maaha*. In Lutsi, both *mahaq* and *maahaq* are attested. In Mulgi and northern Tartu, *maha* is used, in northern and southern Seto, and in Kraasna, the form *maaha* is used. In

Lutsi and Leivu, both long- and short-vowel variants occur, but in Leivu, no glottal stop is attested.

The statistics presented in Table 2 reveal a familiar pattern: the secondary glottal stop is particularly frequent in western Võro and Lutsi. The column *ma(a)ha* represents the total number of tokens of forms without a glottal stop (*maha*, *maaha*, *maalõ*, *maahha*, *maa₁a*, *mahha*, *mahalõ*, *mahagi*). The column *ma(a)haq* represents the total number of forms with a glottal stop (*mahaq*, *maahaq*, *maahhaq*).

Table 2

Distribution of *q* in *maha* and *maaha* in South Estonian

Dialect	Subdialect	<i>ma(a)ha</i>	<i>ma(a)haq</i>
Tartu	Sangaste	5 (71%)	2 (29%)
	Võnnu	16 (94%)	1 (6%)
	Rõngu	21 (95%)	1 (5%)
western Võro	Kanepi	8 (47%)	9 (53%)
	Urvaste	3 (21%)	11 (79%)
	Karula	25 (56%)	19 (44%)
	Hargla	15 (15%)	82 (85%)
eastern Võro	Rõuge	0 (0%)	6 (100%)
	Põlva	30 (94%)	2 (6%)
	Räpina	7 (88%)	1 (12%)
	Vastseliina	23 (88%)	3 (12%)
Seto	northern Seto	30 (100%)	0 (0%)
	eastern Seto	30 (91%)	3 (9%)
	southern Seto	28 (100%)	0 (0%)
Language islands	Leivu	22 <i>ma(h)alõ</i> (100%)	0 (0%)
	Lutsi	15 (21%)	58 (79%)
	Kraasna	2 (100%)	0 (0%)

As can be seen from Table 2, most examples from western Võro and Lutsi contain a word-final glottal stop. Only in Karula does *maha* occur more frequently than *mahaq*, but compared to other South Estonian subdialects, the overall frequency is still high. Elsewhere, glottal-stop-final forms are rare, with only one to three examples recorded in each subdialect. Their presence demonstrates the ambiguity of the glottal stops and its positions and indicates that the glottal stop is not a mere reflex of Proto-Finnic *-k, but also a pragmatic tool for emphasising. No functional differences were observed between forms with (ex. 13) and without (ex. 14) a glottal stop.

(13) *kupõrdi kupõrdi, satte m a a h a ʔ*

lurch.IPF stagger.IPF fall.IPF down

'Lurched and staggered, fell' (EMS, Põlva)

(14) *tuu oll' orre ala sadanugi `m a a h h a*

3SG be.IPF henroost.GEN under fall.PTCP.CL under

ni rassõ oll'i õt

so heavy be.IPF that

'S/he had fallen under the henroost, s/he had been so heavy' (EMK, Eastern Seto)

In Lutsi, both variants *mahaq* and *maaha* were common, with the latter recorded more frequently. As shown in the Map 4, the distribution of *mahaq* and *maaha* follows the split between the western and eastern Võro. This suggests that the forms attested in Lutsi originate from different South Estonian dialect areas, and the additional *q* in short-vowel form *mahaq* was already in use by the time the Lutsi language island was formed. Several migration waves forming the Lutsi language area has been noted before in the variation of inessive case endings *-h*, *-n* and *-hn*, which reflects the similar western and eastern variation in the Võro and Seto area, and shows the heterogeneous origins of its speakers (Balodis 2022). The additional *q* in *maahaq* is most likely a later development, but it cannot be ruled out that such forms may have occasionally appeared at the time of the migrations to the Lutsi area.

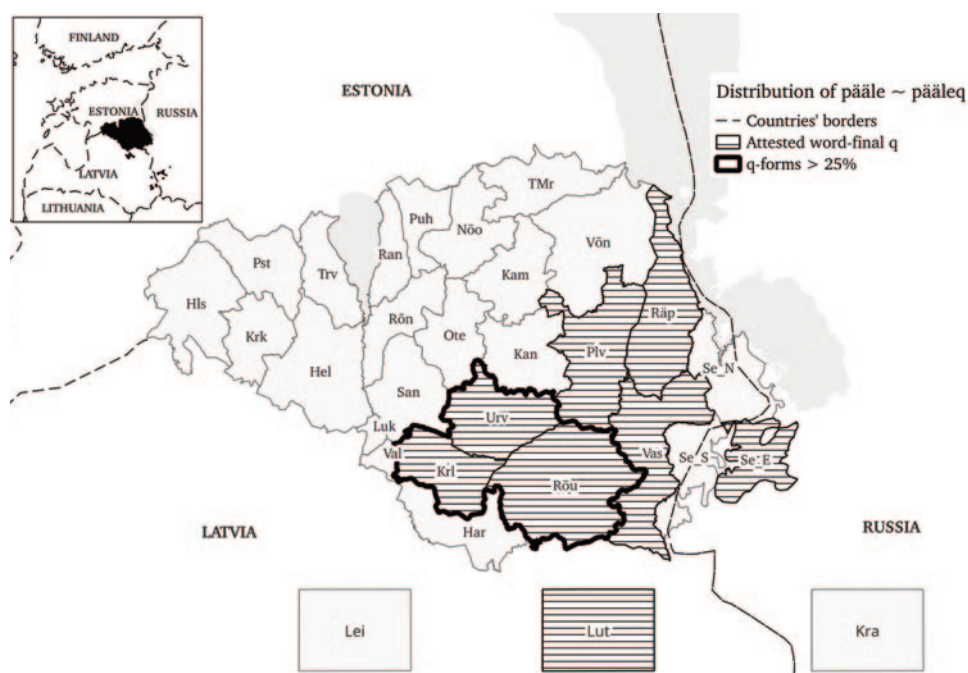
Although Leivu shares several features with western Võro, it did not adopt the addition of a glottal stop to *mahaq*. Rather, it uses the older form *maaha* (ex. 15) or different forms with the added allative suffix *-lE*. This suffix may be attached directly to *maa* (yielding *maalõ*) (ex. 16), or to the already grammaticalised *maha*, creating *mahalõ* (ex. 17), where the subsequent loss of *h* is regular.

- (15) *tu tõmbass su m a a, a*
 DEM pull.3SG SG2.GEN down
 'It will pull you down' (Leivu, EMS)
- (16) *sanna (.) laod'i tekki m a a l õ*
 sauna.ILL drape.IPF.1SG blanket.GEN ground
 'I put down the blanket in the sauna' (Leivu, EMSUKA EMH0088)
- (17) *puista m a h a l õ*
 strew.1SG down
 'I strew [it] on the ground' (Leivu, EMS)

The additional case-like ending *-lõ* seen in example (17) highlights the necessity to mark motion towards a location. Similarly, in Helme, the eastern-most dialect of Mulgi, an illative suffix *-de* appears in certain adverbs for which the Võro counterpart would have a glottal stop, e.g., Võro *sinnäq* 'there, thither', Helme *sinnäde* (EMS). A parallel case of reinforced directional movement with additional case-like endings in directional adverbs is attested in Courland Livonian, e.g., *sã'ldõ-st* 'from_there-ELA', where the forms with additional case endings may be linked to emphasis (Tomingas 2023 : 109–112, 190–192). This suggests that in some instances, the lexicalised form alone was insufficient to express directional meaning, leading to the addition of suffixes otherwise used to indicate movement. Although this may partly serve an emphatic function, double marking is also attested in other grammatical categories in western Võro and in Leivu. In Karula and Hargla, for instance, double tense marking (e.g., *oll-i-si* 'be-IPF-IPF') and imperative marking (e.g., *ol-kõ-ga* 'be-JUS-JUS') have been recorded (Keem, Käsi 2002 : 17, 50–51). Such double marking in Võro has been attributed to migrations from Latvia (Keem 1997 : 13), but its presence in Leivu (e.g., *ol-ka-ga* 'be-JUS-JUS'; Niilus 1936b, AES0181) raises a possibility of broader areal development. That could be related to language attrition or to a weakening of the semantics of the original forms.

Nevertheless, the area in which the secondary *q* appears in *mahaq* ~ *maahaq* is much larger than the area where double-marked forms occur. Because *mahaq* is most common in western Võro, where *manuq* 'towards' is mostly attested and where a secondary glottal stop in *koduq* 'homewards' is common, it is plausible that *mahaq* follows the same pattern of adding *q* to adverbs expressing motion towards a location. To confirm that, additional adverbialised historical case forms must be studied.

In the Võro-Estonian-Võro Dictionary (VEVS), both *pääle* and *pääleq* are listed, without providing further explanation of possible functional differences between the two variants. Based on the examples given in the dictionary, *pääle* is used in phrasal verbs as well as in pre- and postpositional constructions. Iva (2007 : 53) has suggested that the glottal stop in the postposition *pääleq* is a feature of western Võro. Map 5 illustrates the distribution of *pääleq*.

Map 5. Distribution of the glottal stop in *pääle* ~ *pääleq* 'onto' in South Estonian. Spatial data is from the Estonian Land and Spatial Development Board as of 01.01.2025. Base Map is by Natural Earth.

As can be seen in Map 5, the glottal stop in *pääleq* is attested in Võro, Lutsi, and eastern Seto. Elsewhere, only *pääle* is used. The statistics shown in Table 3 reveal a pattern similar to that observed for *mahaq*: the secondary glottal stop is particularly frequent in western Võro, with only occasional occurrences elsewhere.

Compared to *mahaq*, the grammaticalised allative form *pääleq* is not recorded at all in Kanepi or Hargla. In Urvaste, however, it was overwhelmingly the dominant variant (9 *pääle*, 36 *pääleq*). Because *mahaq* is more widespread than *pääleq* and is well attested in Lutsi, whereas *pääleq* occurs there only once, it is plausible that the development of the glottal stop in *pääle* > *pääleq*

Table 3

Distribution of *q* in *pääle* and *pääleq* in South Estonian

Dialect	Subdialect	<i>pääle</i>	<i>pääleq</i>
western Võro	Kanepi	48	0
	Urvaste	9	36
	Karula	63	23
	Hargla	93	0
	Rõuge	47	44
eastern Võro	Põlva	119	3
	Räpina	22	3
	Vastseliina	53	3
Seto	northern Seto	75	0
	eastern Seto	129	2
	southern Seto	143	0
Language islands	Leivu	68	0
	Lutsi	128	1
	Kraasna	42	0

is later than *maha* > *mahaq*, postdating the formation of the Lutsi language island. The form may have developed by analogy, since the bisyllabic *e*-final form *pääle* is structurally similar to the pattern of many *-Ek* > *-Eq* deverbals, e.g., **loottadak* 'to create' : **lootõk* 'fetus, creation' > *loodõq* 'fetus'.

However, data indicate that in Urvaste, Karula, and Rõuge, as well as in Põlva, *pääleq* is functioning both as a postposition and an adverb anywhere in the utterance (ex. 18).

- (18) *võile om iä p ä ä l e ? angõttunu*
 water.ALL be.3SG ice onto freeze.PTCP
 'Ice has covered the water.' (Karula, EMS)

In contrast, in Vastseliina, *pääleq* appears in postpositional and adverbial roles, but is restricted to utterance-final positions (ex. 19).

- (19) *pußsilõ_istu p ä ä l e ?*
 bus.ALL sit.IMP onto
 'Sit on the bus!' (Vastseliina, EMS)

Similarly, in Räpina, *pääleq* is attested solely in postpositional use and at the end of an utterance (ex. 20).

- (20) *pini põrglanõ es mõista? imp*
 dog devil NEG.IPF understand.CNG more
kodo tulla? õigõ ajo p ä ä l e ?
 home.ILL come.INF right.NEG time.NEG onto
 'The hellish dog couldn't come home on time anymore' (Räpina, EMS)

Although Sulev Iva's claim that the postposition *pääleq* is a feature of western Võro (Iva 2007 : 53) does not fully reflect the present-day South Estonian situation, western Võro might have been the starting point from which the form has spread to other dialects, possibly including areas not represented on this map due to a lack of recordings of contemporary South Estonian.

2.4. Glottal stop in illative forms of Hargla Võro and Leivu South Estonian

While *kuuq* developed directly from the old lative **kotok* and the glottal stop in *mahaq* and *pääleq* is a secondary development in western Võro, Leivu and the Hargla subdialect of Võro (see Map 6) share a tertiary development: the use of a glottal stop to mark motion towards a location in certain illative and allative forms. All attested instances of this illative-marking glottal stop occur utterance-finally, a position that favours the presence of a glottal stop in South Estonian (Iva 2007 : 44), even in contexts without historical **-k* (Nigol 1994 : 72).

MAP 6. Subdialects Hargla and Leivu where the glottal stop is occasionally used in illative forms.

Illative suffixes vary across South Estonian dialects. Standard Võro uses *-he* (*lämmä-he* 'warm-ILL'), whereas western Võro uses *-dE*, as in *lämmä-de* 'warm-ILL'. The Hargla subdialect and Leivu share the *dE*-illative with Tartu South Estonian. In certain forms, a short illative based on the older **-hen* could be used, e.g., **käte-hen* > *kätte* 'into hand'. In Standard Võro, the short illative of *Tsooru* would be *ʔTsuuru* (VEVS), yet in the Hargla subdialect, a word-final glottal stop may be added (21):

- (21) *ma lä ʔTsuurü?*
 1SG go.1SG Tsooru.ILL
 'I go to Tsooru' (Hargla, KN 85305, VN38)

On some occasions, the glottal stop could replace the illative suffix altogether. In this example, the illative *ʔlämmäde* is replaced by *ʔlämmäq* 'into the warm'.

(22) *un jova pienembä `pistamize `l ä m m ä q*
 and grain.PL small.CMP.PL sticking.PL warm.ILL

'And smaller grains are to be put into a warm [place]' (Leivu, EMSUKA EMH0088)

In South Estonian, a short illative form of *lämmi* 'warm' cannot be formed (*`lämmä); consequently, in *lämmäq*, the glottal stop does not complement but replaces an overt illative ending. This feature is shared by Leivu and the Hargla subdialect. Example (23) from Hargla illustrates the replacement of the allative ending with a word-final glottal stop *q*. Elsewhere in South Estonian, the adverb 'elsewhere' is attested with an allative ending: *muialõ* in Võro (VEVS) and Seto (Käsi 2016). In Hargla, however, a glottal-stop-final form occurs.

(23) *mine m u i a ? , mis _sa mi _poolõ tulõt*
 go.IMP elsewhere why SG2 PL1.GEN side come.SG2

'Go somewhere else, why do you come to us?' (Hargla, EMS)

Although these examples are very rare, the presence of a similar function in two neighbouring varieties suggests that they are more than just speech errors, especially in the context of adding a glottal stop to forms expressing motion towards a location. Rather, these few examples further demonstrate the interpretation of the glottal stop as a lative marker and as a device for signalling directional movement.

3. Conclusions

The marking of lative adverbs and the expression of motion towards a location vary across the South Estonian varieties. Each adverb has its own set of forms with different geographical distributions within the language area. At least six main areas can be identified regarding the presence of a glottal stop in lative adverbs (see Table 4).

Table 4
 Variation of the glottal stop /ʔ/ in South Estonian lative forms

Area	<i>q</i> in <i>manoq</i>	<i>q</i> in <i>kodoq</i>	<i>q</i> in <i>mahaq</i>	<i>q</i> in <i>pääleq</i>	<i>q</i> < ILL
Mulgi, northern Tartu	no	no	no	no	no
eastern Võro, Seto	no	no	sometimes	sometimes	no
Lutsi, Kraasna	yes	yes, <i>kuuq</i>	sometimes	sometimes	no
western Võro, southern Tartu	yes	yes, <i>koduq</i>	yes	yes	no
Hargla	yes	yes, <i>koduq</i>	yes	no	sometimes
Leivu	yes	no	no	no	sometimes

The Mulgi-Tartu area has generally lost the glottal stop, therefore it represents an area where lative forms also lack glottal stops. Also in eastern Võro and Seto, where the glottal stop is otherwise preserved well, the lative forms are still predominantly realised without a glottal stop. By contrast, the language

islands Lutsi and Kraasna preserve forms that reflect the Võro and Seto varieties of roughly 300 years ago, such as **kotok* > *kuuq* '(to) home'. So, while *q* appears in western Võro as well, Lutsi and Kraasna data represent more archaic patterns, whereas western Võro and southern Tartu show more innovative developments. Leivu does not align with the other language islands: the lative adverbs in Leivu are largely innovative. The only feature it shares with the other language islands and with western Võro is the occurrence of *q* in *manoq*. The Hargla subdialect occupies an intermediate position between western Võro and Leivu. While it shares the innovative forms *kodoq* and *mahaq* with the western Võro area, *pääleq* is not established there. Both Leivu and Hargla also extend the use of *q* to replace allative and illative endings. It is noteworthy that although considered very conservative varieties, eastern Võro and Seto have shared innovations in lative adverbs even after the formation of the Lutsi and Kraasna language islands.

Proto-Finnic **manok* 'towards' developed into *manoq*, a form that survived longest in the language islands and is now used only in western Võro. Most South Estonian dialects, however, replaced *manoq* with **manoj* > *mano*. The presence of *manoq* in the Kraasna and Lutsi language islands suggests that the glottal stop is not an innovation of western Võro, but rather a preserved feature of earlier Võro and Seto.

A similar development can be observed in **kotok* > *kuuq* 'to home', which persisted longest in the language islands of Leivu, Lutsi and Kraasna and is now used only in the Hargla Võro area. In most South Estonian dialects, *kuuq* was replaced by *kodo*, derived from **kotoj*. In the western Võro dialects, a secondary glottal stop was added, resulting the widely used *kodoq*.

The glottal stop in *mahaq* and *pääleq* appears to be a western Võro innovation that later spread eastward. It likely originated from an utterance-final glottal stop in postpositional constructions and was later reanalysed as part of the lexeme itself. A comparable phenomenon can be observed in the Hargla and Leivu dialects, where glottal stops in certain illative forms seem to have developed in the same way, first appearing in utterance-final positions before becoming a morphological feature.

South Estonian stands out among the Finnic languages in preserving reflexes of two different lative endings **-j* and **-k*, surviving until today simultaneously in the same stems: **manok* ~ **manoj* and **kotok* ~ **kotoj*. In the contemporary language, the distinction is not expressed as a clear functional contrast between regular adverbs and postpositional constructions, but rather as a dialectal split between different varieties.

Acknowledgements. This article was written as part of the Estonian Research Council project PRG2184 "From East to West: Typological shift in Estonian and the Southern Finnic languages against the background of Uralic" and the project EKKD-TA2 "Morphosyntactic variation in Estonian".

The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Janek Vaab
University of Tartu
E-mail: janek.vaab@ut.ee

Appendix 1. Occurrence of the glottal stop in *mano* ~ *manoq* 'towards' across South Estonian subdialects

Count of *mano* ~ *manoq*

Form	Subdialect	Post	Adv	Grand Total
<i>mano</i>	Võn	8	1	9
	Vas	11	4	15
	Urv	1		1
	Trv	13	3	16
	Rõu	1	2	3
	Rõn	20	3	23
	Räp		3	3
	Ran	8	1	9
	Puh	2	5	7
	Pst	2	15	17
	Se_N	23	8	31
	Plv	17	14	31
	Ote	11	3	14
	Nõo	25	2	27
	Lut	64	8	72
	Se_S	11	17	28
	Lei	15	7	22
	Krl	24	11	35
	Krk	29	14	43
	Kra	1		1
	Kan	8	5	13
	Kam	3		3
	Se_E	23	6	29
	Hls	2		2
	Hel	3		3
	Har	28	5	33
	<i>mano</i> Total		353	137
<i>manoq</i>	Urv	6	2	8
	San	2		2
	Rõu	17	13	30
	Lut	46	14	60
	Lei	3	7	10
	Krl	10	4	14
	Kra	18		18
	Kan	2		2
Har	42	19	61	
<i>manoq</i> Total		146	59	205
Grand Total		499	196	695

Appendix 2. Occurrence of the glottal stop in *kuuq* ~ *kodu* ~ *koduq* 'homewards' across South Estonian subdialects

Form	Subdialect	Count of a form	Form	Subdialect	Count of a form
<i>kuuq</i>	Har	18	<i>kodu</i>	Har	5
	Kra	13		Hel	5
	Lut	119		Hls	3
<i>kuu</i>	Kra	5		Se_E	46
	Lut	6		Kam	4
<i>kottu</i>	Kra	2		Krk	17
	Krl	1		Krl	4
	Lut	2		Se_S	8
	Puh	2		Nõo	21
	Ran	1		Plv	21
<i>koju</i>	Se_S	1		Se_N	8
	Pst	1		Pst	14
<i>koduq</i>	Har	2		Puh	14
	Krl	14		Ran	15
	San	1		Räp	5
	Urv	5	Rõn	3	
<i>kodõpoolõ</i>	Lei	15	Rõu	10	
			Trv	5	
			Urv	1	
			Vas	7	

Appendix 3. Occurrence of the glottal stop in *mahaq* ~ *maahaq* 'under, down' across South Estonian subdialects

Subdialect	<i>maha</i>	<i>mahaq</i>	<i>maaha</i>	<i>maalõ</i>	<i>maahaq</i>	<i>mahalõ</i>
Har	15	82				
Lut	10	37	5	21		
Krl	25	19				
Plv	2	2	28		5	
Se_E	6	3	24			1
Nõo	34					
Se_N	3		27			
Krk	29					
Se_S	9		19			
Vas	8	1	15		2	
Trv	23					
Pst	23					
Rõn	21	1				
Lei				22		
Kan	8	9				
Võn	16	1				
Puh	16					
Hel	14					
Urv	3	11				
Ote	14					
Kam	11					
Räp	1		6		1	
San	5	2				
Hls	6					
Rõu		6				
Ran	5					
Kra			2			

Appendix 4. Occurrence of the glottal stop in *pääle* ~ *pääleq* 'onto' across South Estonian subdialects

Subdialect	<i>pääle</i>	<i>pääleq</i>
Se_S	143	
Se_E	129	2
Lut	128	1
Plv	119	3
Har	93	
Rõu	47	44
Krl	63	23
Pst	84	
Se_N	75	
Trv	74	
Lei	68	
Nõo	61	
Krk	56	
Vas	53	3
Puh	56	
Kan	48	
Urv	9	36
Võn	45	
Rõn	44	
Kra	42	
Räp	22	3
Ote	23	
Ran	22	
Kam	20	
Hel	19	
Hls	6	
Grand Total	1549	115

Abbreviations

EMK — Liina Lindström & Triin Todesk & Maarja-Liisa Pilvik, Eesti murrete korpus. <https://doi.org/10.23673/RE-365>; **EMS** — Anu Haak & Evi Juhkam & Mari-Liis Kalvik & Mari Kendla & Tiina Laansalu & Varje Lonn & Helmi Neetar & Ellen Niit & Piret Norvik & Vilja Oja & Valdek Pall & Hanna Pook & Eevi Ross & Aldi Sepp & Mari-Epp Tirkkonen & Jüri Viikberg, Eesti murrete sõnaraamat. <https://arhiiv.eki.ee/dict/ems/>; **KN** — Eesti Keele Instituudi kohanimekartoteek veebis, <https://eki.ee/kohanimed>; **QGIS** — Development Team 2024, QGIS Geographic Information System. <https://www.qgis.org>; **UA** — Unitätsarchiv. <https://www.unitaetsarchiv.de>; **VAKK** — Annika Viht & Anu Pedaja-Ansen & Mari-Vivian Ellam & Tene Hook & Helga-Johanna Kuusler & Inge Käsi & Ruari Emil Morrison & Külli Prillop & Dagne-Anete Soontalu & Ave Teesalu & Tuuli Tuisk, Vana Kirjakeele Korpus: Vennastekoguduse alamkorpus. <https://vakk.ut.ee>; **VEVS** — Mariko Faster & Laivi Org & Urmas Kalla & Sulev Iva & Triin Iva, Võru-estli sõnaraamat. Eesti-võro sõnaraamat. <https://synaq.org>.

ABL — ablative case, **ADE** — adessive case, **ALL** — allative case, **CL** — clitic, **CMP** — comparative, **CNG** — connegative, **DEM** — demonstrative, **ELA** — elative case, **GEN** — genitive case, **ILL** — illative case, **IMP** — imperative, **INF** — infinitive, **IPF** — imperfect, **IPS** — impersonal, **JUS** — jussive, **NEG** — negation particle, **PL** — plural, **PRT** — partitive case, **PTCP** — participle, **TRA** — translative case.

Subdialects: **Hls** — Halliste, **Pst** — Paistu, **Krk** — Karksi, **Trv** — Tarvastu, **Hel** — Helme, **Ran** — Rannu, **Rõn** — Rõngu, **San** — Sangaste, **Ote** — Otepää, **Kam** — Kambja, **Nõo** — Nõo, **Puh** — Puhja, **TMr** — Tartu-Maarja, **Võn** — Võnnu, **Krl** — Karula, **Har** — Hargla, **Rõu** — Rõuge, **Urv** — Urvaste, **Kan** — Kanepi, **Plv** — Põlva, **Räp** — Räpina, **Vas** — Vastseliina, **Se_N** — northern Seto, **Se_E** — eastern Seto, **Se_S** — southern Seto, **Lei** — Leivu, **Lut** — Lutsi, **Kra** — Kraasna.

REFERENCES

- Aikio, Ante & Ylikoski, Jussi 2016, The origin of the Finnic *l*-cases. — Fenno-Ugrica Suecana Nova Series 15, 59–158.
- Balodis, Uldis 2021, Lutsi speakers and rememberers in the late 20th and early 21st centuries. — ESUKA 12 (2), 211–249. <https://doi.org/10.12697/jeful.2021.12.2.09>
- — 2022, The distribution of inessive case endings in Lutsi. — Helle Metslang, Miina Norvik, Andra Kalnača (eds), Insights into the Baltic and Finnic Languages: Contacts, Comparisons, and Change, Berlin: Peter Lang (Potsdam Linguistic Investigations 36), 41–61. <https://doi.org/10.3726/b18341>
- Balodis, Uldis & Pajusalu, Karl 2021, Introductory survey of the South Estonian language islands. — ESUKA 12 (2), 7–31. <https://doi.org/10.12697/jeful.2021.12.2.01>
- Ernits, Enn 1977, EST. *manu* : *man* : *mant*. — LU XIII, 81–83. <https://doi.org/10.3176/lu.1977.2.01>
- Iva, Sulev 2003, Võru kõrisulghäälik. — Lõunaeesti häälikud II, Tartu (Tartu Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised 27), 68–91.
- — 2005, Glottal Stop in Võro South Estonian. — LU XLI, 123–133.
- — 2007, Võru kirjakeele sõnamuutmissüsteem, Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus (Dissertationes Philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis).
- Janhunen, Juha 1982, On the structure of Proto-Uralic. — FUF. Band XLIV. <https://doi.org/10.33339/fuf.109829>
- Kallio, Petri 2021, The position of Leivu. — ESUKA 12 (2), 123–143. <https://doi.org/10.12697/jeful.2021.12.2.05>
- Käsi, Inge 2016, Seto sõnastik, Tallinn: Eesti Keele Instituut.
- Keem, Hella 1997, Võru keel, Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Emakeele Selts.
- Keem, Hella & Käsi, Inge 2002, Võru murde tekstid, Tallinn: Eesti Keele Instituut (Eesti murded VI).
- Laakso, Johanna 2022, Livonian. — Marianne Bakró-Nagy, Johanna Laakso, Elena Skribnik (eds), The Oxford Guide to the Uralic Languages. 1st edition, Oxford: Oxford University Press, 380–391. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198767664.003.0022>
- Laanest, Arvo 1975, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut.
- Luobbal Sámmol Sámmol Ante (Aikio, Ante) 2022, Proto-Uralic. — Marianne Bakró-Nagy, Johanna Laakso, Elena Skribnik (eds), The Oxford Guide to the Uralic Languages. 1st edition, Oxford: Oxford University Press, 3–27. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198767664.003.0001>
- Mets, Mari & Haak Anu & Iva, Triin & Juhkason, Grethe & Kalmus, Mervi & Norvik, Miina & Pajusalu, Karl & Teras, Pire & Tuisk, Tuuli & Vaba, Lembit & Niit, Ellen & Päll, Peeter 2014, Lõunaeesti keelesaarte tekstid, Tallinn: Eesti Keele Instituut, Tartu Ülikool (Eesti murded IX).
- Nigol, Salme 1988, Anton Boks (1908–1988), viimane leivu. — KK, 755.
- — 1994, Hargla murraku konsonantism, Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Eesti Keele Instituut.
- Pajusalu, Karl 2022, Seto South Estonian. — Marianne Bakró-Nagy, Johanna Laakso, Elena Skribnik (eds), The Oxford Guide to the Uralic Languages. 1st edition, Oxford: Oxford University Press, 367–379. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198767664.003.0021>
- Prillop, Külli 2009, Järgsilpide *o* ja *u* varieerumine ning traditsioonid vanas kirjakeeles. — KK, 595–607.
- — 2020, Eesti keele ajalooline fonoloogia. — Külli Prillop & Karl Pajusalu & Eva Saar & Sven-Erik Soosaar, Tiit-Rein Viitso, Eesti keele ajalugu, Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus (Eesti keele varamu VI), 74–168.

- Prillop, Külli & Saar, Eva 2020, Eesti keele ajalooline morfoloogia. — Külli Prillop & Karl Pajusalu & Eva Saar & Sven-Erik Soosaar, Tiit-Rein Viitso, Eesti keele ajalugu, Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus (Eesti keele varamu VI), 169–336.
- Tomingas, Marili 2023, Pro-forms in spoken Courland Livonian, Tartu: University of Tartu Press (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 23).
- Vaab, Janek 2023, Lõunaeesti kõrisulghääliku varieerumine. MA Thesis, University of Tartu.
- Valk, Heiki 2021, Finnic language islands in Eastern Latvia: archaeological background and perspective. — ESUKA 12 (2), 95–122. <https://doi.org/10.12697/jeful.2021.12.2.04>
- Viitso, Tiit-Rein 2016, The essive in livonian. — ESUKA 7 (1), 145–175. <https://doi.org/10.12697/jeful.2016.7.1.07>
- Weber, Tobias 2021, A linguistic analysis of Heikki Ojansuu's phonograph recordings of Kraasna. — ESUKA 12 (2), 343–390. <https://doi.org/10.12697/jeful.2021.12.2.13>
- Ylikoski, Jussi 2011, A survey of the origins of directional case suffixes in European Uralic. — Seppo Kittilä & Katja Västi & Jussi Ylikoski (eds), Case, Animacy and Semantic Roles, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company (Typological Studies in Language 99), 235–282. <https://doi.org/10.1075/tsl.99.09.yli>
- — 2019, Välikatsaus suomen sijojen juuriin. — Sananjalka 61, 262–272. <https://doi.org/10.30673/sja.83911>

ЯНЕК ВААБ (Тарту)

ВАРЬИРОВАНИЕ ГОРТАННОЙ СМЫЧКИ /ʔ/ В ЛАТИВНЫХ ФОРМАХ ЮЖНОЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА

Одной из особенностей южноэстонских языков по сравнению с другими прибалтийско-финскими языками является наличие гортанной смычки /ʔ/ и вариативность её произношения. Хотя грамматические и лексические функции гортанной смычки в южноэстонских идиомах в целом сходны, её реализация в лативных формах варьируется от диалекта к диалекту. Это связано как с консервативным характером говоров лутси и краасна, так и с инновациями западных диалектов вырусского языка. В статье рассматривается употребление гортанной смычки в лативных формах *manq* ~ *mano* 'к (кому-либо)', *kuuq* ~ *kodoq* ~ *kodo* 'домой', в адвербиализованной форме иллатива *mahaq* ~ *maaha* 'вниз', а также в формах аллатива *pääleq* ~ *pääle* 'на' и в окончании иллатива в языке лейву и харгласком диалекте вырусского языка.

JANEK VAAB (Tartu)

KÕRISULGHÄÄLIKU /ʔ/ VARIEERUMINE LÕUNAEESTI LATIIVSETES VORMIDES

Üks lõunaeesti keele iseärasusi teiste läänemeresoome keelte seas on kõrisulghäälik /ʔ/ ja selle varieeruv hääldus. Kuigi /ʔ/ grammatilised ja leksikaalsed funktsioonid on lõunaeesti keeltes samad, erineb kõrisulghääliku esinemus latiivsetes vormides keeliti ja murdeti. See on tingitud nii Lutsi ja Kraasna murraku konservatiivsusest kui ka võro keele läänemurrete innovatsioonidest. Selles artiklis uuritakse kõrisulghääliku esinemist latiivsetes vormides *manq* ~ *mano* 'juurde', *kuuq* ~ *kodoq* ~ *kodo* 'koju', adverbialiseerunud illatiivvormides *mahaq* ~ *maaha* 'maha' ja allatiivvormides *pääleq* ~ *pääle* 'peale' ning illatiivi lõpus leivu keeles ja võro keele Hargla murrakus.

ТАТЬЯНА ПАШКОВА (Петрозаводск)

СЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ
ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ГОВОРИТЬ'
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИВВИКОВСКОГО НАРЕЧИЯ
КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Abstract. The Semantics and Etymology of Verbs with the Semantics of Speaking in the Livvi Dialect of the Karelian Language

In recent years, the Karelian language has been actively studied from the point of view of various aspects: structural-syntactic, morphological-derivational, lexical-phraseological, diachrony etc. Such studies are relevant, since currently there is an active process of revitalization and popularization of Karelian language. The scientific novelty of the presented research is seen in the lack of knowledge of the semantic classes of Karelian verbs. In this regard, this article examines the semantics, etymology and functioning of verbs with the semantics of speaking in the Livvi dialect of the Karelian language. The source base for collecting linguistic material was the dialect dictionary of the Livvi dialect of the Karelian language, published in 1990. A total of 46 verbal lexemes, represented by two groups, were identified and interpreted. The collected material indicates that the range of verbs with the meaning 'to speak' is quite wide and reflects various characteristics of speaking (for example, duration, tone, tempo, clarity of speech, etc.). By origin, the majority of verbs are descriptive, which can be explained by the specifics of the Finnic languages, which contain a large amount of onomatopoeic vocabulary.

Keywords: Livvi dialect of Karelian, verbs of speech, semantics, word formation, etymology.

1. Введение

В последнее время лексика карельского языка вызывает неподдельный интерес у исследователей с точки зрения семантики, этимологии и лингвогеографии (см., напр. Конгоева 2023; Муллонен & Жуков 2020; Пашкова 2023). Многие лексико-тематические классы имен достаточно хорошо исследованы, чего нельзя сказать о семантических классах глаголов. В настоящей статье автор обращается к рассмотрению глаголов со значением 'говорить' в ливвиковском наречии карельского языка.

Received 1 December 2025, accepted 9 April 2026, available online 10 May 2026.

© 2026 Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

В близкородственных карельскому языку — вепсском и финском — вопрос семантики и классификации глаголов речеведения рассматривался в трудах таких исследователей, как, например, Н. Г. Зайцева, А. Ю. Жуков, Н. М. Мосина и Л. А. Еремочкина. Предлагаются следующие группы глаголов речи с точки зрения семантики: 'говорить продолжительно с ожиданием ответа', 'говорить кратко без ожидания ответа', 'говорить высоким тоном', 'говорить пустяки, болтать', 'произносить заговоры, молитвы' (Зайцева & Жукова 2021 : 379—381). В финском языке Н. М. Мосина и Л. А. Еремочкина выделяют следующие классы: 1) глаголы, характеризующие внешнюю сторону устной или письменной речи и содержание мысли; 2) глаголы, характеризующие речевое взаимодействие и коммуникативную сторону устной и письменной речи; 3) глаголы со значением побуждения, выраженные посредством устной или письменной речи; 4) глаголы со значением эмоционального отношения и оценки, выражаемых посредством устной и письменной речи (Мосина & Еремочкина 2021 : 25—26).

Русскоязычные глаголы речевого действия подвергались всестороннему изучению: на материале только русского языка, в сопоставительном плане, в литературном языке, в диалектах и говорах и др. Так, например, в фундаментальных трудах известного лингвиста Л. М. Васильева, посвященных семантике русского глагола (Васильев 1971; 1981), выделены шесть семантических классов глаголов речи: 1) глаголы, характеризующие внешнюю сторону устной или письменной речи (в сочетании с приставками данный класс получает различные значения: начинательности, завершительности, незавершенности); 2) глаголы, характеризующие содержание мысли, выражаемые посредством устной или письменной речи (в сочетании с приставками данный класс осложняется и приобретает дополнительные значения: начинательности, завершительности, ограничительности); 3) глаголы, характеризующие коммуникативную сторону устной и письменной речи; 4) глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта; 5) глаголы со значением побуждения, выраженные посредством устной или письменной речи; 6) глаголы со значением эмоционального отношения и оценки, выражаемых посредством устной и письменной речи (Васильев 1971: 216—224). В словаре «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации» отражены лексические репрезентации концепта «болтливость», напр., навязчивое повторение чего-либо в речи (напр., *жуужжать*, *зудеть* и др.), ассоциация речи с птицами, насекомыми (напр., *стрекотать*, *затрещать* и др.), речь, характеризующаяся пустословием (напр., *празднословить*, *плести* и др.) (КРЯ 2017 : 426—431). В статье Е. А. Тупицыной представлены три группы глаголов говорения с разработанными схемами их толкования: глаголы, в семантике которых отражены мотивирующие чувства; глаголы, в семантике которых отражен объект речи; глаголы, в семантике которых отражена цель речи (Тупицына 2017 : 135). Исследование Ю. В. Маркевича и П. В. Середы посвящено анализу понятия глаголов речи и разработке классификации этих глаголов. В итоге, авторами предлагаются две группы: глаголы с общим значением говорения, и все остальные глаголы, которые не только обозначают речевой акт, но и несут дополнительную информацию о нем (манеру изложения, звуковое оформление речи и др.) (Маркевич & Серeda 2016 : 3). И. А. Ермолаева предлагает семантическую классификацию гла-

голов речи с позиции речевого акта: собственно глаголы речи; каузативные глаголы речи; интенсивные глаголы речи; перформативные глаголы; интерактивные глаголы; глаголы звукоподражания; глаголы жестикуляции и мимики; глаголы, выражающие экспрессивную ситуацию со стороны говорящего (Ермолаева 2017 : 372—373).

2. Результаты исследования

В данной статье подвергнутся семантическому и этимологическому анализу 46 глаголов с семантикой говорения, идентифицированных методом сплошной выборки из диалектного словаря ливвиковского наречия карельского языка (СКЯ 1990). Выбор упомянутого источника обусловлен богатством его лексического состава. Словарь содержит несколько десятков тысяч диалектных примеров коткозерского ареала, включающего более 20 расположенных на юго-востоке Республики Карелия деревень. Коткозерский говор лег в основу новописьменного ливвиковского наречия карельского языка.

2.1. Классификация глаголов со значением 'говорить'

Проведенный анализ существующих исследований рассматриваемой группы глаголов показал отсутствие универсальной классификации, в рамках которой представилось бы возможным сгруппировать карело-язычные леммы. В связи с этим автором предпринята попытка создания собственной классификации с опорой на имеющиеся теоретико-методологические данные. Итак, рассматриваемая лексико-тематическая группа глаголов с семантикой 'говорить' формируется следующими значениями:

1) ядерные лексемы с семантикой 'говорить' (без стилистических оттенков): *paista* 'говорить', *tolkuija* 'говорить, втолковывать' (СКЯ 1990 : 251, 384);

2) тяготеющие к периферии лексико-семантической группы глаголы, характеризующие говорение с точки зрения различных аспектов:

— продолжительность и скорость речепроизнесения: *čiyčettia* 'говорить быстро', *hačattua / čäčättiä* 'тараторить, говорить без умолку', *jauhottua* 'много говорить, болтать', *jankuttua / jatkkuttua* 'твердить, говорить об одном и том же', *lallattua* 'без умолку говорить, болтать', *ločettua* 'трепцать, говорить не умолкая, болтать', *šaglata / hötätä* 'говорить быстро, неразборчиво', *šoglata* 'говорить быстро, болтать, шепелявить', *tarattua* 'рассказывать, говорить без умолку' (СКЯ 1990 : 36, 40, 55, 101, 177, 189, 359, 365, 376);

— тон речи (громко или тихо): *huikata* 'звать кого-либо громким голосом, кричать', *jorostua* 'протяжно и громко говорить', *nuakkua* 'говорить отрывисто высоким голосом', *ratkia* 'кричать, говорить грубо', *yukkia* 'шептать; говорить негромко', *šuhista* 'шептать, шушукаться', *šupettua* 'шептать, шушукать', *čuhkuttua* 'шептать, пошепывать', *čohista* 'шептать, шушукаться' (СКЯ 1990 : 37, 39, 75, 104, 233, 322, 366, 367, 450);

— четкость речи: *hoblata* 'говорить неясно, мямлить', *mammattia* 'говорить невнятно, лепетать, говорить детским языком', *sammaldua* 'гово-

речь неразборчиво', *ogista* 'издавать нечленораздельные звуки' (СКЯ 1990 : 87, 220, 325, 453);

— характер (важность/неважность) речи: *huakkua* 'говорить, болтать', *huikata* 'говорить необдуманно, ляпать', *hozlata / šäštiä / šöžlätä* 'говорить вздор, молотить чепуху', *kalkattua* 'говорить, болтать', *koruo* 'брехать, говорить вздор', *mallata* 'болтать, говорить чепуху', *matata* 'говорить что попало и как попало', *soglata / soblata* 'говорить, болтать что попало', *vozlata* 'говорить что попало' (СКЯ 1990 : 73, 75, 89, 121, 154, 219, 367, 440);

— предназначение речи: *vastata* 'говорить наперекор, возражать, отвечать' (СКЯ 1990 : 419), в т. ч. подчеркивающие важную для народной культуры связь с процессом лечения и колдовства: *puhuo* 'заговаривать, произносить заговоры, заклинания, нашептывать' (СКЯ 1990 : 286), *oppiie* 'заговаривать, ворожить' (СКЯ 1990 : 244) — и содержащие звукоподражательные элементы, свидетельствующие о коммуникативной цели либо выражающие эмоции говорящего: *iakkia* 'говорить «а-а» (проситься на горшок)', *oikkua* 'говорить, кричать «ои»', *nuukkua* 'говорить кому-л. «ну», нукать' (СКЯ 1990 : 98, 235, 242).

Таким образом, в классификации представлено две группы глаголов, обозначающих в ливвиковском наречии карельского языка различные оттенки говорения (во второй есть пять подгрупп). Всего зафиксировано 46 глаголов. Рассмотрим их происхождение.

2.2. Этимология глаголов со значением 'говорить'

Наибольшая часть глаголов выборки, 25 из 46, являются оноματοпоэтическими. Глаголы *čiyčettia*, *hačattua* (вероятно, фонетическая вариация *ločettua*), *čačattia*, *nuakkua* с различными оттенками говорения ('говорить быстро, тараторить, говорить отрывисто') являются метафорическими и мотивированы теми звуками, которые издают птицы: *čiyčettia* 'чирикать, щебетать' (о воробье), *hačattua* 'стрекотать' (о сороке), *čačattia* 'стрекотать' (о сороке), *nuakkua* 'кричать' (о галке). Звукоподражательные глаголы *šuhista*, *čuhista*, *čuhkuttua*, *čohista*, номинирующие такой оттенок говорения как 'шептать, шушукать, пошептывать', метафоричны относительно основного значения этих наименований 'шипеть, сопеть, посапывать'. Карельские глаголы *mallata*, *hoblata*, *šupettua*, *ratkia*, *jorostua*, *jankuttua* являются дескриптивными и прослеживаются в других прибалтийско-финских языках (ср., напр., фин., вепс. *mälistä* 'говорить быстро, болтать', фин. *hövätä*, *höpistä* 'мямлить', фин. *supista* 'шептать', фин. *rätkiä* 'рычать, огрызаться', фин. *jorista* 'продолжительно говорить', фин. *jankuttaa* 'продолжительно говорить') (SSA 1 : 216, 236, 242; SSA 2 : 192; SSA 3 : 128, 220). Лексемы *vozlata*, *hozlata*, *hötätä*, *šäštiä*, *šöžlätä*, *šaglata*, *šoglata*, *soglata*, *soblata* не относятся к активно употребляемой лексике. В зафиксировавших их источнике они определены как дескриптивные глаголы с идентичным значением 'говорить, болтать что попало'. Начальная форма этих глаголов говорит о том, что *vozlata / šöžlätä / hozlata / hötätä* и *šaglata / šoglata / soglata / soblata* являются диалектными фонетическими вариациями. По происхождению глагол *ogista*, вероятно, является звукоподражательным (ср. *möngyö* 'мычать (о корове, теленке)'). Семантически данное именование основано на метафорическом переносе, отражающем

схожесть мычания коровы с особенностью говорения человека 'мычать, издавать нечленораздельные звуки'.

От междометий образованы следующие леммы: *huikata* (< *hui* 'фу!'), *lallattua* (< *la-la* 'ла-ла!'), *yykkia* (< *yy* 'уу!'), *iakkia* (< *iä* 'а-а!'), *oikkua* (< *oi* 'ой!'), *nuukkua* (< *nu* 'ну!').

Полисемантический глагол *puhuo* определен финляндскими этимологами в разряд оноματοпозитических и имеет аналоги в близкородственных языках (ср., напр., вепс. *puhuda* 'заговаривать, дуть', эст. *puhuda* 'дуть, раздувать', вод. 'дуть о ветре') (Häkkinen 2004 : 964; SSA 3 : 416). Вероятно, самыми древними значениями данной леммы являются 'дуть (о ветре); дуть, выпускать струю воздуха изо рта; сеять, выдувать семена репы при посадке изо рта'. Эти прямые значения мотивируют переносное 'заговаривать; произносить заговор, заклинание; нащептывать', т. е. буквально «выдувать» заговоры. Этимологи считают прибалтийско-финским наследием глагол *paista*, который прослеживается во всех родственных карельскому языках. В этимологическом словаре современного финского языка высказывается предположение о фонетической мотивированности значения данного глагола: в водском языке *pakizö-* 'гремять, грохотать, стучать', в эстонском — *pagiseda* 'гремять, жужжать,' (см., напр., Häkkinen 2004 : 297; SSA 3 : 297).

Глагол *jauhottua* по происхождению также является древним прибалтийско-финским наследием (SSA 1 : 237). Его прямое значение 'давать смолоть' мотивирует переносную семантику 'много говорить, болтать'. Лемма *jatkuttua* образована посредством каузативного глагольного суффикса *-tta* от исконно прибалтийско-финского глагола *jatkua* 'продолжать' (SSA 1 : 236). Полисемантический глагол *oppie* со значениями: 1) 'пробовать; пытаться сделать что-либо'; 2) 'примеривать; подбирать'; 3) 'отведывать'; 4) 'трогать руками; щупать'; 5) 'брать (о рыбе)'; 6) 'заговаривать, ворожить' (СКЯ 1990 : 244) — является исконно прибалтийско-финским (SSA 2 : 269).

Глагол *vastata* образован от *vasta* 'против, вопреки' с помощью каузативного суффикса *-ta* (SSA 3 : 417).

Лексема *sammaldua* 'мстить, обложить мхом' имеет глагол-омоним со значением 'говорить неразборчиво', что, вероятно, указывает на особенность речи — говорить нечетко (СКЯ 1990 : 325).

К глаголам, заимствованным из русского языка, следует отнести леммы *tolkuija* (< от рус. *толковать* 'говорить о деле, договариваться'), *tarattua* (< от рус. *тараторить* 'говорить, рассказывать, болтать'), *matata*, *tammattia* (< от рус. *мямлить, мямлять* 'делать что-либо медленно, вяло'), *kalkattua* (< от рус. *калкать, калконуть* 'звонить, ударять (в колокол)'), что восходит к одному из значений *kalkattua* 'брякать, звякать, брэнчать' (СРНГ 1977 : 362; 1983: 85; 2010 : 282; 2011 : 190).

Ряд глаголов — *huakkua*, *koruo* — не содержится ни в одном новописьменном словаре карельского языка, а также в других диалектных карело-язычных словарях, что указывает, вероятно, на их локализацию в коткозерском ареале. С точки зрения этимологии и мотивации данные леммы являются «темными», так как они практически вышли из активного употребления и определить точно их происхождение не представляется возможным.

3. Вывод

Глаголы говорения широко представлены в ливвиковском наречии карельского языка. Собранный материал позволил определить две группы глаголов: 1) ядерные лексемы с семантикой 'говорить' (2 лексемы); 2) тяготеющие к периферии лексико-семантической группы глаголы, характеризующие говорение с точки зрения различных аспектов (продолжительность и скорость речепроизнесения (12 лексем), тон речи (10 лексем), четкость речи (4 лексемы), характер (важность/неважность) речи (12 лексем), предназначение речи (6 лексем). Наибольшая часть глаголов являются звукоподражательными или звукоизобразительными, что возможно объяснить большим количеством дескриптивных глаголов в карельском языке. Как правило, они мотивированы первичным значением глагола или их семантика вытекает из звуковой оболочки леммы. Ряд глаголов являются прибалтийско-финским наследием (напр., *paista*, *oppie*), и они за длительный период бытования в языке карелов стали полисемантическими. Несмотря на богатство лексем, номинирующих процесс говорения в ливвиковском наречии, глаголы *tolkuija*, *tarattua*, *matata*, *mammattia* и *kalkattua* появились путем заимствования из диалектов русского языка. Происхождение глаголов *huakkua* и *koruo* не удалось восстановить: возможно, они локализованы в конкретном диалектном ареале, в данном случае — коткозерском. Безусловно, многие глагольные формы рассматриваемой семантической группы глаголов, содержатся в других диалектных и новописьменных словарях ливвиковского наречия карельского языка, поэтому данное исследование можно продолжить с использованием дополнительного языкового материала, привлекая в сравнительно-типологическом аспекте сведения из собственно карельского и людиковского наречий карельского языка.

Data availability statement.

All data are available in the article.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Tatjana Pashkova
Petrozavodsk State University
E-mail: tvpashkova05@mail.ru

Сокращения

КРЯ 2017 — Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). Словарь, Москва 2017; **СКЯ 1990** — Г. Н. Макаров, Словарь карельского языка (ливвиковский диалект), Петрозаводск 1990; **СРНГ** — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 12; 19; 43; 44, Санкт-Петербург 1977; 1983; 2010; 2011; **вепс.** — вепсский; **вод.** — водский; **рус.** — русский; **фин.** — финский; **эст.** — эстонский.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Л. М. 1971, Семантические классы русского глагола чувства, мысли, речи: очерки по семантике русского глагола, Уфа.
— — 1981, Семантика русского глагола, Москва.
- Зайцева Н. Г. & Жукова О. Ю. 2021, «Говорить» по-вепски: именованья некоторых глаголов речи в языке вепсов (лингвогеографический и семантико-этимологический аспекты). — Ежегодник финно-угорских исследований Т. 15, № 3, 376—388.
- Ермолаева И. А. 2017, Семантическая классификация глаголов речи в русском языке. — Вестник СПбГУ. Язык и литература. Т. 14. Вып. 3, 362—375.
- Конгоева А. А. 2023, Сомат *nenä* 'нос' в карельских фразеологизмах. — Финно-угорский мир, Т. 15, № 4, 401—407.
- Маркевич Ю. В. & Середа П. В. 2016, Глаголы речи и их семантическая классификация. — Научные труды КубГТУ, № 2, 1—9.
- Мосина Н. М. & Еремочкина Л. А. 2021, Семантика глаголов говорения в финском языке, характеризующих внешнюю сторону устной и письменной речи и содержание мысли. — International Journal of Humanities and Natural Sciences, Vol. 12-1 (63), 24—28.
- Муллонен И. И. & Жуков А. Ю. 2020, Динамика развития ойконимической системы в северолудиковском языковом ареале. — Научный диалог, № 5, 113—131.
- Пашкова Т. В. 2023, Мотивы номинации рыболовных сетей в карельских диалектизмах. — LU LIX, 42—48.
- Тупицына Е. А. 2017, Глаголы речи в лексикографическом аспекте. — Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 16, № 2: Филология, 132—139.
- Häkkinen, Kaisa 2004, Nykysuomen etymologinen sanakirja, Helsinki.

TATJANA PAŠKOVA (Petroskoi)

AUNUSE KÕNELEMIST MÄRKIVATE VERBIDE SEMANTIKA JA ETÜMOLOOGIA

Viimastel aastatel on karjala keelt igakülgsest uuritud, sest praegu käib aktiivne karjala keele taaselustamine ja populariseerimine. Artiklis käsitletakse karjala verbide semantiliste klasside uurimise raames aunuse kõnelemist märkivate tegusõnade semantikat, etümooloogiat ja tarvitust. Keelelise ainestiku allikaks on 1990. aastal ilmunud aunuse karjala keele murdesõnaraamat. Kokku on tuvastatud ja analüüsitud 46 verbi. Need peegeldavad kõnelemise erinevaid tunnuseid, näiteks selle kestust, hääle valjust, kiirust, selgust jne. Päritolu järgi on suurem osa verbe deskriptiivsed ja onomatopoeetilised, mis on läänemeresoome keeltele üldiselt iseloomulik.

М. А. КЛЮЧЕВА (Йошкар-Ола)

НАИМЕНОВАНИЯ ИГРЫ ТИПА *SNOW SNAKE* (НЫРОК) В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Abstract. Designations of games of the type Snow Snake in Uralic languages *Snow Snake* is a general designation for a class of games in which darts or javelins are hurled along snow or ice in a competition to see whose dart will go the farthest. From a global perspective, this antique winter game is most common among the natives of North America and the Uralic peoples. Based on ethnographic and linguistic sources, the area of the game in Northern Eurasia is mapped. It is found among almost all Uralic peoples of the Russian Federation and is known to Russians and the Teleuts (a Turkic-speaking people of Western Siberia). The paper also deals with the vocabulary of the snow snake game in the Uralic languages (Nenets, Khanty, Mansi, Sámi, Karelian, Udmurt, Komi, Mari), primarily from the point of view of etymology. It is dominated by native Proto-Uralic words. Interestingly, in these languages (except for Khanty), the designations of the game include words derived from Proto-Uralic **ńgle* (**ńóle*) 'arrow'. Ethnographic and linguistic evidence suggests the Proto-Uralic origin of the game with an icy stick.

Keywords: Folk games, winter games, ethnolinguistics, lexicology, etymology.

1. Введение

«Снежная змея» (англ. *snow snake*) — это устоявшееся в этнографической литературе наименование определенного рода игр индейцев Северной Америки, в которых игроки бросают палку по насту или льду, пытаясь метнуть ее как можно дальше (Beauchamp 1884; Culin 1907; Parker 1909; Avedon & Sutton-Smith 1971). В дальнейшем этот термин, наряду с наименованием «снежная стрела», стал употребляться и по отношению к аналогичным играм с обледенелой палочкой у народов Западной Сибири (Красильников 2002 : 60; Прокопенко 2019 : 68—70; Шагапова 2020). Английское *snow snake* (*snowsnake*) — калька с наименования игр такого типа у американских индейцев (Culin 1907 : 399), например, в языке сенека *-(h/):was(a)- ~ ka:wa:sa?* 'snowsnake' [= 'снежная змея'] (Chafe 1967 : 57, № 711). В среде индейцев Северной Америки подобные игры были

Received 17 April 2025, accepted 24 April 2026, available online 14 May 2026.

© 2026 Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

очень популярны и продолжают оставаться своего рода национальным брендом, культурным достоянием.¹

Поводом к нашему исследованию лексики, используемой для номинации данной игры у уральских народов, послужил интереснейший доклад этнографа Гулькай Рахимьяновны Шагаповой на «Конгрессе антропологов и этнологов России—XV» (Санкт-Петербург, 2023), в котором проводились параллели от игровой культуры обских угров к играм индейцев Северной Америки. В частности, рассматривались аналоги игры «снежная змея» у хантов, манси и ненцев. Шагапова делает выводы о предположительно обрядовой основе этой игры (инициация юношей), относит ее к «уникальным игровым сюжетам, связывающим Западную Сибирь, Дальний Восток и Северную Америку» и видит в ней свидетельство «этнокультурных контактов предков хантов и манси» (Шагапова 2020 : 751).

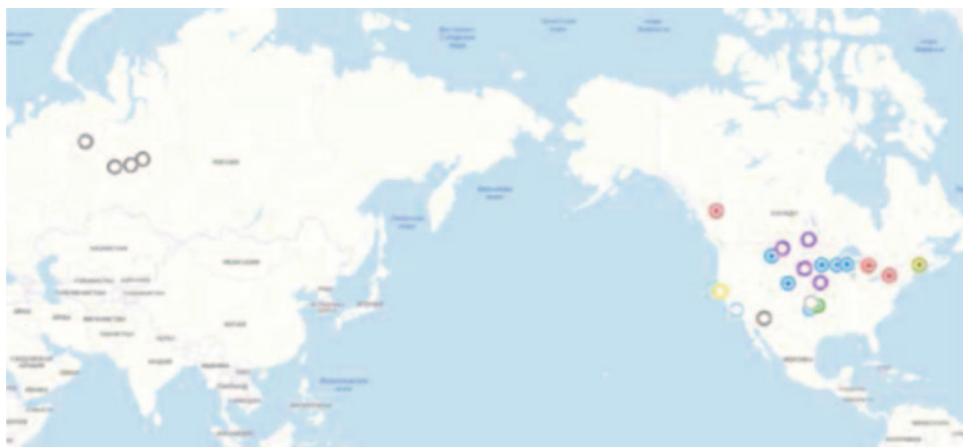

Рис. 1. Карта распространения игры «снежная змея» (Шагапова 2020 : 753).

Представленный в докладе и статье Г. Р. Шагаповой (2020) материал нас особенно заинтересовал, поскольку подобная игра распространена не только в Западной Сибири и Северной Америке, но и практически у всех уральских народов, включая коми, удмуртов, мари, саамов, карел. В некоторых языках ее название даже перекликается с названием игры у индейцев, например: мар. *кишке тоя* 'палка-змея', кар. *ñuloi* 'змея, гадюка' (Макаров 1990 : 231, 234). Играют в подобные игры и русские (*нырок*, *шнырялка*, *палка-нырялка*, *пускалка*, *мызганка*, *мызгалка*, *в шуку*, *сула*, *юлою*).

Таким образом, цель данной статьи — рассмотреть игру типа snow snake в более ограниченном пространстве Северной Евразии и, главное, сравнить ее названия в уральских языках, составив этимологические справки к лексике игры. Полагаем, что сравнение похожих игр разных

¹ При поисковом запросе "snowsnake" на интернет-видеоплатформе YouTube открывается множество видеороликов, на которых современные жители США и Канады играют в эту игру, энтузиасты-современные потомки индейцев рассказывают об ее истории, правилах, подготовке инвентаря и т. п., например, <https://youtu.be/c-367ITmMzc?si=y4twojDKC3OtHdIO>; <https://youtu.be/nq9JzSW2X6U?si=MukkHyyGNAWJTqgl>; <https://youtu.be/qnGKzyOGfvw?si=f8bqPtVdFIQR0uW7>; <https://youtu.be/A2J3CT9tlqo?si=06enFEc6gi72detI>; <https://youtu.be/lxHS6WT0ykY?si=RW4L--bqeWnH-je9K> и др.

народов с учетом именно языковых, лексических данных позволяет более точно разграничивать типологическое сходство и контактно-генетическое родство игровых культур.

«Снежная змея» относится к играм с метательными движениями. Палку для игры изготавливали из сырой древесины разных пород дерева: из молодой елки (манси, казымские ханты, коми, мари), сосенки (ненцы, ханты, кольские саамы), березы (карелы-людики, саамы), осины (сургутские ханты), дуба (горные мари), «из любого дерева» (аганские ханты). Мальчики играют в нее чаще, чем девочки. Но никаких свидетельств о связи игры у уральских народов с определенными обрядами (в частности, с обрядом инициации юношей) мы не обнаружили. Вместе с тем встречаются указания о связи ее с военными и охотничьими практиками, например, у саамов (Коркина 2010 : 15—20), также у мари:

Шонгы эдемвлӓн шайыштмы семӓнь техень пикӓвлӓ доно кырык марын патырвлӓ мӓндӓр перви Ыльмӓшӓштӓ тышманвлӓ ваштареш шидӓлӓнӓйт. Кынамжы тидӓн донок охотничӓеныт — шардым мол келгӓ лымеш поктен шон дӓ пуштын кердӓнӓйт. Техень Ыльмӓш ылын — руш кугижӓэт дӓ тӓдӓн кӓнезвлӓжы [-ӓ] мары халык патырвлӓлӓн цила [-ӓ] йиш оружым кычылташ волям путелыт. Ты гишӓн мӓмнӓн преткӓвлӓлӓн Ышке вуйыштыгӓц техень оружы хӓдӓрӓм туман лыкташ вӓрештӓн (МНИ, № 2290. <http://hillmarygames.blogspot.com/2013/02/blog-post.html>).

По словам стариков, такими пиками горномарийские богатыри в далеком прошлом боролись с врагами. Иногда с ними же охотились — лося и других могли догнать по глубокому снегу и убить. Такая была жизнь — русский царь и его князья не давали марийским богатырям воли держать оружие. Поэтому нашим предкам пришлось придумать самим такое оружие...

В Северной Америке палка в игре snow snake также восходит к боевым дубинкам (англ. *war clubs*) и связывается с мифологией богов войны (Culin 1907 : 399).

Типологически близки «снежной змее» игры, в которых скользящий предмет не вытянутый (палка), а камень или костяшка, и запускается он не на дальность, а на попадание в определенную цель. Таковы, например, керлинг и айсшток в Северо-Западной Европе.² Бытование игр в кости (мар. *канке* 'бабки') на расчищенной ледовой площадке, похожей на хоккейную, зафиксировано у пермских мари (зап. Т. Голева в 2011 г.) (МНИ, № 1455), у русских — *мызгалки* 'игра в бабки на льду' (Соль-Илецк. Чкал. 1955) (СРНГ 19 : 50). С другой стороны, игре «снежная змея» типологически близки игры, в которых предмет бросают также просто на дальность, но не по снежной поверхности, а по воде (т. н. «блинчики» ~ англ. *stone skipping*) или по грунту, например, игра *вит-вит* 'кенгуровая крыса' у аборигенов Австралии (Красильников 2002 : 60).³ Подобные «летние» варианты

² Изображение игры в айсшток (предшественник керлинга) встречается даже на картинах Питера Брейгеля Старшего, см. его «Зимний пейзаж с конькобежцами и ловушкой для птиц» (1565).

³ Подробное описание игры *вит-вит* содержится в главе XXI романа Марка Твена «По экватору» (Mark Twain, *Following the Equator*, 1897). <https://marktwain.ru/sochineniya/po-ekvatoru/p21>.

игры *snow snake* (броски палки по грунту) бытовали и у индейцев Северной Америки (Culin 1907 : 420). На Украине известна игра, называемая *скопердин* ~ *шкареберть* ~ *шкандыбки* и т. п., когда палка бросается на дальность «колесом», т. е. скачет по земле, ударяясь о землю концами (зап. в 1847, 1887 г.) (Всеволодский-Гернгросс 1933 : 446, 450).

Изучив источники (словари, этнографические публикации), мы выявили круг лексем, относящихся к игре «снежная змея», и составили карту распространения этой игры в Северной Евразии (см. Рис. 2). Среди отмеченных на карте народов, кроме русских и телеутов (тюркоязычный народ Кемеровской области),⁴ все относятся к уральским народам.

Не найдены игры типа «снежной змеи» у финнов, эстонцев, венгров и мордвы, что может быть связано с недостаточностью источников, которыми мы располагаем. В дальнейшем изучение игры (этнографических и лингвистических материалов) может быть продолжено и на запад от исследованного нами ареала, и на восток (пространства Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока, Монголии, Северного Китая и т. д.), для чего требуется объединение усилий региональных специалистов.

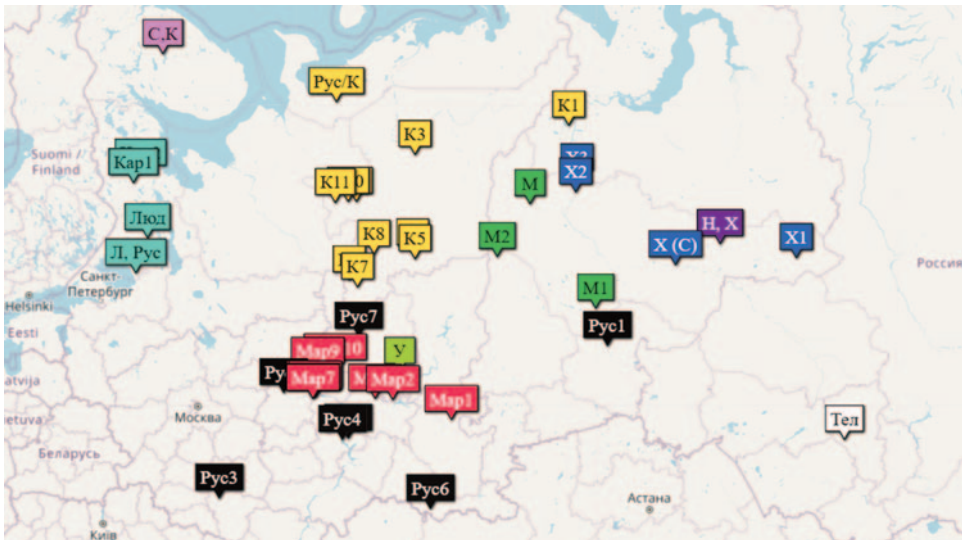

Рис. 2. Карта распространения игры типа snow snake в Северной Евразии (Аббревиатуры: К — коми, Кар — карелы, Л — ливвики, Люд — людики, М — манси, Мар — мари, Н — ненцы, Рус — русские, Тел — телеуты, С — саамы, У — удмурты, Х — ханты).

В последующих четырех разделах нашего исследования будет рассмотрена лексика игр типа snow snake в разных уральских языках. В разделе 2 мы рассматриваем названия игры в ненецком, манси, саамских и карельском языках (производные от ПУ *ñgle (*ñõle) 'стрела'). В разделе 3 будут проанализированы названия игры в хантыйском языке, в раз-

⁴ По данным интернет-источников, у телеутов игра называется *элбранкай* 'скользящая' (<https://arctic-megapedia.com/blog/2020/12/06/igry-i-sportivnye-sostjazaniya-teleuto/>) ~ словарное телеут. *жылбыркай* 'гладкий, скользящий' < *жылбыра* 'скользить' (Рюмина-Сыркашева & Кучигашева 1995 : 29).

деле 4 — в удмуртском и коми, в разделе 5 — в марийском языке. В последнем разделе 6 сформулированы общие выводы исследования.

2. Производные от ПУ *ńęle (*ńōle) 'стрела' в названиях игры типа *snow snake*

Слова, восходящие к ПУ *ńęle (*ńōle) 'стрела', находятся в лексическом составе практически всех уральских языков, включая вымершие самодийские: фин. *nuoli*, эст. *nool*, саам. *njuollâ ~ njuolla ~ ńüll ~ ńuoll*, морд. *нал*, мар. *нӧлӧ*, удм. *нӧл* (*ńil ~ ńel ~ ńel ~ ńow*), коми *нӧв* (*ńil ~ ńev ~ ńul*), хант. *ńal ~ ńot*, манс. *ńel ~ ńal*, венг. *nyíl*, нен. *ńi: tuńńi* 'ружье' (букв. 'огонь-стрела'), энец. *ни: туни*, сельк. *ńi*, †камас. *ńié ~ ńa*, †койб. *не*, †матор. *ней*, †тайг. *ńéitä* (UEW 317). Ср. также неожиданное соответствие в языке сенека (ирокезская группа) -*?n(o)-* 'arrow' ['стрела'] (Chafe 1967 : 91, № 2055).

В названиях игры типа *snow snake* слова, восходящие к этой основе, зафиксированы у лесных ненцев, манси, саамов и (вероятно) карел.

2.1. У ненцев в этнографическом источнике название игры имеет написание *наля* (Прокопенко 1997 : 41—42), затем в позднейшей работе того же автора *налля* (Прокопенко 2020) с одинаковым небуквальным переводом 'скользящее копье':

«Игра записана у лесных ненцев пос. Варьёган. Подобная игра существует у аганских, ваховских (Прокопенко 1997 : 39—41) и сургутских хантов (Прокопенко 1992 : 28—29). Проводится она в зимнее время года на дороге, припорошенной снегом. В игре участвуют дети 7–14 лет, часто к игре подключаются юноши и даже взрослые мужчины. Игра командная, количество игроков в команде может быть от 2 до 10 человек. Для игры изготавливают «копья» из молодых сосенок, растущих в низине возле рек. Длина такого «копья» достигает 1,5 м, диаметр носовой части — 2—3 см, хвостовой — 1,5 см. Носовая часть на конце округляется. «Копье» тщательно ошкуривается, на нем не должно быть шероховатостей, сучков. Перед игрой «копье» 23 раза опускают в прорубь, чтобы на его поверхности образовалась ледяная корочка (наледь). «Копье» метают участники игры в рукавицах. очередность метания «копья» участниками команд определяется по договоренности или с помощью жеребьевки.

Описание: Перед игрой определяется расстояние между командами, как правило — это 20—30 м. В обозначенных местах проводятся линии. Одна из команд начинается метать «копье» по снегу в сторону соперников. Для этого игрок берет правой (левой) рукой «копье» за середину, хвостовую часть прижимает к спине, разворачивает плечо с «копьем» слегка назад. После этого он резким и мощным движением плеча и руки посылает «копье» вперед так, чтобы оно, упав плашмя на снег, заскользило по нему в сторону противоположной команды. Соперники должны около своей линии остановить скользящее по снегу «копье», наступив на него сверху ногой (рис. 20) [рис. 3 в данной статье].

Если им это удастся сделать, один из игроков берет «копье» в руки и посылает его таким же способом в сторону другой команды.

В том случае, если команда не смогла остановить скользящее по снегу «копье», она отходит от своей линии назад, на место его остановки, а бросившая «копье» команда выдвигается вперед на такое же расстояние. Если брошенное «копье» останавливается раньше, не достигнув линии противоположной команды, эта команда подходит к нему, а метавшая «копье» отступает назад на такое же расстояние. Игра продолжается до тех пор, пока одна из команд не отеснит другую до заранее оговоренных границ игровой площадки.

Вариант 2

Описание. Играют два игрока, один против другого. Правила и ход игры те же, что и в первом варианте» (Прокопенко 2020 : 65–67).

Рис. 3. Иллюстрация к лесной ненецкой игре *налля* (Прокопенко 2020 : 66).

Прямое словарное соответствие к слову *налля* — нен. *naŋa* 'копье' (лесное наречие) (Попова 1978 : 59). См. также нен. *на́ля* 'наконечник хорея', 'копье' (Бармич & Вэлло 2002 : 77), *naŋataj* 'медный наконечник стрелы', *naŋtaj* 'копьевидная стрелка'. В «Уральском этимологическом словаре» К. Редее к основе ПУ **ŋele* (**ŋöle*) 'стрела' данная ненецкая лексика не приводится (UEW 317), там только нен. *ni: tuŋni* 'Flinte, Gewehr' ['ружье'], букв. 'огонь-стрела' ~ *туни* 'ружье' (Пырерка, Терещенко 1948 : 247).

Игра «скользящее копье» (*налля*) записана у лесных ненцев пос. Варьёган, где живут также ханты — ср. в хантыйском языке слова *nal* 'стрела' (вах., вас.), *naŋ* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.) и др. (Терешкин 1981 : 297), *нол* 'стрела' (казым.) (Соловар 2014 : 223), *нёл* (шурышкар.) (Сязи & Скамейко 2007 : 174). Но в играх типа *snow snake* у хантов эту лексику (< ПУ **ŋele* (**ŋöle*) 'стрела') мы не нашли.

2.2. У манси игра с обледелой палкой называется *тутнел* 'снежная стрела' (Красильников 2004 : 41—42). В. И. Прокопенко указывает, что аналогичная игра известна и хантам (без указания в данном источнике ее аутентичного хантыйского названия) (Прокопенко 2019 : 68—70).

Рис. 4. Иллюстрация к игре «снежная стрела» (Прокопенко 2019 : 69).

Слово *тутнел* является композитом из двух мансийских слов: *түйт* 'снег' (Афанасьева & Собянина 2012 : 71; Ромбандеева & Кузакова 1982 : 129) и *нял* 'стрела' (Афанасьева & Собянина 2012 : 39; Ромбандеева & Кузакова 1982 : 78, 129) ~ манс. *ñēl* 'Pfeil' ['стрела'] (UEW 317; UEW III 172). В мансийско-русском словаре для слова *туйтнял* приведено также значение 'снежок, комок' (Афанасьева & Собянина 2012 : 71).

Этимология: манс. *ñēl*, *ñāl* 'Pfeil' ['стрела'] происходит от ПУ **ñēle* (**ñōle*) (UEW 317), а для манс. *тут* 'снег' полного соответствия в базе исконной мансийской лексики (UEW) не найдено; наиболее близко по значению манс. *tōt*, *tōwt* 'Ski=снегоступы' < ПУ **sukse* (UEW 450).

В этнографических источниках есть еще одна фиксация этой игры у манси с наименованием только на русском языке — *погоня шеста* (п. Кондинское ХМАО) (Прокопенко 2019 : 70). Там же есть указание, что эта игра была популярна среди манси, проживающих в Свердловской области.

2.3. У кольских саамов игра описана под названием *сйррэ нйллэнь* 'игра в копьё' (букв. 'играть в копьё'). Ее описание на саамском языке с переводом на русский содержится в книге М. Г. Медведевой (2011 : 23—24).

Содержателен в этнографическом плане и видеоролик из с. Ловозеро Мурманской обл. от 22 февраля 2021 г. («Ловозерский НКЦ приглашает», https://vk.com/wall-144211429_19440), где рассказывается об игре *нилл чецклямуш* 'бросание копьё', и представители саамского рода Галкиных (дед, отец и сын) рассказывают по-саамски и показывают, как в нее играть. Пара сканов из этого видеоролика представлены на Рис. 5 и 6.

Рис. 5. Ведущий видеоролика об игре *нилл чецклэмуш* 'бросание копья' в саамской одежде (с. Ловозеро Мурманской обл.).

Рис. 6. Саамский род Галкиных показывают игру *нилл чецклэмуш* 'бросание копья'.

Словарное соответствие к игровому термину *нилл*, *ни́лл* (кильд.) — слово, означающее стрелу: *ni̯l* (UEW III 132), *ни́лл* (Керт 1986 : 228). Слово *чецклэмуш* — от глагола *чецкля* (*чецкля*, *чецклял*) 'бросать, кидать, метать' (Керт 1986 : 104) ~ *чѐцкля* 'метать' (Керт 1986 : 176) ~ *чаццѐке* (*чацка*, *чацк*) 'бросить, кинуть, метнуть; забросить, закинуть' (Керт 1986 : 104). Суффикс *-миš* используется для образования отглагольного имени действия (Керт 1971 : 206). В UEW точное соответствие глаголу *чецкля* не найдено, этимология неясна.⁵

⁵ Ср. южносаамское *sätti-*, *sätte-*, *sitte-* 'werfen, schleudern' ['бросить, швырнуть'] < ПФП *šajtta 'werfen, schleudern' ['бросить, швырнуть'] (UEW 781).

Упоминается бросание палки и в саамской художественной литературе, но под другим названием. В сказке «Мыххкэл Шуххкэл» саамской писательницы Е. Н. Коркиной заточенная обледенелая палка — *шуххкэл* — является грозным оружием саамов, которое главный герой использует против вторгшихся в его пределы чудинов (пронзает насквозь насмерть) (Коркина 2010 : 15—20).⁶ *Шуххкэл* в сказке запускается во врагов по снегу, как в игре. Бросая *шуххкэл*, герой саамской сказки приговаривает:

Мыххкэл, шуххкэл, шуйхъкель, муйхъкель!
Мыххкэл, шуххкэл, шуйхъкель, муйхъкель!
Чогк чонтэ чудэнь!
'Шуххкэл Мыххкэла, заскользи, пролети!
Шуххкэл Мыххкэла, заскользи, пролети!
Проколи горло чудинам!' (Коркина 2010 : 19)

Этимология использованного в сказке и, возможно, созданного писательницей слова *шуххкэл* неясна. В приговорке оно рифмуется с именем Мыххкэл и созвучно со словами *шуйхъкель* и *муйхъкель*, которым в небуквальном русском переводе соответствуют слова 'заскользи' и 'пролети' соответственно. Но скорее приговорка представляет собой непереводаемый набор рифмующихся слов. Из контекста сказки следует, что основа слова *шуххкэл* звукоподражательного характера (отражает шелест скользящей палки, звон ударяющихся ледяных палок). Ср. фин. *suihkia* 'свистеть, жужжать (например, о пиле, челноке); двигаться т. е. делать быстро', *suihkata* 'взмахнуть' и др., кар. *suihkoa* ~ *šuihkoa* 'двигаться со взмахом, нырять (например, челнок, белка на дереве)', *t'šuihahtoa* 'поскользнуться', кар. людик. *t'šuihahtada* 'скользить' и др. (SKES 1089), кар. *šujata* 'скользить', *šujahtua* 'пронестись, проскользнуть' (Федотова & Бойко 2009 : 585), *šuihkua* 'носиться, суетиться', *šuihkuttua* 'действовать быстро, стремительно', *šuhu* 'шипение, шум' (Федотова & Бойко 2009 : 584).

2.4. В Карелии игра с обледенелой палочкой зафиксирована у карел в Ругозере (Муезерский р-н), Тунгуде (Беломорский р-н), у карел-людиков, а также у карел-ливвиков и русских в Олонецкой Карелии. Ее наименования:

— людик. *ñили* (Sn B Pl Td Pk):

«metrin pituinen koivuinen heittoleikkiväline: toinen pää on paksumpi, pyöreä, nuijamainen, teräväkärkinen, toinen taas hoikka; hoikemmasta päästä otetaan kiinni, kiepautetaan ilmassa korkealla ja nakataan n. kolmen metrin päähän lumeen (kinokseen), josta se kimmoaa korkealle ilmaan ja tekee n. 20—30 m pitkän kaaren ilmassa, pudoten sitten lumeen, jossa jatkaa matkaansa pinnalla tai pinnan alla; paksu pää usein jäädytetään kastamalla veteen» (Kujola 1944 : 271—272).

'березовая метательная игрушка метровой длины: один конец более толстый, круглый, булавовидный, с острым кончиком, другой тонкий; более тонкий конец подхватывается, раскручивается высоко в воздухе и выстреливается примерно на три метра в снег (берутся

⁶ Сказку целиком можно прочесть онлайн на сайте Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/KorkinaEN/Korkina_EN_Poyuschiy_veter_tundri_2010/17/.

за палку] в рукавице), откуда высоко подпрыгивает в воздух и делает в воздухе дугу длиной 20—30 м, затем падает в снег, где продолжает свое движение по поверхности или под поверхностью; толстый конец часто замораживается погружением в воду’;

— *ńulu* ‘палка для игры’, *ńulauttua* ‘играть с длинной палкой, бросая ее на дальность в снегу, на льду’ (Ругозеро) (Федотова & Бойко 2009 : 391);

— ливвик. *ńuloi* и *ńulu* — веретенообразная палочка (около 70—80 см) для игры на снегу; *ńuloittua* — пускать палочку по снегу (при игре); *tuõndiä* — пускать палочку по снегу (Макаров 1990 : 234); при этом у слова *ńuloi* ~ *ńoloi* есть также значение ‘змея, гадюка’ (Макаров 1990 : 231);

— *ńulačču* ‘палка с острым концом, наращенным льдом, используемая при игре, на льду, на снегу: палку бросают в снег или на лед, бросивший дальше получает вознаграждение’; *ńulaičču* *ńulaittamaa* ‘бросать палку, играя’; *ńulaittua* ‘бросать палку при игре на льду, на снегу’ (Тунгуда); в словаре указывается также омоним *ńulačču* (тнг) ‘змея’ (Федотова & Бойко 2009 : 391.⁷

Как видим, карельские названия палки в этой игре (*ńulu*, *ńuloi*, *ńulačču*) созвучны с кар. (квл-кст, тнг) *nuoli* ‘стрела’ (Федотова & Бойко 2009 : 391) (ср. фин. *nuoli*), но есть определенные фонетические различия (*ń-l* ‘палка в игре’ ~ *n-l* ‘стрела’). В ливвиковском диалекте (см. Макаров 1990) соответствия к кар. *nuoli* ‘стрела’ неизвестны — стрела обозначается словом *piili* (Макаров 1990 : 266).

Возможно, карельские названия игры и палки имеет смысл сопоставить с кар. *ńulata* ‘уползать, ускользать, быстро и незаметно уходить’ (вкн, гкл, онд, ткш, тнг) (Федотова & Бойко 2009: 391) ~ ливвик. *ńulišta* ‘ползти; ползать’ (Макаров 1990: 234) ~ людик. *ńulišta (Td) (Kujola 1944 : 271). Названия змеи (ливвик. *ńuloi* ~ *ńoloi* ‘змея, гадюка’, тнг *ńulačču* ‘змея’) могут быть производными от этой основы. Ср. рус. *полоз* ‘название различных видов змей’ от глагола *ползти*, *ползать* (в словаре Федотовой и Бойко игровой термин *ńulačču* (наименование обледенелой палки) и зооним *ńulačču* маркируются как омонимы, а в словаре Макарова *ńuloi* — как одно слово с двумя значениями).

Наименование палки в игре тем же словом, которое означает «змею» (как в ряде карельских диалектов), — вполне логичная метафора, т. к. движения палки напоминают движения ползающей змеи. То же у мари (мар. *кишке тоя* ‘змея-палка’) и в нарицательном американском *snake snow*. Возможно, буквальное значение рассматриваемого игрового термина ‘полоз’, ‘ползунок’, ‘скользяшка’ (англ. *slider*)? В таком случае для кар. *ńulata* ‘уползать, ускользать, быстро и незаметно уходить’ в этимологической литературе предполагается соответствие с фин. *nola* ‘пускать слюни, слизь, плевать’ (SKES 391) и образование под влиянием фин. *nolki* ‘слизь, сопли, слюни’ ~ кар. *nölki* ‘слюнявый’⁸ < ПФУ *ńolke ‘Speichel, Schleim, Rotz’ [‘слюня, слизь, сопли’] (UEW 322).

⁷ Там же *ńulata* ‘уползать, ускользать, быстро и незаметно уходить’ (вкн, гкл, онд, ткш, тнг) (Федотова & Бойко 2009: 391).

⁸ «Deskriptioissävvyisiä, ehkä *nolki* sanaan (ks. tätä) nojautumalla muodostuneita tai ainakin siitä merkitysvaiikutuksia saaneita sanoja» (SKES 391). ‘Слова с описательными оттенками, возможно, образованные на основе слова *nolki* (см. здесь) или, по крайней мере, под его влиянием’.

С другой стороны, в людиковском диалекте (по самому старому источнику) *ñили* — только игровой термин (наименование палки), и значения 'змея' у этого слова нет (Kujola 1944 : 271—272), что может указывать на вторичность зоологической семантики по отношению к игровой (наименованию палки). Вероятным нам представляется развитие значения слова 'стрела' > 'змея', как в следующем примере: рус. диал. *стрелок* — вид ядовитой змеи. *Красная змея, такая небольшая — это стрелок, как человека увидит, так бросится и стрелит насмерть.* (Том., 1965) (СРНГ 41 : 321). Если в карельском произошел подобный сдвиг значения слова *tuoli* ('стрела'), логичный при табуировании названия опасного животного, то природа фонетических расхождений остается не до конца ясной (*n-l* (стрела) > *ñ-l* (змея)). Ср. мягкий начальный согласный в саам. *ñil* 'Pfeil' ['стрела'] (UEW III 132).

У русских Олонецкой губ. игра с обледенелой палочкой называлась *мызганка* (Покровский 1895 : 223)⁹ и *шнырок* (зап. в 1894 г.) (Всеволодский-Гернгросс 1933 : 446). К последнему наименованию см. описание игры *шнырялка* у русских Вятской губ. (Покровский 1895 : 223), рус. (без указания места) *нырок* — детская игрушка, *нырялка* — то же: палочка, залитая водою и обледенелая, которая летит далеко, бросаема по льду (Даль 1905 2 : 1456); *нырок* — детская игрушка, обледенелая палочка, которую бросают по льду (Ворон., 1920) (СРНГ 21 : 325), *нырялка* (*мырялка*) — в русском переводе марийского слова, означающего эту же игру (Эпин 1935 : 100). От рус. *нырять* 'опускаться, кидаться вниз', от которого также рус. зооним *нырки* 'род водоплавающих птиц семейства утиных (лат. *Netta*)'.

3. Хантыйские названия игры типа *snow snake*¹⁰

В этнографических источниках и словарях хантыйского языка зафиксировано несколько наименований игры с обледенелой палочкой, относящихся к разным диалектам: восточным (аганский, сургутский, ваховский) и западным (казымский). Начнем обзор с восточных.

3.1. Яңкең ювели л'якл'и 'метание ледяной палки' (аганские ханты)

Описания этой игры (в том числе командных вариантов и с паченьем¹¹) содержатся в книге В. И. Прокопенко (2005 : 245—245). Содержательно они соответствуют описанию ненецкой игры *налля*, сделанной тем же автором (Прокопенко 2020 : 65—67), см. выше в п. 2.1.

⁹ Ср. *мызгалки* 1. Игра в бабки на льду (Соль-Илецк. Чкал., 1955). 2. *Мызгалка*. Заостренная веретенообразная палка для такой игры (Чердакл. Ульянов., 1952; Соль-Илецк. Чкал.) || Веретенообразная палка, которую бросают на далекое расстояние. *Мызгалку пустишь из-под пазухи по снегу, она катится не знай куда, как уж* (Чердакл. Ульянов., 1952) (СРНГ 19 : 50). От рус. диал. *мызгать* 'кататься, скользить по льду' (СРНГ 19 : 50), об этимологии этого глагола см. Фасмер 1987 3 : 23.

¹⁰ Благодарим Е. В. Кашкина и С. В. Онину за помощь в работе с хантыйским лексическим материалом; В. И. Прокопенко — за любезно предоставленные тексты малодоступных публикаций по этнографии игры у обских угров и лесных ненцев.

¹¹ От глагола *пятиться* 'отступать задом' (мне кажется, что пояснять значение глагола не нужно).

Наименование игры *яңкең ювели л'якл'и* включается в себя следующие хантыйские слова:

— *яңкең* 'ледяной' (о палке); соответствует словарному хант. *jäñkəŋ* (аг., у.-аг., тр.-юг., у.-юг.) 'льдиный, со льдом' ~ *jöñkəŋ* (вах., вас.), *jäñkəŋ*, *jöñkəŋ* (сал.) (Терешкин 1981 : 85); *йеүкәһ* 'ледяной' (казым.) (Соловар 2014 : 108), *йеүки* 'то же', *йеүк* 'лед' (Соловар 2014 : 107); манс. *яңкың* 'ледяной' (Афанасьева & Собянина 2012 : 89) < ПФУ *jäŋe 'Eis' ['лед'] (UEW 93);

— *ювели* — наименование палки (букв. деревяшка); словарное соответствие — хант. *juu* (вах., вас., аг., у.-аг.; тр.-юг., юг., у.-юг.) 'дерево' ~ *jüu* (сал.) (Терешкин 1981 : 87), в диалектах также юг. *juwi* (DEWOS 333); казым. *ййх* 'палка, дерево' (Соловар 2014 : 103) < ПУ *juwz 'Kiefer, Föhre; Pinus silvestris' ['сосна'] (UEW 107). В слове *ювели* присутствует уменьшительный аффикс (*e*)ли ~ -*äli* (Filchenko 2007 : 66, 71);

— *л'якл'и* 'метание' (перевод в источнике); словарные соответствия: *läk* 'стрелять; кидать, бросать' (DEWOS 864—865), *läktä* (вах.; повсеместно *likä*), *läytä* (вас.); *täktä* (юг., у.-аг., у.-юг.), *takta* (аг., тр.-юг.; повсеместно *tika*), *takta* (сал.) 'стрелять; кидать, бросать' (Терешкин 1981 : 222; см. также диал. формы в DEWOS 864). Этимология неясна, в UEW этого слова нет.

3.2. Ланть ылпия такта 'броски копьа' (сургутские ханты) (Красильников 2002 : 58) (см. рис. 7, 7а)

Лексика в названии игры:

— *ланть ылпия* — словосочетание без буквального перевода в источнике. Судя по словарным соответствиям в восточно-хантыйских диалектах (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг), *ланть ылпия* ~ *tänt' iŋpija* 'под снег': *tänt'* 'снег, выпавший на землю' (Терешкин 1981 : 200) + послелог *iŋpija* 'под (на вопрос: куда?)' (Терешкин 1981 : 59); т. е. буквальный перевод данного названия игры — 'бросать под снег' (*Ланть ылпия такта*). Этимология: хант. *tänt'* < ПУ *lomčz '(gefrorener) dünner Schnee' ['замерзший тонкий снег'] (UEW 261); хант. *iŋpija* < ПУ *ala 'Raum unter etw., Unter-, das Untere' ['пространство под чем-л., под, нижний'] (UEW 6); — *такта* 'броски'; словарные соответствия: *täyata* (вах., вас.), *täyta* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.), *täyta* (сал.) 'бросать, кидать, швырять' (Терешкин 1981 : 458), *täxty* 'стрелять из лука' (казым.) (Соловар 2014 : 303), *täxty* 'бросать, метать' (Соловар 2014 : 304); см. также диал. формы в (Steinitz 1966 : 1408). Этимология неясна, в UEW этого слова нет. Ср. вепское *tacta* 'бросить, кинуть' (Зайцева & Муллонен 1995 : 95).

3.3. Ляктэ юх 'скользящая палка' (ваховские ханты, с. Корлики) (Прокопенко 1997 : 39–40; Прокопенко 2005 : 244)

Лексика в названии игры:

— *ляктэ* 'скользящий' о палке — см. выше *лякли* (п. 3.1);
— *юх* 'палка (деревяшка)' — см. выше *ювели* (п. 3.1).

Рис. 7. Хантыйская игра ланть ылпия такта 'броски копья' (Красильников 2002 : 59).

Рис. 7а. То же (Прокопенко 2005 : 247).

3.4. Кулы юх 'скользящая палка' (казымские ханты) (Красильников 2002 : 59; Прокопенко 2005 : 248—249)

Кулы юх (скользящая палка) рассчитана на команду от 3 человек, для нее потребуются палки 150—170 сантиметров в длину. Игроки должны встать в линию и взять палки в руки. По команде водящего, все метают копье вперед так, чтобы оно опустилось на снежный покров и продолжило скользить по инерции. Выигрывает тот, чье копье дальше ускользнет.¹²

Лексемы в названии игры:

— *кулы* 'скользящий' (о палке); соответствует словарному хант. *кўлы* 'скользящий', *кўлыты* 'скользить' (казым.) (Соловар 2014 : 127). Этимологически связано с коми и удмуртским *гылыд* 'скользящий, скользящий, каткий' < ОПерм. *gylit (КЭСК 84) < ПФУ *kilz (*külz*) 'glatt, schlüpfrig' ['гладкий, скользящий'] (UEW 156). Ср. также удм. диал. *гледь* 'лапта'; *гледен шудон* 'игра в лапту' (УРС 161);

— *юх* 'палка (деревяшка)' — см. выше *ювели* (п. 3.1).

3.5. щўлэв 'обтесанная, обледеневшая, скользящая палка для национальной игры'; щўлэнци 'играть в национальную игру' (казым.) (Соловар 2014 : 376)

Формант *-эв* — деривационный суффикс абстрактных имен существительных (Filchenko 2007 : 68—69). Учитывая, что для заимствований из русского языка в хантыйский (казым.) закономерен фонетический переход *s > ś* (*с > щ*) (Новьюхова 2009 : 13), основа *щўл-* может быть связана с хантыйскими игровыми терминами, пришедшими из русского языка: *сулы* 'палка для игр' (Соловар 2014 : 286), *сюлы* — палки-биты в игре в городки (Красильников 2002 : 55), а также *сюлы* 'ледяные палочки' — наименование игры типа *snow snake* в книге «Подвижные игры народов

¹² Рассказ об игре *кулы юх* доступен в видеозаписи Окружного Дома народного творчества Югры (https://www.youtube.com/watch?v=BQjbXa_3lgE; <https://yandex.ru/video/preview/5341411027697485707>).

СССР» без указания этноса в разделе «Игры народов Сибири и Дальнего Востока» (Кенеман 1988 : 108).

Вероятно, источник слова *сюлы* в книге А. В. Кенеман — хантыйский, но в самом хантыйском его следует считать заимствованием из русских диалектов — ср. рус. нижегородское *сула́* 'клюка, дубинка, которую ребяташки, играя, швырком пускают по льду. *Играть в сулу́*' (Даль 1909 4 : 629). Рус. *сула* этимологически связано с рус. *сулица* 'метательное копьё' (др.-рус. *сулица*, сербск.-цслав. *сулица*, словен. *sũlica* 'пика', чеш. *sudlice* 'рогатина') (Фасмер 1987 3 : 801).

Наименование *юлоу* игры с обледенелой палочкой у русских в Тобольской губ.¹³ скорее всего связано с *сула́*, тем более, что слово *сула*, по Далю, имеет еще в русском языке значения 'юла, егоза, елоза, непоседа, выскочка, вертлявый, суетливый, который везде суется' (Даль 1909 4 : 629). Учитывая ареал фиксации этого названия игры (Западная Сибирь), не исключено посредство хант. *сулы* ~ *сюлы*.

4. Названия игры типа *snow snake* у пермских народов (удмуртов и коми)

В данном разделе рассмотрим следующие наименования игры с обледенелой палкой в пермских языках: удм. *чуло*, коми *тjувйӧдчан* (*тjувйӧдзчан*, *тjувъедчан*, *тjуйӧтчан*), *тjовган*, *тjувӧ*, *уйӧдчан* (*уеччан*, *уездчан*, *уедчан*, *уечан*) > *уйӧдчӧмӧн*, *хайдук*. Данными о бытовании игры у коми-пермяков, к сожалению, не располагаем.

4.1. У удмуртов игра называется *чуло* 'обледенелая палка (для метания по снегу в удмуртской национальной игре)' (УРС 738); второе значение этого же слова и его варианта *чулан* — 'ерш, шомпол (то, чем чистят, прочищают)' (УРС 738).

С этимологией слова нет ясности. По КЭСК, для удм. *чуло* под вопросом предполагаются следующие соответствия и этимология: удм. *чуланы* 'просовывать (сквозь что-либо)',¹⁴ коми *чувъявны* диал. 'шнырять', коми *чувкӧс* 'проникающий, просачивающийся, подвижной, ходкий (о лодке)',¹⁵ коми *чув* 'выдра' (< 'остромордый, юркий, подвижный, ходкий и др.')¹⁶ < ОПерм. **čul-* 'протыкать, просовывать, проникать, входить' (КЭСК 312). По Редери, удм. *čulal-* 'просовывать, просунуть' восходит к ПФУ, ?ПУ *čada ~ *šada* 'das Laufen, das Rennen; die Brunst der weiblichen Tiere; laufen, rennen; brunsten' ['бег, гонка; течка самок животных; идти, бежать; быть в течке (о животных)'] с пояснением: «В удмуртском могло произойти изменение значения 'бежать, мчаться' > (транзитивное) 'проталкиваться, проникать'» (UEW III 7).¹⁷

¹³ «Юла — гладко обструганная и заостренная с двух концов палка, покрытая льдом. Ее бросают в снег, чтобы она катилась как можно дальше и делала разнообразные зигзаги» (Тобол., 1886 г.) (Всеволодский-Гернгросс 1933 : 446, № 1160).

¹⁴ Удм. *чуланы* 'чистить, прочищать, прочистить (внутреннюю полость чего-либо с помощью ерша, шомпола)' (УРС 737).

¹⁵ Коми *чувкӧс* 'проникающий, просачивающийся (о жидкости)'; 'подвижный, ходкий (о лодке)', 'находчивый, шустрый, изворотливый' (КРС 710) ~ *чулкӧс* (с.с.) 'то же' (СДКЯ). Ср. *тjувгӧс* (скр.) и *тjувкӧс* (нв. скр.) 'ходкий (о лодке)' (СДКЯ).

¹⁶ Ср. также коми диал. *чул* (вс. лл. сс.) и *чув* (лл.) 'крот' (СДКЯ).

¹⁷ В оригинале: Im Wotj. kann ein Bedeutungswandel 'laufen, rennen' → '(tr.) durchdrücken, durchdrängen, durchstecken' vor sich gegangen sein.

4.2. Коми *түвйӧдчан* (*түвйӧдзчан, түвъядчан, туюӧтчан*), *түвган, түвӧ*

Из коми словарей (КРС; СДКЯ) извлечены следующие названия игры типа *snow snake* с основой *түв-*:

— *түвйӧдчан* 'сула обл. (заостренная, веретенообразная палка, которую запускают по насту или льду)' (КРС 673);

— *түвйӧдзчан* (скр.) 'палка с заостренным концом (которую ребятишки пускают швырком)' ~ *түвъядчан* (вв. — Керчомъя) 'то же' ~ *туюӧтчан* 'то же' (удар. — Глотова) (СДКЯ);

Эти слова представляют собой отглагольные формы с суффиксами каузатива и причастия.

— *түвган* 'то же (сула)', при том, что у слова есть еще значения 'бу-мажная птичка (детская игрушка)' и 'свисток, свистулька' (КРС 673) ~ *түвган* (нв.) и *туюедчан* (вв.) 'свисток, свистулька' (СДКЯ);

— *түвӧ* 'то же (сула)', при том, что у слова есть еще значение 'ящерица' (КРС 673) ~ *түвӧ* (сс.) 'ящерица' (СДКЯ); также *Тювӧ* — герой коми преданий, получивший такое прозвище «за быстроту расторопность, скорость, мобильность».¹⁸

К лексике игры имеют отношение слово *түвйӧдлӧм* 'метание' (КРС 673) и глаголы, выражающие действия с палкой в игре / движения палки:

— *түвйӧдзчыны* 'бросать, кидать швырком палку с заостренным концом (о ребятишках)' (скр.) ~ *түвгасьны* (лл. — Поруб, Читаево) ~ *түвкӧдасьны* (удар. — Вендинга) ~ *түвъядчині* (вв. — Керчомъя)¹⁹ ~ *туюӧтчыны* (удар.) ~ *туюедчині* (вв. — Усть-Кулом) ~ *түвкӧтчыны* (удар. — Вендинга), для последнего слова также знач. 'свистеть (о дятле)' (удар.) (СДКЯ);

— *түвйӧдлыны* 'метать', 'бросать что-то концом вперед' (КРС 673) ~ *түвйӧдлыны* 'метать концом вперед (тонкие длинные или продолговатые предметы)' (вс. лл. печ. скр. сс.), 'бросать, кидать' (сс.) ~ *түвйӧтчыны* (сс.) ~ *түвкайтны* (сс.) ~ *түвкӧдавны* (удар.) ~ *түвъядліні* (вв.) ~ *туюӧдавны* (удар.) ~ *туюедліні* (вв.) (СДКЯ);

— *түвгыны* 'бросить, кинуть; метнуть концом вперед (например, палку, копье)' (вс. лл. печ. скр. сс.) ~ *түвгині* и *туюгині* (вв.), *түвкнитны* и *туюӧдны* (удар.), *түедны* и *туюгыны* (иж.), *түркнитны* (вым.); у *түвгыны* также знач. 'нестись, мчаться' (скр.) (СДКЯ) ~ 'плавно нестись, пронестись; лететь; мчаться' (КРС 673), 'бросить, швырнуть; выбросить, вышвырнуть' и др. (редко 'течь, литься, бежать струей; струиться, тянуться, вытягиваться; стремительно расти' и др. ~ *түвйыны* 'то же') (КРС 673);

— *түвгысьны* (вс. печ. скр. сс.) 'полететь от броска (концом вперед)', 'нырнуть' (скр. сс.) ~ *түвгесьны* (вс.) ~ *түвгисьні* (вв.) ~ *түвны* (скр. сс.) ~ *туюгисьні* (вв.) (СДКЯ); у *түвгысьны* также значения 'скользнуть, проскользнуть незаметно, выскользнуть; пронестись' и др. ('тянуться, вытягиваться, стремительно расти') (КРС 673);

¹⁸ Прочитирована характеристика *Тювӧ*, данная фольклористом А. Н. Рассыхаевым (личная переписка, 6.02.2025). «Тювӧ — верхневычегодский коми-зырянский фольклорный герой, сильный колдун [---] Тювӧ обладал и таким уникальным даром, как способность к телепортации» (Конаков & Власов & Ильина & Лимеров & Уляшев & Шабаев & Шарипов 1999 : 365).

¹⁹ Для данного слова (*түвъядчині*) Рассыхаев привел также значение 'нырнуть, упав на нос' и т. п. (личная переписка, 6.02.2025).

— *тjовкнитны* 'шмыгнуть; юркнуть', 'нырнуть; вынырнуть' (вс., лл., скр., сс.) ~ *тjовкнитні* (вв.) ~ *тjюкнитні* (вв.) ~ *тjюкнитны* (сс.) ~ *тjюньгыны* (вс) ~ *тjюргыны* (вс.) ~ *тjюркнитны* (вым. сс.) (СДКЯ) ~ *тjувкнитны* (вс.) (СДКЯ); у *тjовкнитны* также значение 'вытянуться, быстро вырасти' ~ *тjовкнитчыны* ~ *тjювмунны* (КРС 673);

— *тjовкъявны* 'шмыгать, сновать, стремительно носиться, летать' (скр.) ~ *тjювкъялні* (вв.) ~ *тjюкъяёні* (вв.) ~ *тjювкъялны* (вс. печ. сс.); у *тjювкъялны* также знач. 'нырять' (вс.) (СДКЯ) и 'течь, литься, бежать струей; струиться' (КРС 673).

Этимология: вероятно, основа этих слов звукоподражательная, выражает быстроту движения со свистом, ср. *тjюв*, *тjювк* 'шмык, юрк', *тjювкётчыны* 'свистеть (о дятле)', *тjювган* 'свисток, свистулька', 'бумажная птичка (детская игрушка)' (КРС 673), *тjювгыны* (нв.) 'дудеть, играть на свирели', *тjюва-лявакылны* (лл.) 'щебетать (о детях)' (СДКЯ) и т. п.²⁰ Модификация значения глагола звучания в значение движения достаточно обычна — ср. марГ *мыраш* 'петь' + суффикс каузатива *-ыкт* = *мырыкташ* 'бросить, кинуть что-либо' (Саваткова 2008 : 163), в том числе палку в играх (МНИ, № 1425), перен. 'ускакать, убежать' (Саваткова 2008 : 163). Аналогично марЛ, марВ *йонгалтарен пуаш* 'спеть' и 'ударить' (СМЯ 2 : 118).

К рассмотренной в данном параграфе коми лексике ср. также рус. диал. (ярославское) *в тjювиль* (*в чувиль*, *в чувели*, *в чувилі*) 'игра в чижики' (ЯОС, 2 41). Это русское наименование игры с палочкой характеризуется аналогичной птичьей семантикой и созвучной с коми словами звукоподражательной основой.

4.3. Коми *уйёдчан* (*уеччан*, *уедзчан*, *уедчан*, *уечан*) > *уйёдчёмён*

В «Словаре диалектов коми языка» (СДКЯ) и этнографических публикациях, посвященных коми народным играм, зафиксированы также следующие диалектные коми наименования игры типа *snow snake* (переводы приводятся по источнику):

— *уеччан* (иж.) 'палка с заостренным концом (которую ребяташки, играя, пускают швырком)' (СДКЯ);

— *уедзчан* 'дубина' (с. Шурышкары, ЯНАО, зап. Колегова Н. А. в 1959 г.) (Рассыхаев 2023 : 360, № 672);

— *уедчан* 'дубина' (с. Ловозеро, Мурманская обл., зап. Рочев Ю. Г. в 1982 г.) (Рассыхаев 2023 : 360—361, № 673);

— *уечан* 'ползунки' (п. Саранпауль Березовского р-на ХМАО) (Красильников 2002 : 60).

Несколько сложнее игра *уйёдчёмён* '(в) городки на снегу' (без указания места), в которой палка-швырялка называется *уйёдчан* (Рочев 1988 : 21; Рассыхаев 2023 : 361—362, № 674).

Все эти игровые термины (*уйёдчан* (*уедчан*, *уедзчан*, *уеччан*, *уечан*) > *уйёдчёмён*) происходят от коми глагола *уйны* 'плыть, переплывать (чаще о животных), брести (по снегу, траве, воде)', перен. 'бежать' (КРС 680)

²⁰ Также см. коми *t'ov'ta* 'ein Vogel mit langen Beinen und langem Schnabel' ['птица с длинными ногами и длинным клювом'] ~ *t'ev'ta* зоол. 'улит большой (кулик)' (КРС 636) < ? ПФУ **člčz* 'irgendein Vogel' ['любая птица'] (UEW 50).

(+ аффикс каузатива *-öd* + аффикс рефлексива *-ч* + аффикс причастия *-ан*)²¹ < ПУ **uje-* ~ *oje-* 'schwimmen' ['плавать'] (UEW 542). Это наименование означает движение, совершаемое в игре палкой (и с палкой).

4.4. Коми *хайдук*

Наименование игры *хайдук* записано от русской информантки, владеющей ижемским диалектом коми языка:

«Игра какая-то — *хайдук*. Я не знаю, почему *хайдук*. Просто брали ну такую, метр двадцать, ну больше. И вот в морозные дни, зимой, идем к проруби, ее окунаем несколько раз. И слой льда замерзнет, и потом так бросали. А конец заостренный, а хвост палки как-то под мышку ложим, и так шубали. Вот так в подмышку ложишь, а саму палку держишь так, кидаешь по снегу, у кого подальше летит. Как торпеда летит по снегу (зап. Рассыхаев А. Н. 16.03.2014 в г. Нарьян-Мар, НАО. Инф.: Хозяинова (дев. — Рушников) Людмила Евгеньевна, 1953 г. р., урож. дер. Верхняя Пёша, Пёшский с/с, Заполярный р-н, НАО. Живет в дер. Волоковая, Пёшский с/с, Заполярный р-н, НАО. Русская, владеет ижемским диалектом коми языка)» (Рассыхаев 2023 : 360—362, № 675).

Данное слово в коми языке не исконное (< рус. *гайдук* < укр. *гайдук* 'служитель, подручный', польск. *hajduk* 'гайдук, легковооруженный венгерский солдат; слуга, лакей' < венг. *hajdú*, мн. *hajdúk* 'наемные пехотные войска, несущие пограничную службу против турок; судебный пристав; телохранитель' (Фасмер 1986 1 : 383—384). «Первоначально хайдуками назывались погонщики скота, профессия которых широко распространилась в Венгрии со второй половины XV века в связи с быстрым развитием экспортного скотоводства; более хайдуки известны как социальный слой, образовавшийся в Венгрии во второй половине XVI века: пограничные воины из беглых крестьян вроде гайдамаков или казаков» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Хайдук>). В коми язык эта лексема явно попала из русских диалектов, см. *хайдук* — казан. 'вор, буян, грабитель?'; вят. 'бойкий, крикун, нахал' ~ *гайдук* 'бойкий, смелый молодец' (Даль 1909 4 : 1162), см. также *гайдук* 'воин, служитель у вельмож, для прислуги при езде, запяточник высокого роста, в венгерской, гусарской или казачьей одежде, работник, батрак, род народной пляски' и др. значения (Даль 1903 1 : 837; СРНГ 6 : 97). Включение антропонима (наименования человека) в лексику игры с палками может быть связано с переносом значения по метонимии: *хайдук* 'пастух' > *хайдук* 'палка (орудие пастуха)'. См. также *хайдануть* — 1. Сильно ударить по чему-л. 2. Быстро побежать, помчаться (Низ. Печора, 2005) (СРНГ 49 : 236). Ср. также выражение *бить (сбивать) гайдуки (гайды)* 'бегать по двору без определенной цели' (краснодарское, неодобрительное) (СРНГ 6 : 97) и фразеологизм *бить баклуши* 'бездельничать' < сбивать брошенной палкой установленные на землю небольшие деревянные чурки (баклуши) при игре в городки (Фелицына & Мокиенко 1990 : 24).

²¹ Благодарим А. Н. Рассыхаева и Е. В. Кашкина за консультации по этимологии данного игрового термина, а также уважаемого анонимного рецензента журнала *Linguistica Uralica* за уточнения.

5. Марийские названия игры типа *snow snake*

Первое упоминание о бытовании игры с обледенелой палочкой (шнырялкой) у мари можно найти в книге Е. А. Покровского (1895), в которой описывается эта игра (*шнырялка*) у русских Вятской, Симбирской, Олонецкой губерний, а в конце содержится указание, что «подобная же игра встрѣчается у Черемись Вятской губернии» (Покровский 1895 : 223).

Рис. 9. Шнырялка (Покровский 1895 : 223)

В марийском языке названия игры достаточно разные, преимущественно образные (*цымыньи* 'землеройка', *мэн* 'налим', *кише-тоя* 'палка-змея'). Все зафиксированы только в двух наречиях — горном и восточном. Общим для обоих наречий является *ййвиш* (*ййиши*) ~ *йывыж* 'копье'. В горном также есть звукоподражательные (?) *пытъыж* и *тыыж*. О бытовании игры у луговых мари нет точных данных, за исключением процитированного выше указания в книге Е. А. Покровского, которое может относиться к луговым мари.²² У северо-западных мари зафиксирован глагол *тӱргӱлтӱрӱш* 'кидать палку (в игре)' (Иванов & Тужаров 1971 : 224), но нет информации, как именно бросается палка и как называется игра. Нет уверенности, что это зимняя игра; не исключено, что это аналог украинского шкопырта (см. во введении).

5.1. Мар. *ййиши*, *ййвиш* (марГ) ~ *йы·выш* (марВ)

— *ййвиш* 'пика, копье' (марГ) — 'нырялка (мырялка), детская игрушка' (Эпин 1935 : 100, 34; МНИ, № 2292);

— *ййиши* 'копье' (марГ) — детская игра; *ййиши́м колташ* — бросать детское копье (Саваткова 2008 : 73; МНИ, № 2294);

— *йывыш* (марВ, елабужское, устар.) — хорошо оструганный ствол елочки для игры, в мороз смачивается водой, с силой бросается по насту (с. Ильнеть Менделеевского р-на Республики Татарстан) (Вершинин 2011 : 131; МНИ, № 2295);

— *копье* — упоминание игры (игрушки) на русском языке без описания (д. Старобедеево Нуримановского р-на БАССР, зап. Сабитов С. С. в июле 1973 г.) (МФЭ-73, № 74, л. 50, № 31.32; МНИ, № 2289).

Этимология: мар. *ййиши* ~ *йывыш* 'копье' < ПМар *jipš (Bereczki 1992 : 10) ~ *jřš (Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Ante Aikio) 2014a : 145) < ПУ *jäpše 'spitze Stange, Speer' ['заостренный стержень, копье'] (UEW 94).

²² На наших картах мы условно расположили точку «Мар10», относящуюся к этому источнику (Покровский 1895 : 223) на месте г. Яранск Кировской области (бывшей Вятской губернии), но мари проживают на территории Кировской области и значительно восточнее — в Уржумском, Малмыжском, Кильмезском районах (восточные мари). Часть бывшей Вятской губернии, населенная луговыми и северо-западными мари, относится, по современному административному делению, к северным и северо-восточным районам Республики Марий Эл.

5.2. Мар. *пытъыж* и *тъыж* (марГ)

— марГ *пытъыж* (выс. Революция [?] Горномарийского р-на Республики Марий Эл, инф. Ефимов Измаил Варсонофьевич, 1946 г. р., самозапись 1 февраля 2013 (<http://hillmarygames.blogspot.com/2013/02/blog-post.html>; МНИ, № 2290). Там же см. рисунок И. Ефимова, изображающий *пытъыж*;

— марГ *тъыж* (с. Емангаши Горномарийского р-на, инф. Смирнов Геннадий Павлович, 1948 г. р., урож. д. Юнга Кушерга, самозапись 6 февраля 2013 г. (<http://hillmarygames.blogspot.com/2013/02/blog-post.html>; МНИ, № 2291).

Эти слова могут быть звукоподражательными, на что указывает В. И. Вершинин (2018 2 : 457), а также сам информант, записавший игру своего детства (выс. Революция (?) Горномарийского р-на РМЭ, инф. Ефимов Измаил Варсонофьевич, 1946 г. р., самозапись 1 февраля 2013 (<http://hillmarygames.blogspot.com/2013/02/blog-post.html>; МНИ, № 2290)

Вместе с тем не исключено, что лексемы *пытъыж* и *тъыж* образовались в результате искажения в детской речи основного слова *ййиши* ~ *ййиш* 'копье': *ййыши* > *дывыж ~ *тывыж* (протеза)²³ > *вытыж (метатеза) > *пытъыж* (закономерное для марийского языка оглушение начального согласного), с депалатализацией: *йй* (ə) > *ы* (ə) [?].

5.3. Мар. *кише-тоя* (марВ, кукморское)

— палка для игры, пускают по насту, букв. палка-змея (д. Княгоры (мар. Курыкумбал) Кукморского р-на Республики Татарстан) (Вершинин 2011 : 182; МНИ, № 2296).

В наименовании *кише-тоя* 'палка-змея' первое слово — *кише* 'змея' — исконное: < ПУ *kije (*kije*) 'змея' (UEW 154). Вторая лексема — мар. *тоя* 'палка' (~ марГ *тыйя* 'палка, посох') — тюркское: < чув. *туя* 'палка, трость, посох, клюка, клюшка' (Савельев 2015—2025, № 2586, см. также Федотов 1996 2 : 259; Вершинин 2018 2 : 530).

5.4. Мар. *цымыньи* (литер. марГ *цымыни*)²⁴

Данное наименование игры зафиксировано наряду с другими в горномарийско-русском словаре: «*Пытыж, мэн, ййиши, цымыньи* — нырляка (мырляка), детская игрушка» (марГ) (Эпин 1935 : 100; МНИ, № 2292).

Мы не знаем, с чем это наименование ассоциировалось у детей, которые его использовали в игре (какое буквальное неигровое значение есть у этого слова), но в том же словаре Эпина приводятся следующие значения марГ *цымыньи*:

— *цымыньи* — зверек-землеройка (Эпин 1935 : 140) ~ *цымыньи* 'землеройка' (марГ) (Шорин 1920 : 145) ~ современное литературное марГ *цымыни* 'бурузубка; насекомоядное животное семейства землероек с удлиненным суживающимся к концу носом-хоботком' (СМЯ 8 : 462);

²³ О переходе начального *j* в *d'* в марийском см. Bereczki 1994 : 57.

²⁴ Благодарим А. В. Савельева за консультативную помощь при написании данного раздела статьи.

ср. тат. *чумарга* 'нырять; погружаться', *чумгалак* зоол. 'нырок' (ТРС 392; см. также Федотов 1996, 2 : 401; Вершинин 2018, 2 : 591).

Марийский зооним *цымыньи* 'землеройка, бурозубка' (~ марГ литер. *цымыни*²⁸), марЛ *чумуни* 'землеройка' (Троицкий 1894 : 74), йошк. *tsətə-ño, tsətə-ñə*, морк.-серн. *tʃumii-koʻa*, марГ *tsətmə-ñi-yaʻa* (Beke 2001 IV₉ : 3185), йошк. *tsətməñino* (Moisio, Saarinen 2008 : 70); ? марЛ *чывыни* (Ермаков 1991 : 43 > СМЯ 8 : 462), ? марВ *чивигене* (Балдаев 2012 : 229; 2020 : 22), ? *цывыни* (Балдаев 2012 : 229)²⁹ не входит в основные базы ни марийской исконной лексики (UEW), ни заимствований. Обзор версий и свои этимологии этого слова предлагают М. Н. Кузнецова (2010 : 38—41),³⁰ А. В. Савельев (2015—2025, № 3041),³¹ В. И. Вершинин (2018 2 : 620).³² А. В. Савельев также предлагает тюркскую этимологию мар.

²⁸ МарГ литер. *цымыни* I. 'бурозубка' (животное из семейства землеройковых), II. цыпки (Саваткова 2008 : 319). В первой версии словаря Саватковой приводилось только второе значение слова *цымыни* — 'цыпки' (Саваткова 1981 : 187)

²⁹ Последние три формы в приведенном списке характеризуются единичными фиксациями в словарях биологических терминов и представляются нам сомнительными. МарЛ *чывыни* 'землеройка (бурозубка)' попало в многотомный «Словарь марийского языка» (СМЯ 8 : 462), судя по бумажной картотеке СМЯ, из книги марийского журналиста Аркадия Ермакова (Ермаков 1991 : 43), и ни по каким другим источникам не верифицируется. *Цывыни* 'бурозубка' единожды зафиксировано лишь в одном из трех изданий словаря Х. Ф. Балдаева (2012 г.), т. е. отсутствовало в первой редакции (1983) и удалено из третьей (2020). МарВ *чивигене* в знач. 'бурозубка' есть в поздних словарях Балдаева, но отсутствовало в первой редакции (1983). Полагаем, что значение 'бурозубка' указано у этого автора (урож. марГ) не верно (возможно, под влиянием родного ему марГ диалекта), т. к. в восточном наречии, согласно всем иным источникам и словарям, это слово имеет значение 'цыпленок' либо 'цыпки', но никогда не 'бурозубка'.

³⁰ М. Н. Кузнецова исходит из предположения А.-Р. Хаузенберг о возможной связи марийского слова с коми *зымей*, *зым шыр*, *жым-шыр* 'землеройка' и далее разбирает этимологию коми слова, исходя из удм. *зын* 'запах, вонь' — «для землероек-бурозубок характерны мускусные железы с неприятным запахом» (Кузнецова 2010 : 39). Предполагается допермская праформа *čimz/*čimz (*čimz/*čimz) (Кузнецова 2010 : 40—41). Но само сопоставление марийского и коми слов под большим вопросом, на что указывала и сама Хаузенберг: «дело может идти о случайном совпадении» (1972 : 147).

³¹ А. В. Савельев предполагает тюркскую этимологию *цымыни* (второе значение этого слова — 'цыпки, трещины, болячки на коже рук или ног из-за грязи, холода'). «Видимо, произв. от тюрк. *čim- [---] и его болгарского варианта *čip- (> чув. *čəb-at-* (*чəпəт*)) 'щипать', в некоторых тюрк. языках 'дергать; кусать'» (Савельев (2015—2025, № 3041). Цыпки щиплют, ср. и этимологию рус. слова (< *цыпать* 'рвать, драть'). А бурозубка — хищное, прожорливое животное, имеет «неуемный аппетит» (<https://www.zoo-ekzo.ru/node/615>), откуда, видимо, и ассоциация со значениями типа 'щипать, драть, кусать'.

³² В. И. Вершинин сопоставляет марийский зооним с названиями землеройки в прибалтийско-финских языках: кар. *tšupi*, людик. *tšubi(hiir)*, вепс. *tšubihir*, фин. *supiainen* (Вершинин 2018 2 : 620). Проверка по словарям подтверждает достоверность этого лексического материала: кар. *čupihiri*, *čupuhiri*, *čubuhiri*, *čubihiri* 'землеройка' (млекопитающее, похожее на мышь) (Федотова & Бойко 2009 : 49), людик. *tšubihir* и т. п. *päästäinen*, *nokkahiri* ['землеройка'] (Kujola 1944 : 445), фин. *supihiri*, *supiainen* *päästäinen*, *nokkahiri* ['землеройка'] (SKES 1123). Компонент *hiir* ~ *hiiri* в составе карельских и финских слов означает 'мышь'; фин. *supi* присутствует также в наименованиях остроконечной обуви (SKES 1123) < ПФУ *čuppa 'schmal, eng' ['узкий'] (UEW 44). Показателен и внешний вид этого животного (лат. *Sorex*), имеющего ярко выраженный заостренный носик. По семантике зооним хорошо соотносится с марЛ *чумни* «заостренный, острый; суживающийся к концу, угловатый. *Чумни ушман* с заостренными губами» (СМЯ, доп. том 2019 : 497) (при марЛ *чумуни* 'землеройка'). Отсюда ма-

цымыни, возводя это слово к той же основе, что и марГ *цымак* 'накопчик стрелы' (см. выше).³³ Значение 'палка, посох, жезл' и 'палка (с набалдашником)' исходного тюркского слова семантически особенно хорошо подходит к марийскому игровому термину — наименованию палки в игре. Дополним, что для наименования игры *цымыни* не исключается и контаминация с *цымаш* 'нырять' (как выше показано, этот глагол тоже является тюркским заимствованием в марийском). Ср. русские названия игры *нырок*, *палка-нырляк* (< *нырять*).

В связи с этимологией марийского зоонима *цымыни* отдельно следует обсудить фразеологический оборот *цымыни качкеш* (марГ) — букв. 'бурузубка ест':³⁴ *цымыни качкеш* 'появились цыпки'; *кидем цымыни качкеш* 'на моих руках появились цыпки' (Саваткова 1981 : 187; Саваткова 2008 : 319), аналогичный материал в (Веке 2001 IV, 3089; МРФС 2 : 254; Moisio, Saarinен 2008 : 77). Для данного марГ фразеологизма мы подозреваем вторичное замещение слова вследствие паронимической аттракции: *цымыни* 'землеройка' / 'клещ' < *цѣвигѣй*, *цѣвинигѣй* 'цыпленок'. Ср. в соответствующих фразеологизмах о цыпках во всех других наречиях марийского языка (кроме горного) вместо 'землеройки' присутствует только слово 'цыпленок': марСЗ *tsɲβm̄i·γə katskěš* 'цыпленок ест' (марСЗ), марЛ *tʃšəβ-i·γə tʃšingà*, *tʃšəβ-i·γə tʃšingà*,

рийское слово *цымыньи*, как и приведенные выше названия землеройки в прибалтийско-финских языках, должно восходить к ПФУ *cupra 'узкий' (UEW 44), но возникают проблемы с рефлексиями начального согласного. Хотя Г. Березки указывал на закономерность ПУ *č > марЛ ч (č) ~ марГ ц (c) (Bereczki 1994 : 50), слово *чыла* ~ *цилă* 'все', которое он приводит в качестве примера, не является в марийском языке исконным (от русского *целый* (Исанбаев 2014 : 91; Савельев 2015—2025, № 3022)), и другие случаи аналогичной рефлексии, которые есть в UEW, сомнительны и приводятся под вопросом. Сама реконструкция ПУ *cupra 'narrow' ['узкий'] (UEW 44) проблематичная. См., например, комментарий А. Айкио к основам **cupV 'tip' ['кончик'] и **cupra 'narrow' ['узкий']: "Both reconstructions are considered uncertain by UEW. The former is based on SaaL *tjuhppa* 'tip' (e. g. of a cap)', Fi *suippu* 'tip', Komi *čup* '(woman's) breast', and Hung *csúp* 'tip, peak', the latter on SaaN *čohppi* 'foot sack on a skin rug', Fi *suppea*, Komi *šopjđ* 'narrow', and dialectal Hung *szupolya orrú* 'stubby-nosed'. Both sets show irregular vowel correspondences, and most of the words appear to have sound-symbolic characteristics" [«Обе реконструкции считаются UEW неопределенными. Первая основана на саамЛ *tjuhppa* 'кончик (например, шапки)', фин. *suippu* 'кончик', коми *čup* 'грудь (женщины)' и венг. *csúp* 'кончик, пик', последняя — на саамС *čohppi* 'мешок для ног на кожаном коврике', фин. *suppea*, коми *šopjđ* 'узкий' и диалектном венг. *szupolya orrú* 'коротконосый'. Оба набора показывают нерегулярные соответствия гласных, и большинство слов, по-видимому, имеют звуко-символические характеристики»] (Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Ante Aikio) 2014b : 56).

³³ Проблематичен суффикс *-ни* в слове *цымыни*. По мнению М. Н. Кузнецовой, он «восходит к уральскому уменьшительному суффиксу **-ń-* для отыменных имен существительных» (Кузнецова 2010 : 40). Приводятся следующие марийские слова с таким же (как оценивается в источнике) суффиксом: *лепене* 'бабочка' (марВ), *рехень* 'мох' (марСЗ), *шаргеньй* 'гнида' (марГ) (Галкин 1966 : 16). К перечню слов с этим суффиксом Кузнецова добавляется также *цымыни* 'бурузубка', *кёртньӧ* ~ марГ *кёртни* 'железо', *кыни* 'хлам' (Кузнецова 2010 : 40). Но структура данных слов достаточно разнородная. В. И. Вершинин для слова *чывегене* 'цыпленок' и т. п. указывает: «скорее всего, *-нѣ* суффикс уменьшительности реликтового характера» (Вершинин 2011 : 627).

³⁴ В переводе во «Фразеологическом словаре марийского языка» (2020) именно бурузубка, а не головастик и не сороконожка (МРФС 2020 2 : 254), но нет уверенности в обоснованности данного современного перевода.

tsəβ-ì·γə tsŋŋçà 'цыпленок клюет' (Moisio, Saarinen 2008 : 77), марВ *tšimie·γə tsüŋçà* 'то же' (Moisio, Saarinen 2008 : 115), марЛ, марВ *чывиге* 'цыпленок, цыпки' (СМЯ; Вершинин 2011 : 683), мар. В *чим'еге* 'цыпленок, цыпки (кожная болезнь)' (Вершинин 2011 : 667, 687) и т. п. (ср. рус. *цыпка* 'курица, цыпленок' и *цыпки* 'дерматит', аналогично в татарском и чувашском языках).

5.5. Мар. мэн (марГ)

— *нырляка* (*мырляка*), детская игрушка (Эпин 1935 : 100; МНИ, № 2292).

Слово *мэн*, *мэнгол* (Эпин 1935 : 70) ~ литер. марЛ, марВ и литер. марГ *мен* — название рыбы: 'налим (лат. *Lota lota*)'. Этимология этого марийского ихтионима подробно исследована в диссертации Е. Ворониной «Ихтионимы в марийском языке» (Воронина 2019b : 78—80) и ее статье (Воронина 2019a : 280—281). Там же освещается солидный объем литературы по истории вопроса. Помимо финно-угорских языков отмечается присутствие слова в славянских (например, рус., укр., болгарское, чешское *мень*), германских (например, нем. *Monne* 'какой-то вид карпа' ? > фин. *tonni* 'сом', лат. *Silurus glanis* (SKES 347b—348a)). В результате, Воронина приходит к выводу: «слишком широкое распространение слова предостерегает от категорического решения вопроса, поэтому рассматриваем марийское слово *мен* 'налим' как финно-угорское наследие только под знаком вопроса» (Воронина 2019b : 80; 2019a : 81). Учитывая самую широкую распространенность слова *мень* 'налим' в русских говорах, в том числе нижегородском (СРНГ 18 : 111) (< ПСл *тъль (ЭССЯ 21 : 117—119)), а также то, что для названия данной рыбы в марийском языке есть и другие слова (*мокшынчо*, *лямбе*, *шамба*) (СМЯ), не исключено, что мар. диал. *мен* 'налим' является заимствованием из русского.

Образное сравнение летящей по насту палочки с рыбкой в марийской игре *мэн* соответствует также одному русскому названию игры в Сибири — *в шуку* (из «Тобольских губернских ведомостей», 1886) (Всеволодский-Гернгросс 1933 : 446, № 1158).

5.6. ? Мар. *törgältä·räiš* 'кидать палку (в игре)' (марСЗ)

Глагол *törgältä·räiš* (2 спр.) со значением 'кидать палку (в игре)' зафиксирован в «Словаре северо-западного наречия марийского языка» со следующим языковым примером: *йалта·шем шяр па-нтыжым дотово-мўнтў·рк төргältä·рәиш* 'мой товарищ свою палку кинул очень далеко' (Иванов & Тужаров 1971 : 224).

По этим скудным данным нельзя понять, как именно бросается палка, т. е. относится ли игра к типу *snow snake*.

Этимология: *törgältä·räiš* < *törgäiš* 'скакать' ~ литер. марЛ, марВ *törgaish* + *-äl* (*-al*) (диминуатив) + *-täř* (*-tar*) (каузатив) (Галкин 1966 : 122—126, 135—137). Глагол *törgaish* 'скакать' не входит в базы исконной лексики и заимствований; возможно, является собственно марийским словом, но не исключается и его уральское происхождение (Савельев 2015—2025, № 2597). Вершинин считает это слово звукоподражательным (2018 2 : 532). Ср. тат. глаголы *тыраклау*, *тыракайлау* (СЭФ), *тыракларга* (ТРС 338) со значениями 'прыгать на одной ноге, припадать

на одну ногу, ковылять'; *тырак-тырак, тырак-тырак, тыракай, тыркын* — татарские названия игры в классики (СЭФ). Считается, что эти татарские слова имеют звукоподражательный характер, ср. тат. *тыр, тыр-р* 'имитатив шума трещотки, моторов, а также быстрому бегу мелкими шагами' (Ахметьянов 2015 2 : 334).

6. Заключение

В статье рассмотрены наименования игры типа *snow snake* в уральских языках: ненецком, мансийском, хантыйском, саамском, карельском, коми-зырянском, удмуртском и марийском. Чаще всего название игры происходит от наименования палки — предмета игры, что в целом типично для игр с предметами. Буквальные наименования предмета игры — лесн. нен. *налля* 'копье', манс. *нел* 'стрела', саам. *нйлл* 'копье', мар. *йывыш* 'копье', хант. *юх* (*ювели*) 'палка', удм. *чуло* 'ерш, шомпол', рус. *сула* 'копье' > хант. *шўлэв*. Интересна образная лексика в наименованиях предмета, когда юркая палочка в игре соотносится с животным: змеей (мар. *кишке-тоя* 'палка-змея', кар. *нўлои* 'змея, гадюка'), ящерицей (коми *түвö*), птичкой (коми *түвган* 'птичка-свистулька'), насекомоядным зверьком или грызуном (мар. *цымыни* 'бурузубка' — ср. аранта *вит-вит* 'кенгуровая крыса'), рыбой (мар. *мен* 'налим', рус. *щучка*). Также в названии игры может быть указание на признак предмета игры (например, хант. *яңкең* 'ледяной', манс. *тут* 'снежный') или действие (движение палки, действие игрока с палкой — скользить (> скользящая), бросать и т. п.). В названии игры бывает от одного до трех слов. Модели образования названий игры типа «снежная змея» в уральских и других языках, по которым мы располагаем материалом (русском, телеутском), отражены в следующей таблице:

Таблица 1

Структура названий игры в уральских и смежных языках

	Тип названия	Примеры
1.	N	лесн. нен. <i>налля</i> 'копье' саам. <i>нйлл</i> 'копье' ? кар. <i>нўли</i> (<i>нўли</i>), <i>нўлои</i> , <i>нўлацци</i> рус. <i>сула</i> (> юлюю) хант. <i>шўлэв</i> 'палка в игре' удм. <i>чуло</i> 'ерш, шомпол для прочищения чего-либо' мар. <i>ййиши</i> ~ <i>ййиши</i> ~ <i>йывыш</i> 'копье' (? > <i>пытъыж, тъыж</i>) <i>копье</i> (зап. по-русски)
1.1.	N (< V) V PTCP	коми <i>уедчан</i> (<i>уедзчан, уйёдчан, уеччан, уечан</i>) 'ползунок' хант. <i>шўлэници</i> 'играть в национальную игру' кар. <i>нўлаитта</i> (<i>нўлаиццио, нўлаиттаа</i>) 'бросать палку при игре на льду, на снегу' мар. <i>тöргäлтäрдäш</i> 'заставлять скакать' рус. <i>нырок, нырялка</i> (<i>мырялка</i>), <i>шнырялка, пускалка, мызганка, мызгалка</i> телеут. <i>элбранкай</i> 'скользящая'
1.2.	N ^{metaphor}	мар. <i>мен</i> 'налим' рус. <i>в щуку</i> мар. <i>цымыни</i> 'землеройка' коми <i>түвö</i> 'ящерица', <i>түвган</i> 'птичка-свистулька' кар. <i>нўлои, нўлацци</i> 'змея; гадюка' коми (< рус.) <i>хайдук</i>

Структура названий игры в уральских и смежных языках (продолжение)

	Тип названия	Примеры
1.3.	N(< IMIT)	? коми <i>тювьедчан</i> ~ <i>тювийёдзчан</i> (и глаголы, выражающие действие с палкой: <i>тювгыны</i> и т. п.) ? саам. <i>шухккэл</i> ? мар. <i>пытъыж</i> , <i>тъыж</i>
2.1.	A + N A (< V) + N	манс. <i>тутнел</i> 'снежная стрела', <i>кулы юх</i> 'скользящая палка'
2.2.	N ^{metaphor} + N	мар. <i>кише-тоя</i> букв. 'змея-палка'
2.3.	V + N(DO) N(DO) + N(< V)	хант. <i>ляктэ юх</i> 'бросать палку' саам. <i>нилл чецклэмуш</i> 'бросание копья' (манс. погоня шеста, зап. по-русски)
3.1.	A + N(DO) + V	хант. <i>яңкең ювели л'якл'и</i> 'метать ледяную палку'
3.2.	N + POST(LOC) + V	хант. <i>ланть ылпия такта</i> 'бросать под снег'

Как оказалось, в этнографических источниках перевод аутентичного названия игры не всегда бывает буквальным, например: хант. *ланть ылпия такта* переведено как «броски копья» (Красильников 2002 : 59) при буквальном значении 'бросать под снег'.

По лексике игр типа snow snake в уральских языках в статье составлены этимологические справки, из которых следует, что большинство слов в наименовании этих игр — исконная лексика. Наиболее распространенной оказались производные от основы ПУ *ñele (*ñöle) 'Pfeil' ['стрела'] (UEW 317) — в ненецком, мансийском, саамском языках и предположительно в карельском.

Также в разных языках используются производные от исконных основ (по UEW):

- ПУ *jäpše 'spitze Stange, Speer' ['заостренный стержень, копье'] (> мар. *ййиши*, *ййиши*, *ййыши*);
- ПУ *kije (*küje*) 'Schlange ['змея'] (> мар. *кише*);
- ПУ *oje ~ *oje* 'schwimmen ['плавать'] (> коми *уедчан* и т. п.);
- ПУ *juwz 'Kiefer, Föhre; Pinus silvestris ['сосна'];
- ПУ *loméz '(gefrorener) dünner Schnee ['(замерзший) тонкий снег'] (> хант. *ланть*);
- ПУ *ala 'Raum unter etw., Unter-, das Untere ['пространство под чем-л., под, нижний'] (> хант. *ылпия*);
- ПУ *sukse 'Schneeschuh ['снегоступы'] (? > манс. *тут*);
- ПФУ *jäñe 'Eis ['лед'] (> хант. *яңкең*);
- ПФУ *kilz (*külz*) 'glatt, schlüpfrig ['гладкий, скользкий'] (> хант. *кулы*);
- ? ОПерм. *čul-* / ПФУ, ? ПУ *šada — *šada* 'бег; период гона (у самок животных)' (? > удм. *чуло*).

Этимология некоторых слов требует уточнения (хант. *ляктэ* и *тăхты* 'бросать, стрелять', саам. *чѐциклэ* 'метать', кар. *ñuli* ~ *ñuloi* ~ *ñoloi* ~ *ñulašči* 'змея, гадюка', удм. *чуло* 'ерш, шомпол'). Звукоподражательная основа предполагается для саам. *шухккэл* 'палка-копье', мар. *тъыж* и *пытъыж*, мар. *тӧргаиш* 'прыгать' и коми лексика с основой *тюв-*. К заимствованиям из русского отнесем хант. *щӱләв* (< рус. *сула*) и коми *хайдук* (< рус. < укр., польск. < венг.); возможно, мар. *мен* 'налим'. Но в целом у

русских игра типа *snow snake* относительно мало распространена и может быть культурным заимствованием или субстратом игровых культур уральских народов. В марийской лексике игры присутствуют тюркизмы: *тоя* 'палка' и *цымыни* 'бурозубка (землеройка)' (< *палка с набалдашником'). Из тюркских и других неуральских народов Северной Евразии этнографически достоверные фиксации игры типа *snow snake* пока обнаружены (кроме русских) только у телеутов (Кемеровская область).

Этнографические и лингвистические материалы, представленные в статье, в определенной степени позволяют сделать вывод об общеуральском характере игры с обледенелой палочкой типа *snow snake*, предполагать ее прауральское происхождение. Гипотеза Г. Р. Шагапова о генетической связи данного игрового сюжета у предков уральцев и американских индейцев (Шагапова 2020) также представляется жизнеспособной. Как оказалось, их связывает не только общая система действий, но и сходные указания на происхождение игры от древнего орудия войны и охоты (боевая дубина), а также общая образная система — слово со значением 'змея' (а также гадюка, ящерица) в наименованиях скользящей по льду палки в уральских языках и сенека *gawasa* ~ -(h/:)was(a)- ~ ka:wa:sa? 'snowsnake' ['снежная змея'] (Chafe 1967 : 57, № 711).³⁵ Интересно и совпадение в звучании слова «стрела» как основного наименования игры в уральских языках (ПУ *ñele (*ñöle)) и сенека -*ʔn(o)*- 'arrow' ['стрела'] (Chafe 1967 : 91, № 2055). Полагаем, что, подобно масштабным исследованиям фольклорно-мифологических мотивов,³⁶ картографирование игровых сюжетов, подкрепленное анализом игровой лексики в конкретных языках, может позволить точнее разграничить типологическое сходство и контактно-генетическое родство игровых культур, в целом расширить представления о древней истории человечества и связях человеческих популяций в глобальном масштабе. Самостоятельное значение имеет проведенный в статье анализ семантики и этимологии определенного круга игровых терминов в уральских языках.

Data availability statement: All data are available in the article.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

M. A. Ključeva (Klyucheva)
Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History
Institute for System Programming of the RAS
E-mail: keymachine@yandex.ru

³⁵ В индейских языках Северной Америки терминология игры также достаточно разнообразна и в целом строится на тех же общих логических принципах, которые мы рассмотрели на материале уральских языков (буквальные наименования палки-копья, с указаниями на признак предмета, «ползун» и т. п.). В зависимости от формы бросаемой палки она может образно называться (кроме «змеи»), например, «ложкой», «уткой», «бородавкой» (индейцы пассамакуоди, штат Мэн), «снежной лодкой» (ирокезы, штат Нью-Йорк) (Culin 1907 : 406, 411—412) и т. п.

³⁶ См. базу данных «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю. Е. Березкина — <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/>.

Сокращения

аг. — аганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **англ.** — английский; **БАССР** — Башкирская автономная советская социалистическая республика (ныне Республика Башкортостан); **букв.** — буквально; **вас.** — васюганский диалект хантыйского языка; **вах.** — ваховские говоры вах-васюганского наречия хантыйского языка; **вв.** — верхневычегодский диалект коми языка; **венг.** — венгерский; **вепс.** — вепсский; **вкн** — Вокнаволок (Vuokkiniemi), Калевальский р-н, Карелия; **Ворон.** — Воронежская губ.; **вс.** — верхнесысольский диалект коми языка; **вым.** — вымский диалект коми языка; **выс.** — выселок; **вят.** — вятский говор русского языка (Вятская губерния); **гкл** — Гайколя (Haikoŋa), Калевальский р-н, Карелия; **глагол.** — глагол; **губ.** — губерния; **дев.** — девичья фамилия; **диал.** — диалект, диалектный; **др.-рус.** — древнерусский язык; **зап.** — записал; **знач.** — значение; **иж.** — ижемский диалект коми языка; **инф.** — информант; **йошк.** — Йошкар-олинский говор лугового наречия марийского языка; **казан.** — казанский говор русского языка (Казанская губерния); **казым.** — казымский диалект хантыйского языка; **камас.** — камасинский; **кар.** — карельский; **кильд.** — кильдинский диалект саамского языка; **кпв-кст** — Калевала и Вокнаволок, Калевальский р-н; **койб.** — койбалский; **КРС** — Коми-русский словарь, Сыктывкар 2000; **лат.** — латинский; **лес. нен.** — лесной ненецкий; **ливвий.** — ливвиковский; **лл.** — лужско-летский диалект коми языка; **людик.** — людиковский; **манс.** — мансийский; **мар.** — марийский; **марВ** — восточное наречие марийского языка; **марГ** — горное наречие марийского языка; **марЛ** — луговое наречие марийского языка; **марСЗ** — северо-западное наречие марийского языка; **матор.** — маторский язык; **мн.** — множественное число; **МНИ** — М. А. К л ю ч е в а, Марий калык модыш = Марийские народные игры. База данных (на правах рукописи), Йошкар-Ола 2019–2024; **морд.** — мордовские языки; **морк.-серн.** — моркинско-сернурский говор лугового наречия марийского языка; **МРФС** — Марийско-русский фразеологический словарь, Йошкар-Ола 2020; **МФЭ** — Материалы фольклорных экспедиций (архив МарНИИЯЛИ); **НАО** — Ненецкий автономный округ, Архангельская область; **нв.** — нижевычегодский диалект коми языка; **нем.** — немецкий; **нен.** — ненецкий; **Низ. Печора** — река Низёва, правый приток Печоры; **НКЦ** — Национальный культурный центр (учреждение культуры); **онд** — Ондозеро (Ondarvi), Муезерский р-н, Карелия; **ОПерм.** — общепермский; **перен.** — переносное значение; **печ.** — печорский диалект коми языка; **польск.** — польский; **Псл** — праславянский язык; **ПУ** — прауральский; **ПФП** — прафинно-пермский; **ПФУ** — прафинно-угорский; **рус.** — русский; **с/с** — сельсовет; **саам.** — саамский; **саамЛ** — луле-саамский; **саамС** — северносаамский; **сал.** — говоры салымского диалекта хантыйского языка; **СДКЯ** — Словарь диалектов коми языка, Сыктывкар 2012. <https://dict.fu-lab.ru/>; **сельк.** — селькупский; **сербск.-цслав.** — церковнославянский язык сербской редакции; **скр.** — присыктывкарский диалект коми языка; **словен.** — словенский; **СМЯ 2** — Словарь марийского языка. Т. 2, Йошкар-Ола 1992; **СМЯ 8** — Словарь марийского языка. Т. 8, Йошкар-Ола 2003; **СМЯ, доп. том** — Словарь марийского языка, дополнительный том, Йошкар-Ола 2019; **Соль-Илецк.** **Чкал.** — Соль-Илецкий район Чкаловской области; **спр.** — спряжение; **СРНГ 6** — Словарь русских народных говоров. Вып. 6, Ленинград 1970; **СРНГ 18** — Словарь русских народных говоров. Вып. 18, Ленинград 1982; **СРНГ 19** — Словарь русских народных говоров. Вып. 19, Ленинград 1983; **СРНГ 21** — Словарь русских народных говоров. Вып. 21, Ленинград 1986; **СРНГ 41** — Словарь русских народных говоров. Вып. 41, Санкт-Петербург 2007; **СРНГ 49** — Словарь русских народных говоров. Вып. 49, Санкт-Петербург 2016; **сс.** — среднесысольский диалект коми языка; **СЭФ** — Сүзлекләрнең электрон фонды = Электронный фонд словарей. <https://suzlek.antat.ru/indexR.php>; **тайг.** — тайгийский; **телеут.** — телеутский; **ткш** — Тикша (Tiksi), Муезерский р-н, Карелия; **тнг** — Тунгуда (Tunguo), Беломорский р-н, Карелия; **Тобол.** — Тобольская губерния, **Том.** — Томская область; **тр.-юг.** — тром-юганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **ТРС** — Татарско-русский словарь, Казань 2002; **тур.** — турецкий; **у.-аг.** — усть-аганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **у.-юг.** — усть-юганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **удм.** — удмуртский; **удор.** — удорский диалект коми языка; **укр.** — украинский язык;

урож. — уроженец; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **фин.** — финский; **хант.** — хантыйский; **ХМАО** — Ханты-Мансийский автономный округ; **Чердакл. Ульян.** — Чердаклинский диалект хантыйского языка; **чеш.** — чешский; **шурышкар.** — шурышкарский диалект хантыйского языка; **энец.** — энецкий; **ЭССЯ 21** — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 21, Москва 1994; **эст.** — эстонский; **юг.** — юганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **ЯНАО** — Ямало-Ненецкий автономный округ; **ЯОС 2** — Ярославский областной словарь. Вып. 2, Ярославль 1982; **А** — прилагательное; **В** — Vošinkylä (Pessin kylä) (Munjärven kunta) = диалект карельского языка в д. Новоселовская Онежского уезда Архангельской губернии (?); **DO** — прямое дополнение; **Fi** — финский; **Hung** — венгерский; **ИМГ** — звукоподражание; **LOC** — обстоятельство места; **N** — существительное; **Pk** — Puikniemi (Puikkoniemi) (Munjärven kunta) = диалект карельского языка в д. Пуйгуба ~ ? урочище Пайгуба, Кондопожский р-н, Карелия; **Pi** — Pälärvi (Päläniemi) (Munjärven kunta) = диалект карельского языка в д. Пялозеро, Мунозерская волость, Кондопожский р-н, Карелия; **POST** — послелог; **PTCP** — причастие; **SaaL** — луле-саамский; **SaaN** — северносаамский; **Sn** — Sunun-suu (Suununsuu) (Munjärven kunta) = диалект карельского языка в д. Уссуна, Кондопожский р-н, Карелия; **Starlingdb.** — Turkic etymology. https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?single=1&basename=%2fdata%2falt%2fturcet&text_number=444&root=config; **Td** — Tiudia (Kontupohjan kunta) = диалект карельского языка в д. Тивдия, Кондопожский р-н, Карелия; **UEW III** — Károly R é d e i, Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band III. Register. Zusammengestellt von Attila Dobó und Eva Fancsaly, Wiesbaden 1991; **V** — глагол.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева К. В. & Собянина С. А. 2012, Школьный мансийско-русский (орфографический) словарь, Ханты-Мансийск.
- Ахметьянов Р. Г. 2015, Татар теленең этимологик с злеге = Этимологический словарь татарского языка. Т. 2, Казань.
- Ашмарин Н. И. 2000, Словарь чувашского языка. Т. 13—14, Чебоксары.
- Балдаев Х. Ф. 1983, Русско-марийский словарь биологических терминов, Йошкар-Ола.
- — 2012, Марийско-русский словарь биологических терминов, Йошкар-Ола.
- — 2020, Русско-марийский словарь биологических терминов, Йошкар-Ола.
- Бармич М. Я. & Вэлло И. А. 2002, Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект), Санкт-Петербург.
- Вершинин В. И. 2011, Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии, Йошкар-Ола.
- — 2018, Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). Т. 2, Йошкар-Ола.
- Воронина Е. 2019а, Название налима (*Lota lota*) в диалектах марийского языка. — LU LV, 279—284. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2019.4.03>.
- — 2019b, Ихтионимы в марийском языке (историко-этимологический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора философии (уральские языки), Tartu.
- Всеволодский-Гернгросс В. Н. 1933, Игры народов СССР, Москва—Ленинград.
- Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II, Йошкар-Ола.
- Даль В. И. 1903, Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1, Санкт-Петербург—Москва.
- — 1905, Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2, Санкт-Петербург—Москва.
- — 1909, Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4, Санкт-Петербург—Москва.
- Ермаков А. А. 1991, Кушкыл, янлык, кайык... Марла-рушла мутер = Растения, звери, птицы... Марийско-русский словарь, Йошкар-Ола.

- Зайцева Н. Г. & Муллонен М. И. 1995, Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь, Петрозаводск.
- Иванов И. Г. & Тужаров Г. М. 1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола.
- Исанбаев Н. И. 2014, Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке, Йошкар-Ола.
- Кенеман А. В. 1988, Детские подвижные игры народов СССР. Пособие для воспитателя детского сада, Москва.
- Керт Г. М. 1971, Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис, Ленинград.
- — 1986, Словарь саамско-русский и русско-саамский, Ленинград.
- Конаков Н. Д. & Власов А. Н. & Ильина И. В. & Лимеров П. Ф. & Уляшев О. И. & Шабаетов Ю. П. & Шаратов В. Э. 1999, Мифология коми, Москва—Сыктывкар.
- Коркина Е. 2010, Поющий ветер тундры. Сборник саамских сказок и стихов, Мурманск.
- Красильников В. П. 2002, Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов, Екатеринбург.
- — 2004, Игры и состязания в воспитательном процессе финно-угорских и самодийских народов. Учебное пособие, Екатеринбург.
- Кузнецова М. Н. 2010, Названия диких и домашних животных в марийском языке, Йошкар-Ола.
- Макаров Г. Н. 1990, Словарь карельского языка (ливвиковский диалект), Петрозаводск.
- Медведева М. Г. 2011, Саамские игры = Самь сир, Мурманск.
- Новыхова Н. В. 2009, Заимствованная лексика хантыйского языка (на материале казымского диалекта). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербург.
- Покровский Е. А. 1895, Детские игры, преимущественно русские, Москва.
- Попова Я. Н. 1978, Ненецко-русский словарь. Лесное наречие, Szeged.
- Прокопенко В. И. 1992, Традиционное физическое воспитание нанайцев: игры и состязания, Екатеринбург.
- — 1997, Игры ваховских, аганских хантов и лесных ненцев. Пособие для национальной школы, Екатеринбург.
- — 2005, Этнопедагогика народа ханты: физическое воспитание и игры. Учебное пособие, Екатеринбург.
- — 2019, Манси: традиционные игры, состязания и современные национальные виды спорта, Сургут.
- — 2020, Лесные ненцы: традиционные игры, состязания и национальный спорт, Ханты-Мансийск.
- Пырерка А. П. & Терещенко Н. М. 1948, Русско-ненецкий словарь, Москва.
- Рассыхаев А. Н. 2023, Детский фольклор коми: игры, Сыктывкар.
- Ромбандеева Е. И. & Кузакова Е. А. 1982, Словарь мансийско-русский и русско-мансийский, Ленинград.
- Рочев Ю. Г. 1988, Коми челядьлӧн важъя версӧмъяс = Старинные игры коми детей, Сыктывкар.
- Рюмина-Сыркашева Л. Т. & Кучигашева Н. А. 1995, Телеут-орус сӧзлик = Телеутско-русский словарь, Кемерово.
- Саваткова А. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка, Йошкар-Ола.
- — 2008, Словарь горномарийского языка, Йошкар-Ола.
- Савельев А. В. 2015–2025, Марийская этимологическая база. Рукопись.
- Соловар В. Н. 2014, Хантыйско-русский словарь (казымский диалект), Ханты-Мансийск—Тюмень.
- Сязи З. И. & Скамейко Р. Р. 2007, Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурьшкарский диалект), Санкт-Петербург.
- Терешкин Н. И. 1981, Словарь восточно-хантыйских диалектов, Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- Троицкий В. П. 1894, Черемисско-русский словарь, Казань.
- Фасмер М. 1986, Этимологический словарь русского языка. Т. 1, Москва.
- — 1987, Этимологический словарь русского языка. Т. 3, Москва.

- Федотов М. Р. 1996, Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2, Чебоксары.
- Федотова В. П. & Бойко Т. П. 2009, Словарь собственно-карельских говоров Карелии, Петрозаводск.
- Фелицына В. П. & Мокиенко В. М. 1990, Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь, Москва.
- Хаузенберг А. Р. 1972, Названия животных в коми языке, Таллин.
- Хомич Л. В. 1954, Ненецко-русский словарь для ненецкой начальной школы, Ленинград.
- Шагапова Г. Р. 2020, Этнокультурные контакты предков хантов и манси по материалам игровой культуры. — Вестник урovedения. Т. 20, № 4, 748—758.
- Шорин В. С. 1920, Маро-русский словарь горного наречия, Казань.
- Эпин С. Г. 1935, Горно-марийско-русский словарь = Кырык-марла дӓ рушла сирӓм шамак книга, Козьмодемьянск.
- Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Ante Aikio) 2014a, On the reconstruction of Proto-Mari vocalism. — Journal of Language Relationship. Вопросы языкового родства, № 11, 125—157.
- — 2014b, The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or chance resemblance? — FUF 62, 7—76. <https://doi.org/10.33339/fuf.86078>.
- Avedon, Elliott M. & Sutton-Smith, Brian 1971, The Study of Games, New York.
- Beauchamp, William Martin 1884, The Snow Snake. — Young Mineralogist and Antiquarian. Vo.1, No. 1, 85.
- Beke Ödön 2001, Mari nyelvjárásai szótár (Tscheremissisches Wörterbuch), Szombathely (Bibliotheca Ceremissica IV₁₋₉).
- Bereczki, Gábor 1992, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II, Szeged.
- — 1994, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, Szeged.
- Chafe, Wallace L. 1967, Seneca Morphology and Dictionary, Washington.
- Culin, Stewart 1907, Games of North American Indians. 24th Annual Report of the Bureau of American Ethnology, Washington.
- Filchenko, Andrey Yury 2007, A Grammar of Eastern Khanty. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy, Houston.
- Kujola, Juho 1944, Lyydiläismurteiden sanakirja, Helsinki (LSFU IX).
- Moisio, Arto & Saarinen, Sirkka 2008, Tscheremissisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU XXXII, Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu 151). <https://doi.org/10.33341/sus.877>.
- Parker, Arthur C. 1909, Snow Snake As Played By The Seneca-Iroquois. — American Anthropologist 11 (2), 250—256.

MARIA KLJUTŠEVA (Joškar-Ola)

URALI KEELTE LUMEMAOMÄNGUDE NIMETUSED

Lumemaomängudes on eesmärgiks visata nool või oda mööda lund või jääd võimalikult kaugele. See talimäng on kõige levinum Põhja-Ameerika põliselanike ja uurali rahvaste seas. Artiklis käsitletakse neenetsi, handi, mansi, saami, karjala, udmurdi, komi ja mari lumemaomängude sõnavara ennekõike etümoloogia seisukohalt. Kõigis nendes keeltes peale handi keele põhineb mängu nimetus alguurali sõna *ńęle (*ńōle) 'nool' vastetel.

ИРИНА КЮРШУНОВА, ТАТЬЯНА БОЙКО, СВЕТЛАНА НАГУРНАЯ (Петрозаводск)

К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИИ СЛОВАРЕЙ КАРЕЛЬСКОГО, ВЕПСКОГО, ФИНСКОГО ЯЗЫКОВ*

Abstract. Typology of Karelian, Vepsian and Finnish Dictionaries

The article is a theoretical review, which raises important aspects concerning Finnic lexicography. From the 19th century to the present, experience in compiling and publishing dictionaries representing the linguistic wealth of the genetically related Karelian, Vepsian, and Finnish languages has been accumulated in Russia at various stages. There is a predominance of translation-based dictionaries. At the same time, translated products are refracted in a unique way in the typologies of dictionaries that exist today. Therefore, it is important to turn not only to the systematization of existing publications, which allows us to see gaps and, as a result, outline the prospects for creating new types of dictionaries, but also to their analysis from the standpoint of theory and practice of dictionary writing. The main emphasis is placed on the well-known work on the theory of lexicography by Lev Shcherba. Special attention is paid to the contrast between academic dictionaries and educational lexicography.

Keywords: Finnic languages, lexicography, dictionary typology.

1. Введение

Создание словарей карельского, вепсского и финского языков имеет длительную традицию в российском языкознании. Хронологически весь путь развития отечественной карело-вепско-финской лексикографии можно разделить на 4 этапа:¹ (1) Дореволюционный этап и период получения Финляндией независимости (всего 15 словарей). Словари, выпущенные в этот период, демонстрируют преимущественно переводы слов с русского языка на финский и были изданы с целью облегчить финскому населению коммуникативный процесс в ситуациях определенной профессиональной деятельности (ср. «Перевод командных слов с рос-

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

¹ А) Можно выделять период наивной лексикографии, который предшествовал выходу печатных словарей. Например, в архивах, относящихся к Соловецкому монастырю, сохранилась запись древнейшей на сегодняшний день рукописи карельско-русского словаря афонского архимандрита Феофана (см. об этом Муллонен, Панченко 2013 (2013а или 2013б)). Б) Мы не включаем в анализ монументальный коллективный труд под руководством Питера Симона Палласа «Сравнительные словари всѣх языков и нарѣчий» (1787; 1789), поскольку этот словарь включает не только карело-вепско-финскую лексическую систему.

сийского на шведский и финский», 1826). В основном, словари выходили по государственному заказу, подтверждением чего являются уточнения, содержащиеся, например, в названиях словарей (ср. «Русско-шведский и финский ручной словарь, составленный по Высочайшему повелению», 1851). Словари карельского языка единичны и выполняют в основном дидактические задачи, поэтому их можно отнести в группу словарей учебного типа. Их составители — школьные учителя, подвижники народного образования (А. Толмачевская (1887); М. Д. Георгиевский (1908)). В данный период в отечественной лексикографии отсутствуют словари вепсского языка, но можно отметить, что во Франции к работе Ujfalvy 1875 приложен словарь активного запаса вепсских слов с их переводом на французский язык.

- (2) Этап от 1917 г. до 1945 г. (всего 13 словарей). Из выпущенных в данный период словарей преобладают словари финского языка. Это можно объяснить социально-политическими факторами. До начала 1940-х гг. в Карелии, Ленинградской и Мурманской областях проживало значительное количество финнов (включая близких в языковом и культурном отношении финнов-ингерманландцев), которые должны были участвовать во всех сферах деятельности нового советского государства, где основным языком общения был русский язык. А потому сохраняется и направление переводных словарей: от русского языка к финскому (т. е. преобладают русско-финские словари). С конца 1930-х гг. меняется международная обстановка, повлекшая за собой события Советско-финляндской войны (1939—1940) и Второй мировой войны (1939—1945), в которых Финляндия являлась военным противником СССР. Как следствие, появляется целый ряд военных переводных словарей и словарей, вышедших в военных издательствах (напр. Тау 1935; Русско-финский словарь-памятка и вопросник 1939 и др.). В 1936 г. печатается первый вепсско-русский словарь Ф. А. Андреева. Словари карельского языка в этот период не издаются.
- (3) Послевоенный советский этап (всего 32 словаря). Словари, изданные в этот период, опираются на лучшие традиции прошлого и новые, прежде всего, научные установки советской лексикографии, обратившейся к разработке принципов инормативных правил составления словарей разных типов. Несмотря на преобладание переводных финско-русских и русско-финских словарей, появляются новые словари карельского и вепсского языков.
- (4) Постперестроечный этап (всего 119 словарей) можно охарактеризовать как период «лексикографического бума». В это время количество изданных словарей увеличивается более чем вдвое по сравнению с предыдущими периодами. К положительным сторонам этого периода можно отнести издание новых типов словарей, смещение разных типов словарей, создание электронных лексикографических баз данных, корпусов и онлайн-словарей. Последние формы систематизации языкового материала важны как с точки зрения теории типологии словарей, так и с точки зрения практики представления информации пользователю словаря. Повышенное внимание к изданию финско-русских и русско-финских словарей связано, с одной стороны, с открытием границ и активным взаимодействием с Финляндией во всех сферах жизни, с другой стороны, с коммерциализацией словарного дела в современной России.

Некоторые вопросы прибалтийско-финской лексикографии, в частности вековая история создания карельских, вепсских, финских словарей, вклад отдельных ученых в эту работу, возможность обращения к словарям для изучения специфических особенностей прибалтийско-финских языков (фонетических, орфографических, диалектных, чаще лексических), а также активно развивающееся корпусное направление — обсуждаются в статьях Т. П. Бойко (2005; 2007; 2015; 2017; 2019; 2020; 2023; 2025), Н. Г. Зайцевой (1990; 2017), И. И. Муллонен (2013а; 2013б; 2017; 2018; 2023; 2024), С. В. Нагурной (Ковалевой) (2009; 2015; 2017; 2023), И. П. Новак (2023; 2024), А. П. Родионовой (2021; 2023) и др.

Однако накопленный объем словарей, изданных в России, еще ни разу не подвергался специальному типологическому описанию. Именно этот подход обуславливает теоретическую, практическую и методическую значимость работы. Цель статьи — анализ прибалтийско-финских словарей с позиций теории и практики словарного дела. Задачи: 1) взглянуть на имеющийся арсенал словарей карельского, вепсского, финского языков с позиций наиболее авторитетных типологий и классификаций словарей, известных в российском языкознании; 2) определить насколько точно накладывается прибалтийско-финский лексикографический материал на ставшие классическими типологии; 3) выявить отдельные специфические моменты, характерные изданной словарной продукции; 4) обозначить возможные перспективы словарного дела.

Особое внимание уделено, помимо фундаментальной работы Л. В. Щербы (1974), многочисленным трудам теоретиков лексикографии, занимающихся вопросами разработки типологии словарей (Семенов 1959; Y. Malkiel 1967; Zgusta 1971; Цывин 1978; Роменская 1978; Кобрин 1985; Морковкина 1988; 1994; Гринева 1988; Лейчик 1988; Щербин 1995; Бельчиков & Солганика 1997; Hartmann 2001; Маслов 2005; Лукьянова 2006; Дубичинский (2008), Шимчук 2009).

2. Прибалтийско-финская лексикография в аспекте словарной типологии

2.1. Краткий обзор типологических исследований

Всего, по нашим подсчетам, на сегодняшний день имеется почти 90 типологий словарей² с чисто теоретической или практической направленностью. Думаем, что нет смысла давать характеристику каждой из них, это уже сделано многочисленными нашими предшественниками. Отметим лишь некоторые наиболее важные моменты, которые с разной степенью глубины будут отражены в статье.

Считается, что типологии теоретической и практической направленности различаются прогнозирующим характером первой и направленностью на пользователя уже внедренных в широкий оборот изданий второй. Тем не менее можно, как кажется, утверждать, что прогнозирование без уже реально введенного в потребительский оборот продукта (= словарей) невозможно. И в том и в другом случае по традиции, установленной Л. В. Щербой, при рассмотрении типологии словарей исследователи обращают внимание на противоположения (Щерба 1974 : 265—304), а также на введенные (несколько позже) при описании типов словарей оппозиции, аспекты, дифференциальные признаки или их иерархические наборы (фасеты), среди которых, например, имеются противопоставления по цели и назначению словаря, по способу описания единицы, по отбору языковой единицы, по объему словника, по особенностям расположения материала, по отношению к литературной норме, по типу носителя информации, по отношению к синхронии и диахронии, по функции, по источнику информации, по развернутости и детализации описания, по количеству описываемых в словаре языков и т. д. и т. п. Как следствие, отдельные типологии являются объемными, очень разветвленными по числу различных параметров лексикографирования.

В типологии Л. В. Щербы выделены всего 6 противоположностей, актуальных на 1940 год: словарь академического типа — словарь-справочник, энциклопедический словарь — общий словарь, thesaurus — обычный (толковый или переводной) словарь, обычный (толковый или переводной) словарь — идеологический словарь, толковый словарь — переводной словарь, неисторический словарь — исторический словарь (Щерба 1974 : 265—304) Последующие типологии отличаются большим

² Самое подробное описание — около 47 типологий словарей — дано С. В. Лесниковым (2021 : 356—369). Несколько раньше похожий анализ типологий словарей находим в коллективной монографии новосибирских исследователей (Проблемы 2015 : 90—146).

количеством сопоставляемых аспектов. Например, Т. Себеок выделяет уже 17 признаков для словарей только одного языка (Sebeok 1962 : 363—374). В практической классификации М. Л. Апажева все словари делятся на энциклопедические и филологические. При этом первые подразделяются на четыре группы, а среди филологических определены 10 классов словарей с последующей детализацией. Так, среди класса толково-нормативных словарей выделено 26 типов, среди морфемно-словообразовательных — 5, среди ассоциативно-семантических — 17, в классе ономастических словарей — 11 типов и т. д. (Апажев 2005 : 16—29). Иерархически детализированной является классификация А. М. Цывина, составившего 8 классификационных схем по следующим дифференциальным признакам: соотношение правой и левой сторон словаря (односторонние — двусторонние), способ расположения левой стороны словаря (алфавитные — неалфавитные), состав левой стороны словаря (лексиконы — фразарии), характер отбора материала (тезаурусы — атезаурусы), объект отображения (общие — частные), отражение исторических процессов (синхронные — диахронные), по цели и назначению (учебные — словари-справочники), по проприальности — нарицательности (ономастиконы — апеллятивы). На Рис. 1 представлена одна из классификационных схем, разработанных А. М. Цывиным, на этой схеме отражены именно переводные словари, важные для нашего исследования.

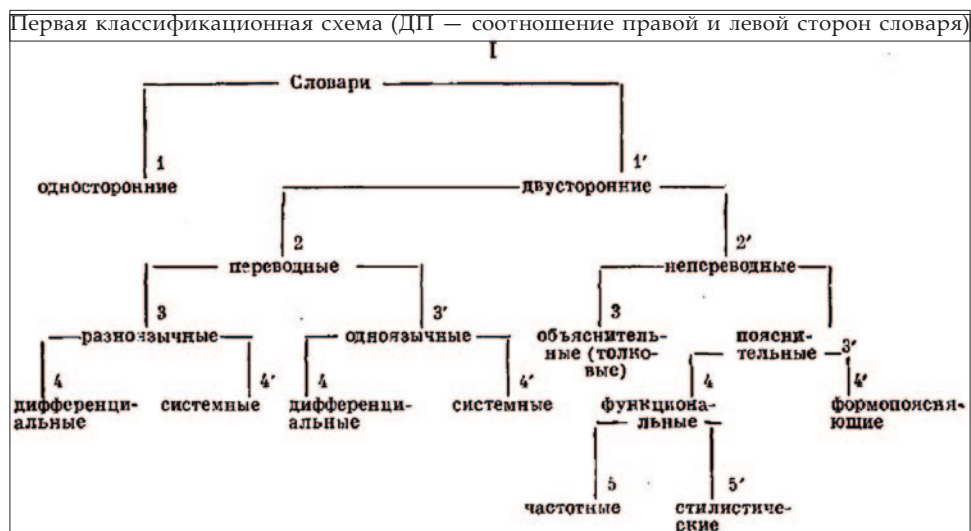

Рис. 1. Пример классификационной схемы в типологии словарей А. М. Цывина (1978 : 101).

Аналогичная многоуровневая типология словарей была составлена В. В. Дубичинским, который обобщил существующий на 1994 год опыт создания известных классификаций. Одним из ключевых аспектов его работы является идея открытого, точнее незакрытого, входа в типологии, подразумевающего, что классификации могут и должны развиваться, то есть традиционные типологии/классификации словарей не являются окончательными и их можно обновлять (Дубичинский 2008 : 69—72), учитывая новые тенденции представления языковой системы в словарном виде.³

³ Данная гипотеза уже подтверждена современным состоянием лексикографии, характеризующимся не только появлением новых словарей, но и внедрением цифрового формата представления словарной информации, что, в свою очередь, заставляет гибко подходить к определению новых параметров противопоставления.

2.2. Словари прибалтийско-финских языков в прикладном аспекте. Причины лакунизации

Рамки статьи не позволяют выделить и описать прибалтийско-финские словари по каждой из имеющихся типологий.

Точкой отсчета избираем типологию филологических словарей, представленную в учебном пособии В. А. Козырева и В. Д. Черняк, наиболее удобную по наглядности представления лексикографической продукции на прибалтийско-финских языках (Козырев & Черняк 2004 : 52—280). В основе этой типологии лежит практический критерий: опора на опубликованные словари.

Таблица1

Словари карельского, вепсского, финского язык
по типологии словарей русского языка В. А. Козырева и В. Д. Черняк

Типы словарей	Карельский язык	Вепсский язык	Финский язык
Толковые словари	—*	—*	—*
Словари неологизмов	v	v	—
Динамические словари	—	—	—
Словари иностранных слов	—	—	—
Словари синонимов	—	—	—
Словари антонимов	—	—	—
Словари омонимов	—	—	—
Словари паронимов	—	—	—
Фразеологические словари	+	+	—
Идеографические словари	+*	+*	+*
Ассоциативные словари	—	—	—
Грамматические словари	+	—	—
Словари сочетаемости	—	—	—
Словари эпитетов	—	—	—
Словообразовательные словари	—	—	—
Орфографические словари	+	+	—
Орфоэпические словари	—	—	—
Словари рифм	—	—	—
Словари трудностей языка	—	—	—
Словари редких и устаревших слов	—	—	—
Словари языка писателей	—	—	—
Этимологические словари	—	—	—
Исторические словари	—	—	—
Диалектные словари	+	+	+
Словари субстандартной лексики	—	—	—
Словари детской речи	—	—	—
Антропонимические словари	—	—	—
Топонимические словари	+	—	—
Лингвострановедческие словари	—	—	—
Лингвокультурологические словари	—	—	—
Частотные словари	—	—	—
Комплексные учебные словари	+	+	+
Словари лингвистических терминов	v	v	—

Комментарии: + имеется тип словаря, — отсутствует тип словаря, v имеются словарные материалы для составления словаря, * необходим специальный комментарий (см. сноску 4).

Справедливым будет заметить, что в данной типологии не оказалось переводных, терминологических, обратных словарей, представленных в других типологиях, уже отмеченных нами выше. Однако и без этих типов лексикографическое пространство, представленное словарями карельского, вепсского, финского языков, в типологическом отношении все равно нельзя назвать равномерным. Объясняется это прежде всего экстралингвистическими причинами: количеством носителей этих языков в пределах Карелии, наличием литературных, исторических текстов на этих языках, младописьменностью карельского и вепсского языков. Перечисленные причины объясняют отсутствие динамических и исторических словарей, словарей редких и устаревших слов, словарей иностранных слов, эпитетов, рифм, языка писателей, детской речи, субстандартной лексики для данных языков. Единичны и достаточно поздние по появлению фразеологические, грамматические, орфографические, идеографические⁴ словари. Казалось бы, в создании орфоэпических словарей нет острой потребности, но они были бы полезны в представлении ядерного слоя лексики инофонам (тем, кто изучает прибалтийско-финские языки как иностранные). Понятно, что для наиболее полного описания лексической системы необходимы такие аспектные словари, как словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, а также ассоциативные, словообразовательные, этимологические, ономастические, частотные словари, ставшие традиционными для лексикографии разных языков. Предполагаем: продвижение проектов по созданию таких словарей будет сопряжено с внедрением цифрового формата. Однако важно заметить: расширенный или сокращенный «репертуар» типов прибалтийско-финских словарей возможен при определенном запросе. Согласимся с мнением М. Л. Апажева, считавшего: «Число типов словарей, как и число лексикографических параметров [---] определяются содержанием и числом читательских запросов к словарям» (Апажев 2005 : 29). Не менее важна и национально-языковая политика РФ, направленная на сохранение, изучение миноритарных языков и их культур. В противном случае не только в прибалтийско-финской лексикографии будут оставаться белые пятна.

2.3. Переводная прибалтийско-финская лексикография как базовый элемент словарного производства, ее плюсы и минусы

В практическом плане в прибалтийско-финской лексикографии доминируют переводные (дву-/многоязычные⁵) словари. В трудах теоретиков лексикографии переводная продукция не игнорируется, но и не является приоритетной при описании типов словарей.⁶ Пожалуй, наибольшее внимание ей уделил Л. В. Щерба, который видел основное назначение двуязычных словарей в том, чтобы понимать тексты на чужом языке (Щерба 1974 : 297). Однако цели и задачи, стоящие перед такими словарями более многогранны. Об этом, в частности, пишет в подобной

⁴ Идеографическим словарем в данном случае мы считаем «Сопоставительно-ономастиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков» под редакцией Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой (Петрозаводск 2007), поскольку «словарь базируется на понятийно-тематическом принципе» (см. предисловие словаря, с. 3), которым обычно и характеризуется данный тип словарей. При этом с типологической точки зрения данный словарь считается комплексным: по представленному материалу он является диалектным, по его подаче — двуязычным (русский язык в данном случае выполняет роль посредника).

Этот тип словаря помечен в таблице звездочкой (*), поскольку в тематическое членение включена сопоставляемая по всем языкам лексика.

⁵ Понятия *переводной словарь* и *дву-, многоязычный словарь* не противопоставляются, а считаются взаимозаменяемыми (= синонимами).

⁶ Из множества типологий словарей только в 30 находим указание на переводные (дву-, многоязычные) словари. Выше в статье были указаны лишь те авторы типологий, которые включали дву-/многоязычные словари в свои классификации.

нашей работе Б. Д. Цыренов. Делая аналитический обзор монголоязычно-русских словарей сквозь призму типологий, исследователь отмечает, что такие словари заслуживают особого внимания в теории и практике их составления и существования (Цыренов 2017 : 5—6, 13—17). Дополним: двуязычные словари играют ключевую роль в переводе, в учебном процессе и коммуникации на этих языках, а для разноязычных, но тесно общающихся народов являются базой для сохранения языков и культур.

Двуязычные словари, отражающие языковое богатство народов Карелии, отличаются объемом словника. Например, у словарей, демонстрирующих лексическую систему карельского языка, в состав словника входит от 8000 до 20000 слов; вепского — от 6000 до 15 000 слов; финского — от 1000 до 25 000 слов.⁷ Конечно же, во всех случаях отражено не все лексическое многообразие карельского, вепского и финского языков. На объем представленного в словарях материала повлияли не только издательские рамки (они обычно отражены в тираже), но и предназначенность словаря, направленность его на определенного потребителя. Ясно, что для начинающего изучение неродного языка необходимо знать наиболее употребительный слой лексем, а для лингвиста-специалиста в области финно-угроведения вообще трудно найти необходимый предел.

Однако следует отметить, что на территориях со смешанным этническим составом численный пераевес переводных словарей обусловлен прежде всего прикладными проблемами, связанными с межъязыковым общением. В Российской империи, как указывалось выше, это был правительственный заказ, касавшийся интеграции финского населения в российский социум (ср.: К. Ф. Нордлунд, «Русско-финский ручной словарь», 1892 и др.). Со временем пропорции переводных направлений были уравновешены,⁸ появились словари с двунаправленной демонстрацией материала (ср. Ю. С. Елисеев, «Финско-русский и русско-финский словарь», 2021; «Финско-русский, русско-финский словарь», 2004 и 2020 под ред. Е. Б. Александровой, и др.), призванной «учитывать интересы носителей как входного, так и выходного языка словаря, иными словами, иметь два адресата» (Берков 1973: 20).

Это же относится к двуязычным словарям, отражающим карельскую и вепскую лексическую систему, при этом направления переводов и реверс чаще публикуются в отдельных изданиях (ср.: Т. П. Бойко & Л. Ф. Маркианова, «Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие)», 2016; 2018; Т. Voiko, «Suuri karjalainen sanakniigu (livvin murreh)», 2016 и др.; Н. Г. Зайцева, «Новый вепско-русский словарь», 2010; Н. Г. Зайцева, «Новый русско-вепский словарь», 2021 и др.).

Переводной характер словарей обычно указан в их названии. Однако следует заметить, что словари карельского языка и словари вепского языка, не предполагающие при составлении и определении назначения словаря переводной функции как основной, построены также по типу двуязычных. В качестве примера рассмотрим три словарные статьи, представленные в Таблице 2:

Все содержательные характеристики слова и его словоупотребления в зонах толкования даны на русском языке. Можно отметить, что иллюстративные данные сопровождаются буквальным переводом на русский язык, записанным зачастую в полевых условиях от респондентов, владевших двумя языками, но в словарях, из которых взяты примеры, намеренно отражено наиболее аутентичное употребление слов в естественной среде, дословный перевод которых соответствует сути и не искажает точности контекста.

⁷ Не во всех словарях указывается такой важный показатель, как объем словника. Именно поэтому в списке словарей, упомянутых в работе, по возможности сохраняется указание на количество слов, представленных в изданиях.

⁸ Всего русско-финских словарей — 37, финско-русских — 29, словарей с двунаправленной подачей материала — финско-русских и русско-финских — 19.

Таблица 2

Особенности составления словарных статей

čilahuttua v descr tom 1. брякнуть, стукнуть; st'oklua ~ брякнуть по стеклу; см. čilkahuttua 2. грянуть, внезапно запеть; rajua ~ грянуть песню	СКЯ Ливв., с. 35.
čilahella v deser freq позванивать чему-л.; buruzet našein'ikašša vain —h, kun ajat pruaz'n'iekalla бубенцы только позванивают на нашейнике, как едешь на праздник	СКЯ Твер., с. 28.
čiasilta, ~dab P, čiasilla J Pk Šim v. descr. 1. брнчать, звенеть; varhindod ~tas (P) уздечка позвякивает; келлоізд ~tas (Pк) колокольчики звенят; ~dai in (P) звонкий голос; ср. бурботада 2, heleaita; 2. журчать; ojeižis vezi ~dab (Pк) в ручейках вода журчит; ср. болaita; 3. перен. говорить без умолку, тараторить; min akad ~tas rejan? (J) что это женщины целый день тараторят?; ср. čiraita.	СВЯ, с. 59.

Важно отметить, что большинство авторов, составителей и редакторов переводных словарей являются носителями финского, карельского или вепсского языков,⁹ а потому им удалось предложить оптимальные смысловые эквиваленты из лексической системы русского языка, что обычно является одной из проблем двуязычных изданий, показывающей, что «двуязычная лексикография оказывается тесно связанной с семасиологией — дисциплиной, которая рассматривает компоненты содержательной структуры слова» (Берков 1973 : 6).

Переводными по сути являются и аспектные словари карельского, вепсского и финского языков: ортологические (Т. П. Бойко, «Грамматико-орфографический словарь карельского языка (ливвиковское наречие)», 2022; N. G. Zaiceva & J. Hari-tonova & O. Žukova, «Vepsän kelen orfografine vajehnik», 2012), грамматические (М. Э. Куусинен, «Русско-финский словарь глагольного управления», 1996; 1999; В. П. Федотова, «Дескриптивные глаголы в карельском языке», 2002), фразеологические (В. П. Федотова, «Фразеологический словарь карельского языка», 2001 и «Краткий фразеологический словарь карельского языка», 2001), этимологические (И. В. Бродский, «Краткий учебный этимологический словарь вепсского языка», 2023), терминологические (И. О. Кудашева. «Suomalais-venäläinen verkko-opetuksen ja ammatillisen koulutuksen sanasto (sekä venäläis-suomalainen hakemisto)», 2013; И. В. Фаградянц & О. В. Андрушкевич, «Финско-русский и русско-финский торговый словарь», 1996). В каждом из них языком комментариев в словарных статьях является русский язык, так как сами словари предназначены для учащихся и преподавателей.

Л. В. Щерба противопоставлял переводные словари толковым, тезаурусам и идеологическим (= идеографическим) словарям (Щерба 1974 : 281—297). При этом в отношении толковых словарей Л. В. Щерба предлагал создать толковый иностранный словарь «с объяснениями на родном языке пользующегося данным словарем и в зависимости от реальных потребностей» (Щерба 1974 : 303). Именно такой тип карельских, вепсских, финских словарей для говорящих на данных языках отсутствует в отечественной лексикографической практике. Вероятность создания словарей такого типа невелика, поскольку они вряд ли будут востребо-

⁹ Носителями вепсской языковой традиции являются М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, И. И. Муллонен, Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова, карельской — Г. Н. Макаров, П. М. Зайков, А. В. Пунжина, В. П. Федотова, Л. Ф. Маркианова, Т. П. Бойко; финской — Ю. Э. Коппалева, В. Оллыкainen, М. Э. Куусинен и др.

ваны нешироким кругом носителей этих языков, хотя могут быть представлены небольшим тиражом как важный научный эксперимент.

В этом плане интересны разработки финляндских лексикографов. Приведем только один пример и назовем, пожалуй, самый известный, популярный, авторитетный и доступный на сегодняшний день толковый словарь финского языка «Kielitoimiston sanakirja» («Словарь Института финского языка»). Это онлайн-словарь, который является преемником разных базовых словарей финского языка на бумажном носителе. Как отмечают его разработчики (Kotimaisten kielten keskus — Институт исконных языков Финляндии), этот толковый словарь используется не только носителями финского языка, но изучающими его инофонами несмотря на то, что в составе словника помимо традиционной лексики, фиксируются жаргонные слова, неологизмы и термины. Это означает, что все определения и примеры изложены простым и понятным языком, превращая данный ресурс в удобный инструмент обучения. Ср. как представлена языковая информация (значение, произношение, грамматические сведения, синонимы, антонимы, иллюстрации) в словарной статье (Рис. 2):

The screenshot shows the online dictionary entry for the Finnish word "haarukka". At the top, the word "haarukka" is followed by a superscripted "14*A". To the right, there are two toggle buttons: "Näytä aina taivutus" (checked) and "Näytä kaikki esimerkit" (checked). Below the word, there is a section titled "TAIVUTUS" with a dropdown arrow. Underneath, it is labeled "substantiivi". The main definition is: "1. kaksi- t. useampihaarainen esine; vars. tällainen ruokailuväline." Below this, there are several example sentences, each preceded by a small icon (a book or a speech bubble) and a "NÄYTÄ VÄHEMMÄN ESIMERKKEJÄ" link. The examples include: "Veitsi ja haarukka.", "Kalahaarukka.", "Kiinnityshaarukka.", "Trukin haarukka.", "Polkupyörän etuhaarukka.", "Mer purjealusessa maston yläosasta yläviistoon perään päin ulkoneva purjeenkiinnityspuu, kahveli.", "Kuv.", "Ongelma on haarukassa selkeästi määritetty, valmiina ratkaistavaksi.", "Saada kilpakumppani haarukkaan kiusalliseen asemaan, kiipeliin, tulilinjalle." The next definition is: "2. haara, haarau(tu)ma, hanka." with examples "Latvahaarukka." and "Kolmioksaainen haarukka." The third definition is: "3. sot. hakuammunnassa maalin vastakkaisille puolille osuneiden iskemien väli." with example "Maali oli haarukassa." The fourth definition is: "4. kuv. ääriarvojen väli, ääriarvot." with example "Hinta-, palkkahaarukka." and "Luku, joka sijoittuu 200:n ja 500:n haarukkaan."

Рис. 2. Скриншот словарной статьи из «Kielitoimiston sanakirja» в режиме онлайн (<https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/haarukka?searchMode=all>).

Кроме того, материалы «Kielitoimiston sanakirja» помогают исследовать близкородственные языки, в том числе, карельский и вепсский, так как их можно ис-

пользовать для проведения аналогий и расширения словарного запаса, а также для более глубокого понимания культурных и исторических аспектов, объединяющих эти языки.

2.4. Противопоставление «академический словарь — словарь-справочник» в переводных словарях

В двуязычной прибалтийско-финской лексикографии особым образом выглядит противопоставление «академический словарь — словарь-справочник», также разработанное Л. В. Щербой.

В настоящее время термин *академический* все чаще становится типологической характеристикой двуязычных словарей и отражается как в названиях таких словарей (ср.: «Большой академический монгольско-русский словарь», 2001—2002; «Большой академический русско-монгольский словарь», 2011), так и в описании их статуса исследователями (см. об этом Анисимов 2020; Норманская 2021; Сажина 2009). К сожалению, в предисловиях (введениях) к указанным словарям, в статьях и в рецензиях, им посвященных, не обсуждаются и не уточняются основания их отнесения к академическим изданиям, отмечена лишь полнота сбора материала.¹⁰ Именно поэтому авторы данной статьи обращаются к идеям Л. В. Щербы, согласно которым академическими являются словари, в основе которых «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» (Щерба 1974 : 266), в то время как словари-справочники содержат слова, которые «могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вовсе не образуют какой-либо системы [---] принадлежат к разным — хронологически или географически — человеческим коллективам, или представляя собой лишь часть слов, образующих эту систему» (Щерба 1974 : 266, 270); «чаще всего в основе словарей-справочников нашего времени лежит идея нации, более или менее сужаемая и расширяемая как географически, так и исторически» (Щерба 1974 : 267). В соответствии с тезисами Щербы, практически все наиболее объемные по количеству слов словари карельского, вепского и финского языков можно отнести к академическим, поскольку они достаточно полно представляют систему языковых единиц, тесно соприкасающихся на протяжении определенного времени в едином географическом пространстве и бытовавших среди членов социума, для которых каждая указанная в словаре особенность — норма. Норма, в свою очередь, наряду с системностью и полнотой представления лексикона — основной признак академического словаря, отличающего его от словаря-справочника (Щерба 1974 : 276—278). Как следствие, например, такие словари, как «Большой русско-карельский словарь» Т. П. Бойко и Л. Ф. Маркиановой (2011); «Большой карельско-русский» Т. П. Бойко (2016), «Новый русско-вепский словарь» Н. Г. Зайцевой и М. И. Муллонен (2007), «Новый вепско-русский словарь» Н. Г. Зайцевой и др. (2010; 2021), «Новый большой русско-финский словарь» в 2 т. М. Э. Куусинена, В. М. Оллыкяйнен и Ю. Э. Сюрьялайнен (2012); «Большой финско-русский словарь» И. Вахроса и А. Щербакова (2010); «Новый финско-русский словарь» Ю. Э. Коппалевой (2013) мы относим к академическим изданиям, адаптированным к новым вызовам времени и оставшимся ключевыми инструментами для изучения языка и формирования знаний о нем, в них осуществлен строгий отбор единиц для словарика с включением новых слов, терминов, дана трактовка особенностей их семантики, представлена функционально-стилистическая характеристика лексических единиц через систему помет.

¹⁰ Более того, термин *академический* в названиях указанных словарей чаще отражает, что изданы они в региональных филиалах РАН и связи с трактовкой Л. В. Щербы не имеют.

Вероятно, стоит оставить открытым для обсуждения вопрос об отнесении отдельных словарей, представляющих диалекты прибалтийско-финских языков, к словарям-справочникам.

Так, ряд словарей, как «Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)» Г. Н. Макарова (1990), «Словарь карельского языка (тверские говоры) А. В. Пунжиной (1994), «Словарь собственно-карельских говоров» В. П. Федотовой, Т. П. Бойко (2009), «Карельско-русский словарь» П. М. Зайкова и Л. И. Ругоевой (2000) и даже «старый» «Словарь вепсского языка» М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен (1972), на наш взгляд, остаются в зоне академических изданий или максимально приближены к ним. Эти словари отражают «полную картину местной лексики» (Щерба 1974 : 267), по крайней мере той, которая входит в ядро лексической системы и является базой для формирования литературной нормы. Использование слов *диалект*, *говор* в названии словарей не является причиной отнести их к справочному изданию. А потому стоит согласиться с Л. В. Щербой, также отмечавшим некоторую условность противопоставления «академический словарь — словарь-справочник» (Щерба 1974 : 265). Однако им, как и словарям-справочникам, не чужда идея нации, они представляют речевое богатство каждого диалекта/говора, транслируя особенности языковой картины мира, национального своеобразия в отображении действительности. А вот «чистыми» словарями-справочниками, образцами диалектной языковой системы будут «Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский)», сост. В. М. Оллыкяйнен (2003) и «Словарь существительных в держанском говоре карельского языка» Яана Ыйспуу (1988). В группу словарей-справочников следует добавить фразеологические словари В. П. Федотовой (2000 и 2001), справочный характер которых обусловлен не только их диалектным характером, но и самим оборотом языковых единиц (фразем).

Таким образом, академический потенциал современных «новых», «больших» двуязычных словарей обусловлен прежде всего их нормативностью, универсальностью в представлении семантики слов, минимальной потерей смысла, учетом разнообразных грамматических характеристик слова, высокой информативностью иллюстративного материала, а также обращением к таким аспектам как стилистика, фразеология, орфография.

Эти характеристики позволяют использовать материалы двуязычных словарей в научной работе (теория перевода, изучение функциональных зависимостей двух языков, исследование языковых контактов и др.) и в учебной практике (словарь как учебное пособие, словарь как источник представления о культуре другого народа, методика изучения и преподавания иностранных языков).

2.5. Прибалтийско-финские учебные словари

Без сомнения, их следует отграничить от специализированных учебных лексикографических пособий, характеризующихся, как известно, обучающей направленностью, что находит отражение в составе словника, его представлении (алфавитном или тематическом/идеографическом), объеме, оформлении, то есть во всем своем облике, что позволяет пользователю словаря научить и/или научиться правильно говорить, писать на преподаваемом/изучаемом языке. В настоящее время издания, содержащие в названии слово *учебный*, определяющее назначение словаря, единичны (см. А. Мустайоки & Е. Никкиля, «Русско-финский учебный словарь», 1982; 1990; Н. Г. Зайцева & М. И. Муллонен, «Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь», 1995; М. Пахомов, «Учебный словарь литературного людиковского языка», 2016).

При этом учебный характер отдельных словарей оговаривается в аннотациях, вводных частях и предисловиях. Так, «Русско-карельский словарь» (1975) на 10000 слов адресован учащимся-карелам, учителям и воспитателям детских учреждений

с карельским составом детей (Макаров 1975 : 4). В предисловии к «Карельско-русскому словарю (ливвиковское наречие)» (1996), объемом около 8000 слов Л. Ф. Маркианова и Т. П. Бойко определяют свой лексикографический труд как учебный словарь, который «предназначается для учащихся школ, средних учебных заведений и вузов, которые в определенной степени владеют карельским языком» (Маркианова & Бойко 1996 : 5). Подобные уточнения даны в русско-вепсских, вепско-русских словарях Н. Г. Зайцевой, М. И. Муллонен и О. Ю. Жуковой. В последнем даже указан отправной возраст изучающих — 6+ (Зайцева & Муллонен & Жукова 2021 : 4). Об учебном характере говорится и в «Русско-финском словаре», составленном И. В. Сало, отмечено, что «списки финских слов из всех учебников финского языка для средних школ республики, изданных до 1986 г.» (Сало 1989 : 6). Все они построены по алфавитному типу и содержат наиболее востребованную, ядерную часть лексического состава из языков народов Карелии (от 5000 до 15000 слов).

Однако следует сказать об отсутствии учебных тематических (или идеографических, семантических) словарей. Многие исследователи считают, что алфавитное расположение слов хотя и является достаточно удобным для пользователя словаря, но не выстраивает логико-понятийных связей, позволяющих дать представление о системе взаимосвязанных предметов, признаков, действий, которым эти предметы и действия подвержены. Именно эту функцию выполняют идеографические словари, их наличие «повышает методический эффект при обучении и подчеркивает учебный характер» (Дубичинский 2008 : 81) такого издания. Идеографический способ в представлении лексики отражен по преимуществу в учебниках и учебных пособиях, разговорниках, где представлен список наиболее актуальных лексем по изучаемой теме,¹¹ но хорошее описание лексических единиц может быть дано только в идеографическом словаре. Для этого нужны частотные словари, позволяющие составлять лексические минимумы, и толковые словари на родном языке, о необходимости которых со времен Л. В. Щербы не очень активно говорят и пишут исследователи. Предполагаем: в случае с карельским, вепским, финским языками появление идеографического (прежде всего учебного) словаря — реальная идея, а проект толкового словаря может остаться только проектом, поскольку вряд ли будет широко востребован нынешним обществом, даже на научном уровне ответа на такой вызов не стоит ждать.¹²

¹¹ См. подборку учебной литературы, разговорников, представленных в Интернете. Например, «Электронная коллекция учебников на языках народов Карелии»: <https://library.karelia.ru/catalog/eku/nlibr?BASE=0009C5&FIELD=0B2C&ACTION0=равно&DATA0=Современные+учебники+карельского+языка+-+собственно+карельское+наречие&Кнопка=Найти>; включая информацию об учебниках, изданных после 1991 г.: <https://fulr.karelia.ru/Resursy/Elektronnyekollekciiinafinnogorskihjazykah/ElektronnajakollekcijauchebnikovnajazykahnarodovKarelii/Uchebnikiizdannyposle1991goda/?ysclid=mcdirtfba132010478>; а также внушительную учебно-методическую базу «Учим Карельский язык» в российской социальной сети «ВКонтакте» <https://vk.com/topic-2511243636722750?ysclid=mcdkmrew60383441214>.

¹² Именно поэтому слово *толковый* не используется в лексикографии языков Карелии даже в переводном виде. Исключение составляет «Толковый словарь языка карельских причитаний» А. С. Степановой. Этот труд, с точки зрения типологии Л. В. Щербы, можно охарактеризовать как словарь-справочник, поскольку здесь толкуется «прежде всего, так называемая «потайная» или иносказательно употребленная лексика, а также слова, утратившие свое первоначальное значение, архаизмы, заимствования и другие непонятные сточки зрения современного языка слова» (Степанова 2004 : 4). А с точки зрения современного состояния лексикографии Карелии — это, безусловно, новаторская работа, в которой способ толкования слова, функционирующего в определенном жанре фольклора, дан через перевод на русский язык, именно русский язык призван раскрыть все особенности лексикографируемого типа лексики.

Вернемся к учебной лексикографии и в качестве положительного фактора отметим наличие аспектных учебных словарей, направленных на целевое погружение, получение более детальных знаний и отработку навыков по отдельным темам лингвистики (см. М. Э. Куусинен, «Учебный русско-финский словарь глагольного управления», 1988; И. В. Бродский, «Краткий учебный этимологический словарь вепского языка», 2023).

Учебная функция как основная представлена и в ортологических словарях карельского и вепского языков: «Vepsän kelen ortografine vajehnik» (2012) Н. Г. Зайцевой, Е. Е. Харитоновой и О. Ю. Жуковой и «Грамматико-орфографический словарь карельского языка (ливвиковское наречие)» (2022) Т. П. Бойко. Это обусловлено необходимостью найти наиболее оптимальный нормативный вариант среди множества произносительных диалектных вариантов, функционирующих в живой речи карелов-ливвиков и вепсов. Актуальность такой работы в создании стандартизированных справочников продиктована временем: язык народов Карелии используется в документообороте, учебном процессе, СМИ, художественной литературе, современных технологиях и проч. В обоих словарях указана ключевая роль Республиканской терминологической комиссии, созданной в 1998 году при Главе РК (см. подробно Нагурная 2023 : 68). Единые правила написания — это также один из важных элементов культурного наследия, правильного, единообразного использования языка как в родном социуме, так и за его пределами.

2.6. Вопрос о терминологических словарях

Республиканская терминологическая комиссия при Главе РК подняла важный для лексикографии Карелии вопрос о формировании терминологических словарей на карельском и вепском языках. Данная область словарного дела до этого времени была представлена финско-русскими (реже русско-финскими) словарями. Назовем уже упомянутый «Перевод командных слов с русского на шведский и финский» (1826), а также словари М. Тау «Военный финско-русский, русско-финский словарь», 10000 слов (1935); «Финско-русский словарь по деревообрабатывающей и лесозаготовительной промышленности», ок. 13000 терминов (1965), «Финско-русский лесотехнический словарь», ок. 35000 терминов (1984) и «Финско-русский технический словарь», ок. 65000 терминов (1993) Н. Н. Ягодкина; «Финско-русский и русско-финский экономический словарь», составленный М. Я. Рогаткиной (1999); «Краткий финско-русский и русско-финский технический словарь» (2007) Е. К. Бадусева; «Русско-финский лесной словарь» В. С. Наймана; «Финско-русский и русско-финский торговый словарь», ок. 19000 терминов И. В. Фаградянца¹³ и О. В. Андрушкевича. Все они отражали особенности истории отношений между Российской империей — Советским Союзом — постперестроечной Россией и Финляндией.

Терминология карельского и вепского языков, конечно, фиксировалась в словарях до 1998 года через систему помет, см. таблицу 3.

Таблица 3

Система помет терминологического характера
в словарях карельского и вепского языков

	анат.	арх.	биол.	бот.	воен.	геогр.	геол.	зоол.	ист.	мед.	муз.	охотн.	рыб.	спорт.	стр.	с.-х.	текст.	техн.	ткац.	физ.	церк.
СКЯ, Ливв., 1992	+			+		+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+			
СВЯ, 1972	+			+				+													+
Макаров 1975	+	+	+		+	+		+		+	+	+				+	+	+		+	

¹³ Два других терминологических словаря И. В. Фаградянца вышли в Финляндии в 2002 и в 2006 г. (см. Список словарей).

Однако, как видим, при внушительном списке помет в каждой строке имеются пустые клетки.

Следовательно, деятельность Республиканской терминологической комиссии стала важным шагом в процессе разработки и внедрения терминологии на карельском и вепском языках. Этот процесс был позитивно встречен наиболее активным населением, говорящим по-карельски и по-вепски, и описан в статье С. В. Нагурной, отметившей главный результат этой работы — создание девяти бюллетеней (см. список бюллетеней в списке словарей; именно этим бюллетеням в Таблице 1 соответствует маркер v), представляющих лингвистическую терминологию, школьную и общественно-политическую лексику, а также лексику по флоре и фауне на ливвиковском и собственно карельском наречиях (Нагурная 2023 : 68). Добавим особый вклад в эту работу Л. Ф. Маркиановой и В. И. Каракиной. Подобная работа была проведена в 2004 году М. Б. Гиниятуллиной, Е. Е. Харитоновой, Н. Г. Зайцевой, М. И. Муллонен в отношении новой (общественно-политической) лексики вепского языка (Нагурная 2023 : 68).

Новые словари карельского и вепского языков отразили в словниках большую часть новых слов и терминов. В предисловии к «Новому русско-вепскому словарю» под общей редакцией Н. Г. Зайцевой (2021) сказано: «В словаре продолжена словотворческая работа по составлению терминологии и новейшей, необходимой для современного функционирования языка, лексики. При составлении новых слов разрабатывался круг их значений, приводился необходимый для их понимания контекст, выявлялись грамматические характеристики лексем и определялось их правописание. Отдельные слова, напротив, удалены из словаря, как неудачно созданные, не вошедшие в жизнь вепсов, и вместо них предложены иные лексемы, которые, возможно, станут более удачными и войдут в вепский лексикон» (Зайцева 2021 : 5).

Однако терминологическая работа осталась на уровне составленных в конце XX — начале XXI веков бюллетеней, которые из-за неразработанности словарной статьи, определения ее структуры, отсутствия иллюстративных данных пока можно признать справочными словарными материалами.

3. Перспективы прибалтийско-финской лексикографии (вместо заключения)

Анализ теоретических и прикладных аспектов словарей карельского, вепского, финского языков, вышедших в разное время в издательствах России/СССР (от дореволюционного периода до постперестроечного «лексикографического бума»), позволил сделать несколько ключевых выводов:

- 1) каждый период накладывал свои особенности на формирование лексикографической системы, что сказывалось на количестве, объеме словаря, на качестве и особенностях представления лексической системы и прочих языковых ярусов и разделов в словарной форме;
- 2) динамика разработки словарей отражает не только языковую, но и культурную, социальную и политическую идентичность финно-угорских народов, а также их взаимодействие с другими языками и культурами;
- 3) несмотря на количество изданных словарей, качество и разнообразие их типов все еще оставляют желать лучшего; отсутствие целого ряда словарей, представляющих различные аспекты языковой системы этих языков, включая толковые и специализированные (особенно учебные), ставит под угрозу не только сохранение языков, но и их изучение новыми поколениями, что в условиях глобализации и коммерциализации становится особенно критическим;
- 4) специфика лексикографии указанных языков демонстрирует необходимость создания универсальных и национально-ориентированных словарей, способных покрыть потребности различных групп пользователей: от учащихся до специалистов; кроме того, перспектива внедрения и активного использования

- цифровых технологий может значительно облегчить процесс создания и обновления словарей, расширив доступ к ним для широкой аудитории;
- 5) как следствие, подчеркнем важность и актуальность лексикографической работы в контексте минимизации «белых пятен» в знании прибалтийско-финских языков и их культуры, а также активизацию проектной деятельности в сфере создания новых типов словарей, удовлетворяющих современным требованиям пользователей;
- 6) успешное развитие языков и их словарной базы возможно лишь при совместной деятельности научного сообщества, языковых активистов и государственных структур, направленных на поддержку миноритарных языков и культур.

Data availability statement.

All data are available in the article.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Addresses

Irina Kyurshunova
Petrozavodsk State University
Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre
E-mail: kiam24@mail.ru

Tatjana Boiko
Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre
E-mail: tatjanboiko@yandex.ru

Svetlana Nagurnaja
Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre
E-mail: swetlaanaa@mail.ru

Сокращения

СВЯ — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Словарь вепского языка, Ленинград 1972; **СКЯ Ливв.** — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект), Петрозаводск 1990; **СКЯ Твер.** — Словарь карельского языка (тверские говоры), Петрозаводск 1994.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ, УПОМЯНУТЫХ В РАБОТЕ

- Андреев Ф. А. 1936, Вепско-русский словарь, Москва—Ленинград.
- Бадусев Е. К. 2007, Краткий финско-русский и русско-финский технический словарь = Lyhyt suomalais-venäläinen ja venäläis-suomalainen tekninen sanakirja, Санкт-Петербург.
- Бойко Т. П. 2022, Грамматико-орфографический словарь карельского языка (ливвиковское наречие), Петрозаводск.
- Бойко Т. П. & Маркианова Л. Ф. 2011, Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) = Suuri venä karjalaine sanakniigu (livvin murreh), Петрозаводск.
- — 2018, Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) = Suuri venä-karjalaine sanakniigu (livvin murreh), Петрозаводск.
- — 2022, Большой русско-карельский словарь = Suuri venä karjalaine sanakniigu, Петрозаводск.
- Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь, Москва 2001—2002.

- Большой академический русско-монгольский словарь = Орос-монгол дэлгэрэнгүй их толь, Москва 2011.
- Бродский И. В. 2021, Краткий фразеологический словарь вепского языка, Санкт-Петербург.
- Бродский И. В. 2023, Краткий учебный этимологический словарь вепского языка. Ч. 1. А—К. Ч. 2. L—Ö, Санкт-Петербург.
- Вахрос И. & Щербаков А. 2010, Большой финско-русский словарь = Suomalais-venäläinen suursanakirja, Москва.
- Георгиевский М. Д. 1908, Русско-карельский словарь, Санкт-Петербург.
- Елисеев Ю. С. 2021, Финско-русский и русско-финский словарь = Suomalais-venäläinen ja venäläis-suomalainen sanakirja, Москва.
- Зайков П. М. & Ругоева Л. 2000, Карельско-русский словарь = Karjalais-venäläini sanakirja, Петрозаводск.
- Зайцева М. И. & Муллонен М. И. 1972, Словарь вепского языка, Ленинград.
- Зайцева Н. Г. 2010, Новый вепско-русский словарь = Uz' vepsä-venälaine vajehnik, Петрозаводск.
- Зайцева Н. Г. & Муллонен М. И. 1995, Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь, Петрозаводск.
- — 2007, Новый русско-вепский словарь = Uz' venä-vepsläine vajehnik, Петрозаводск.
- Зайцева Н. Г. & Муллонен М. И. & Жукова О. Ю. 2021, Новый русско-вепский словарь, Петрозаводск.
- Иванкин И. 1892, Русско-финско и шведский словарь, Санкт-Петербург.
- Каяндер Э. 1899, Новый русско-шведско-финский словарь, Helsingfors.
- Коппалева Ю. Э. 2013, Новый финско-русский словарь = Uusi suomalais-venäläinen sanakirja, Санкт-Петербург.
- Кудашева И. О. 2013, Suomalais-venäläinen verkko-opetuksen ja ammatillisen koulutuksen sanasto (sekä venäläis-suomalainen hakemisto) = Финско-русский словарь терминов виртуального обучения и профессионального образования (с русско-финским указателем терминов), Kouvola.
- Куусинен М. Э. & Оллыкайнен В. М. & Сюръялайнен Ю. Э. 2012, Новый большой русско-финский словарь = Uusi venäläis-suomalainen suursanakirja, Санкт-Петербург.
- Куусинен М. Э. & Суханова В. С. 1988, Учебный русско-финский словарь глагольного управления = Venäjän verbin rektio venäläis-suomalainen sanakirja, Москва.
- — 1996, Русско-финский словарь глагольного управления = Venäläis-suomalainen verbisanakirja, Петрозаводск.
- Лексика по фауне и флоре (ливвиковское наречие карельского языка), Петрозаводск 2005.
- Лексика по фауне и флоре (собственно-карельское наречие), Петрозаводск 2005.
- Лингвистическая терминология. Бюллетень № 1, Петрозаводск 2000.
- Макаров Г. Н. 1975, Русско-карельский словарь, Петрозаводск.
- Маркианова Л. Ф. & Бойко Т. П. 1996, Карельско-русский словарь (Ливвиковское наречие), Петрозаводск.
- Мустайоки А. & Никкиля Е. 1982, Русско-финский учебный словарь = Venäjää opiskelevan sanakirja venäjä-suomi, Москва.
- — 1990, Русско-финский учебный словарь, Москва.
- Найман В. С. 2011, Русско-финский лесной словарь, Москва.
- Новая лексика вепского языка. А—Я. Бюллетень № 9, Петрозаводск 2004.
- Нордлунд К. Ф. 1892, Русско-финский ручной словарь, Гельсингфорс.
- Общественно-политическая лексика. А—О (ливвиковское наречие карельского языка), Петрозаводск 2003.
- Общественно-политическая лексика. А—О (собственно-карельское наречие), Петрозаводск 2003.
- Общественно-политическая лексика. П—Я (ливвиковское наречие карельского языка). Петрозаводск 2004.
- Общественно-политическая лексика. П—Я (собственно-карельское наречие). Петрозаводск 2005.

- Оллыкайнен В. М. 2003, Словарь североингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский), Vantaa (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 127).
- Пахомов М. 2016, Учебный словарь литературного людиковского языка, Петрозаводск.
- Перевод командных слов с русского на шведский и финский языки, Гельсингфорс 1826.
- Русско-финский словарь = Venäläis-suomalainen sanakirja, Петрозаводск 1989.
- Русско-финский словарь-памятка и вопросник, Кронштадт 1939.
- Русско-шведский и финский ручной словарь, составленный по Высочайшему повелению, Тавастгус 1851.
- Словарь карельского языка (ливвиковский диалект), Петрозаводск 1990.
- Словарь карельского языка (тверские говоры), Петрозаводск 1994.
- Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков, Петрозаводск 2007.
- Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1, Санктпетербург 1787. <https://www.prlib.ru/item/371073>
- Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 2, Санктпетербург 1789. <https://www.prlib.ru/item/371071>
- Степанова А. С. 2004, Толковый словарь языка карельских причитаний, Петрозаводск, 2004.
- Тау М. 1935, Военный финско-русский, русско-финский словарь, Москва.
- Толмачевская А. 1887, Родное карельское. Карельско-русский букварь для легчайшего обучения грамоте карельских детей, со статьями для первоначального чтения и краткими карельско-русским и русско-карельским словарями, Тверь—Москва.
- Фаградянц И. В. 2002, Финско-русский технический словарь = Suomalais-venäläinen tekniikan sanakirja, Helsinki.
- — 2006, Русско-финский экономический и коммерческий словарь, Helsinki.
- Фаградянц И. В. & Андрушкевич О. В. 1996, Финско-русский и русско-финский торговый словарь = Suomalais-venäläinen ja venäläis-suomalainen kauppasanasto, Москва.
- Федотова В. П. 2000, Фразеологический словарь карельского языка, Петрозаводск.
- — 2001, Краткий фразеологический словарь карельского языка, Петрозаводск.
- — 2002, Дескриптивные глаголы в карельском языке = Karjalan kielen deskriptiiviverbit, Петрозаводск.
- Финско-русский и русско-финский экономический словарь = Suomalais-venäläinen ja venäläis-suomalainen taloussanasto, Санкт-Петербург 1999.
- Финско-русский, русско-финский словарь, Санкт-Петербург 2004.
- Финско-русский, русско-финский словарь. Suomalais-venäläinen, venäläis-suomalainen sanakirja, Санкт-Петербург 2020.
- Школьная лексика. Бюллетень № 2 (ливвиковское наречие карельского языка), Петрозаводск 2000.
- Школьная лексика (собственно-карельское наречие), Петрозаводск 2001.
- Бйспуу Яан 1988, Словарь существительных в держанском говоре карельского языка, Таллинн.
- Ягодкин Н. Н. 1984, Финско-русский лесотехнический словарь = Suomalais-venäläinen metsäteknillinen sanakirja, Москва.
- Ягодкин Н. Н. & Калинин В. П. 1993, Финско-русский технический словарь = Suomalais-venäläinen teknillinen sanakirja, Москва.
- Ягодкин Н. Н. & Львовский Л. В. 1965, Финско-русский словарь по деревообрабатывающей и лесозаготовительной промышленности, Москва.
- Voiko T. 2016, Suuri karjal venälaine sanakniigu = Большой карельско-русский словарь (livvin murreh), Petroskoi.
- Karjalan varšinaismurtehien šanakirja = Словарь собственно-карельских говоров Карелии, Петрозаводск 2009.

Kielitoimiston sanakirja. <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/>.

Zaiceva N. G. & Haritonova J. & Žukova O. 2012, Vepsän kelen orfografine vajehnik = Орфографический словарь вепсского языка, Petroskoi.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Р. Н. 2020, О перспективных задачах комплексного изучения языка олонхо на современном этапе. — Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение, № 3 (19), 94–106.
- Апажев М. Л. 2005, Лексикография: теория и практика. Прошлое. Настоящее. Будущее, Нальчик.
- Бельчиков Ю. А. & Солганик Г. А. 1997, О лексикографических изданиях адресной направленности. — Облик слова, Москва, 41–67.
- Берков В. П. 1973, Вопросы двуязычной лексикографии, Ленинград.
- Бойко Т. П. 2007, О «Словаре собственно карельских говоров Карелии». — Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Республиканской научно-практической конференции, Петрозаводск, 19–20.
- — 2015, Новая лексика в словарях новописьменного карельского языка и ее адаптация. — Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере. Материалы научной конференции, Петрозаводск, 220–223.
- — 2017, Полевые материалы в «Словаре собственно карельских говоров». — Кижский вестник, Петрозаводск, 251–256.
- — 2019, Г. Н. Макаров — основатель карельской лексикографической школы. — LU LV, 309–312.
- — 2020, Материалы диалектных словарей как платформа для создания нормированной лексики в словарях новописьменного карельского языка. — Бубриховские чтения: задокументированное народное слово, Петрозаводск, 143–146.
- — 2023, О создании учебной литературы и словарей новописьменного карельского языка. — Доклады Круглого стола по вопросам терминологии, орфографии и топонимии на языках коренных народов Республики Карелия, Петрозаводск, 9–16.
- — 2025, Вклад ученых-кареловедов в развитие прибалтийско-финского языкознания. — LU LXI, 131–140.
- Бойко Т. П. & Федотова В. П. 2005, Собственно карельская лексика в диалектных словарях Финляндии и Карелии. — Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, 327–330.
- Гринев С. В. 1988, Принципы теории терминологии. — Теория и практика научно-технической лексикографии, Москва, 5–11.
- Дубичинский В. В. 2008, Лексикография русского языка. Учебное пособие, Москва.
- Зайцева Н. Г. 1990, Пути освоения русской диалектной лексики (на материале «Сопоставительно-ономастологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков»). — Вопросы финно-угорской филологии, Ленинград, 91–102.
- — 2021, Предисловие. — Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен, О. Ю. Жукова, Новый русско-вепсский словарь, Петрозаводск, 4–5.
- Зайцева Н. Г. & Крижановский А. А. & Крижановская Н. Б. & Пеллинен Н. А. & Родионова А. П. 2017, Открытый корпус вепсского и карельского языков (вепкар): предварительный отбор материалов и словарная часть системы. — Корпусная лингвистика — 2017. Труды международной конференции, Санкт-Петербург, 172–177.
- Кобрин Р. Ю. 1985, Опыт семантической классификации словарей. — Теоретические проблемы научно-технической терминологии и практика перевода, Омск, 70–72.

- Ковалева С. В. 2009, Способы и средства перевода неологизмов в двуязычных словарях. — Бубриховские чтения. Сборник научных статей, Петрозаводск, 254—262.
- Ковалева С. В. 2015, Словарь языка карелов-людигов. — XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 680.
- Козырев В. А. & Черняк В. Д. 2004, Русская лексикография, Москва
- Лейчик В. М. 1988, Опыт построения классификации терминологических словарей. — Теория и практика научно-технической лексикографии, Москва, 40—46.
- Лесников С. В. 2021, Метаязык лингвистики. Т. 1. Проблемы систематизации терминсистемы, Санкт-Петербург.
- Лукьянова Н. А. 2006, Типология русских лингвистических словарей. — Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 3. Вып. 1, 20—44.
- Макаров Г. Н. 1975, Предисловие. — Русско-карельский словарь, Петрозаводск.
- Маслов Ю. С. 2005, Введение в языкознание, Санкт-Петербург—Москва.
- Морковкин В. В. 1988, Основы стимулирующей типологии словарей. — Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. Тезисы докладов, Москва, 130—132.
- — 1994, Типология филологических словарей. — *Vocabulum et vocabularium*. Вып. 1, Харьков, 13—23.
- Муллонен И. И. 2017, Региональный топонимический словарь: ответ на вызовы. — Ономастика Поволжья. Материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В. А. Никонова, Ульяновск, 119—125.
- — 2018, Параметры лексикографического описания географических названий: из опыта работы над «Словарем топонимов Карелии». — Притяжение Севера: язык, литература, социум. Материалы I Международной научно-практической конференции. Ч. 1, Петрозаводск, 556—563.
- Муллонен И. И. & Новак И. П. 2023, Графо-фонетическая, фонологическая и словоизменительная системы карельско-русского словаря в «Цветнике» Прохора Коломнятина. — Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 года. Исследования и тексты, Москва—Санкт-Петербург, 219—244.
- — 2024, Открытый корпус вепсского и карельского языков. — Вестник Российской академии наук. Т. 94, № 9, 814—823.
- Муллонен И. И. & Панченко О. В. 2013а, Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан, Петрозаводск.
- — 2013б, Карельско-русские словарные записи афонского архимандрита Феофана, сделанные в соловецкой тюрьме (1666—1668 годы). — Труды Карельского научного центра Российской академии наук, № 4, 16—30.
- Нагурная С. В. 2017, «Русско-карельский словарь» В. Никольского 1914 года — рукописный памятник карельской письменности. — Тверские карелы: 400 лет на Тверской земле. Тезисы Международной научно-практической конференции, Тверь, 22.
- — 2023, Практическая лексикография карельского языка в Институте языка, литературы и истории карельского научного центра РАН. — Вопросы лексикографии, № 30, 64—80.
- Новак И. П. 2024, Определение диалектной специфики карельских материалов словаря П. С. Палласа. — Финно-угорский мир. Т. 16, № 1, 33—49.
- Новак И. П. & Нагурная С. В. 2023, Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа. — Финно-угорский мир. Т. 15, № 3, 287—300.
- Норманская Ю. В. 2021, Новый академический русско-удмуртский словарь — важная веха финно-угорского языкознания. — Финно-угорский мир. Т. 13, № 4, 445—448.

- Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики, Новосибирск 2015.
- Родионова А. П. 2021, О первом печатном словаре на людиковском наречии карельского языка. — Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 15, № 1, 6–15.
- Родионова А. П. & Новак И. П. 2023, Вепкар: от словаря к корпусу и от корпуса к словарю. — Доклады Круглого стола по вопросам терминологии, орфографии и топонимии на языках коренных народов Республики Карелия, Петрозаводск, 17–23.
- Роменская В. Ф. 1978, О классификационной схеме «тип словаря». — Структурная и прикладная лингвистика, Ленинград, 182–188.
- Семенов Н. А. 1959, Толковые словари русского языка. Учебно-методическое пособие по спецсеминару для студентов филологических факультетов университетов, Киев.
- Цывин А. М. 1978, К вопросу о классификации русских словарей — ВЯ, № 1, 100–104.
- Цыренов Б. Д. 2017, Структура, типология и принципы семантизации в монголоязычно-русской лексикографии. Автореферат диссертации доктора филологических наук, Москва.
- Шимчук Э. Г. 2009, Русская лексикография, Москва.
- Щерба Л. В. 1974, Опыт общей теории лексикографии. — Языковая система и речевая деятельность, Ленинград, 265–304.
- Щербин В. К. 1995, О методологическом значении построения детализированной словарной типологии. — *Vocabulum et vocabularium*, Харьков, Вып. 2, 9–16.
- Hartmann, Reinhard R. K. 2001, *Teaching and Researching Lexicography*, Harlow.
- Malkiel, Yakov 1967, A Typological Classification of Dictionaries on the Basis of Distinctive Features. — *Problems in Lexicography*, Bloomington, 3–24.
- Sebeok, Thomas A. 1962, Materials for a Typology of Dictionaries. — *Lingua*. Vol. XI, 363–374.
- Ujfalvy, Charles Eugène de 1875, Essai de grammaire vèpse ou tchoude du nord d'après les données de MM. Ahlqvist et Lönnrot. — *Revue de philologie et d'ethnographie* 1, 289–337.
- Zgusta, Ladislav 1971, *Manual of Lexicography*, Praha.

МАРГАРИТА КУЗНЕЦОВА (Йошкар-Ола)

О ТРЕХ ПЕРИОДАХ В ИЗУЧЕНИИ МАРИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

1. Введение

История изучения марийских диалектов свидетельствует о том, что в историческом времени и пространстве процесс формирования говоров и четырех крупных наречий был довольно длительным. Народ мари под своим внешним этнонимом *черемис* впервые упоминается в хазарском источнике X века (письмо кагана Иосифа) в форме *carmis* — названии одного из народов Поволжья, в дальнейшем в арабских источниках X—XIII вв. (Хайду 1985 : 66—67). По настоящее время остается спорным вопрос о родстве этнонима *carmis* со словом *inniscaris*, которое встречается в знаменитом труде «Getica» историографа VI века Йордана, когда он перечисляет северные народы, завоеванные в IV веке готским королем Германихом. Ученые пытаются установить связь между двумя словами, т. к. название *inniscaris* следовало непосредственно за этнонимами *merens* (меря) и *mordens* (мордва) (Хайду 1985 : 66—67). Опираясь на данный исторический факт, исследователи предполагают, что разделение волжских финно-угорских народов произошло в IV веке, и что мари являются древним автохтонным народом в Среднем Поволжье. Основываясь на данных компаративистики, финно-угроведы установили, что прауральский язык-основа сформировался не позднее VI—IV тыс. до н. э., а прафинно-волжский язык, давший основу волжским и прибалтийско-финским языкам, существовал приблизительно до начала нашей эры. Все эти исторические и языковые данные подтверждают мысль о длительном историческом процессе образования марийских говоров и наречий.

2. Характеристика периодов

В истории изучения марийских диалектов можно выделить три периода: 1) до-революционный; 2) советский (до распада СССР в 1991 году) и 3) новейший, включающий начало XXI столетия.

2.1. Дореволюционный период

Дореволюционный период характеризуется сбором языкового материала, в первую очередь, иностранными историками, путешественниками, зарубежными учеными и частично отечественными исследователями, практически не владевшими марийским языком. Первое упоминание о том, что черемисы делятся на разные подгруппы, встречается у Сигизмунда фон Герберштейна, выделившего верхних

или горных черемис (История 1992 : 21). В «Казанской истории» (1564—1565) анонимного автора приводятся названия этнических групп мари, как горных, луговых, кокшайских, ветлужских черемис (Каз. Ист. 1954 : 86; История 1992 : 25—26). Значимым источником, в котором речь идет уже о двух разных наречиях, является работа академика Г. Ф. Миллера, участника и историографа Второй Камчатской экспедиции (1733—1743), из которой приводим одну цитату: «Черемисы, которые живут по правую сторону Волги и Козьмодемьянска, говорят иным наречием, нежели те, которые жилища свои имеют по левую сторону, так, что одни других в речах и разуметь не могут» (Миллер 1791 : 105; История 1992 : 442—454). Г. Ф. Миллер констатирует факт наличия двух наречий у народа мари, но не приводит их языковую характеристику. Описание отличительных черт между двумя наречиями дается в работе немецкого ученого Х. фон дер Габеленца (von der Gabelentz 1841), в которой он проводит сравнительный анализ языка первой марийской грамматики (Пуцек-Григорович 1775) и первого перевода Евангелия на горное наречие (Евангелия 1821; см. Иванов 1975 : 248). Отметим, что в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике черемисского языка» (Пуцек-Григорович 1775) упоминания о диалекте, на базе которого составлена грамматика, не имеется. Считается, что в основу положен современный йошкар-олинский, или лесной, говор при использовании материала из других говоров марийского языка. Х. фон дер Габеленц выделяет поэтому горный и лесной (луговой) диалекты (von der Gabelentz 1841 : 122—139). Данное разделение принимают в дальнейшем эстонский лингвист Ф. Видеман (Wiedemann 1847) и венгерский языковед Й. Буденц (Budenz 1864; 1865). По итогам полевых исследований на территории Пермской губернии финский исследователь А. Генетц открывает и описывает в 1887 году новый, восточный, диалект (Genetz 1889). В середине XIX века термин *восточный* для названия диалекта вводит также автор «системы инородческого просвещения» Н. И. Ильминский. По его мнению, внутри лугового наречия выделяется особый говор, который предлагает назвать восточным (Иванов 1975 : 30).

В XIX веке горное наречие было более известно в ученом мире. На нем были опубликованы первое стихотворение (1769), Евангелие 1821, Учения Святых Апостолов, Апокалипсис Святого Иоанна (1827) (см. Иванов 1975 : 248), грамматики А. Альбинского (1837), М. Кастрена (Castrén 1845), Ф. Видемана (Wiedemann 1847). В 1902 году издана работа Г. Рамстедта с описанием грамматики, с приложением богатого словарного материала и текстов, собранных летом 1898 года в селе Тушналы (Ramstedt 1902).

Луговое наречие известно научному миру с 1775 года благодаря изданию первой грамматики (Пуцек-Григорович 1775). Из собирателей языкового и фольклорного материала по отдельным говорам лугового наречия следует назвать имя венгерского ученого А. Регули. Во время экспедиции к обским уграм он останавливался в Казани (1843 год и 1845—1846 гг.), где занимался изучением и исследованием языков и культур мордовского, чувашского и марийского народов (Кузнецова 2020 : 6—14). Из-за ранней смерти ему не удалось обработать и опубликовать свой материал. На основе его материала выдающийся венгерский финно-угровед Й. Буденц составил подробную грамматику лесного (в современной терминологии лугового) наречия марийского языка в двух частях под названием «Исследования по марийскому языку» (Budenz 1864; 1865). Он является также автором словаря по лесному и горному наречиям марийского языка (Budenz 1866). В 1885—1886 гг. сбором языкового и фольклорного материала в деревнях Уньжа и Морки занимался финский исследователь В. Поркка. Из-за ранней смерти ученого материалы издал А. Генетц в 1895 году (Porkka 1985).

Пермский языковой материал известен по собраниям А. Генетца, который в 1887 году в течение трех месяцев собирал материал в деревне Нижний Потам Красноуфимского уезда Пермской губернии. Свои записи он опубликовал в 1889 году (Genetz 1889). В планах было издание словаря, но собранный лексиче-

ский материал вошел в дальнейшем в словарь М. Силаши (Szilasi 1901). В 1899—1900 гг. у уфимских марийцев побывал известный финский ученый Х. Паасонен. Он собрал богатый словарный материал, записал много текстов, подготовил грамматику. Марийские тексты и словарь были изданы после смерти ученого П. Сиро (Paasonen 1939; 1948).

В XIX веке ученые не выделяли северо-западное наречие в отдельный диалект. В зарубежной финно-угорской научной литературе он был известен под названиями *яранский*, или *ветлужский*, *говор*, но чаще всего его причисляли к горному наречию. В 1808 году была издана первая книга на яранском диалекте (КК 1808), диалектные особенности которого были описаны профессором Казанского университета М. Веске (1889). Подчеркнем, что М. Веске в своей фундаментальной работе о марийских наречиях дал не только описание яранского говора, но и заложил основы для научного описания других диалектов, выявил законы палатальной и лабиальной гармонии гласных, наличие и количество редуцированных гласных, описал закономерности звуковых соответствий между горным и луговым наречиями и т. д. Говоры марийского языка он распределил в западную и восточную группы диалектов. Данную классификацию в дальнейшем поддержал и финский профессор Ю. Вихманн (Wichmann 1908), который в 1905—1906 гг. работал среди носителей разных марийских диалектов, в том числе и северо-западного наречия. Материалы по яранскому говору он опубликовал в 1931 году (Wichmann 1931). Во время экспедиции им был собран богатый языковой материал по горному, уржумскому и малмыжскому говорам марийского языка. По мнению М. Веске и Ю. Вихманна, к западной диалектной группе относятся козьмодемьянский и яранский диалекты. Восточную группу составляют царевкокшайский, уржумский, малмыжский, елабужский, уфимский и пермский диалекты.

Из грамматик марийского языка дореволюционного периода зарубежных авторов следует выделить грамматику венгерского ученого Э. Беке (Beke 1911). Она составлена с использованием всех ранее опубликованных источников по марийскому языку на базе богатого диалектологического материала. По своему объему и содержанию грамматика является, на наш взгляд, одной из детально разработанных грамматик того времени, объективно отражающих агглютинативный строй марийского языка. Из российских изданий нельзя обойти вниманием грамматику протоиерея Ф. Васильева (1887), составленную на основе лугового наречия. Автор подвергает критике грамматику А. Альбинского в том основании, что она «оказывается системой грамматики русской» и что особенности марийского языка в ней не учтены (Васильев 1887 : VI). С мнением Ф. Васильева нельзя согласиться, несмотря на тот факт, что образцом для написания и первой марийской грамматики 1775 года, и грамматики А. Альбинского 1837 года служила «Российская грамматика» М. Ломоносова. Обе грамматики составлены как нормативная грамматика, достаточно полно описывают грамматические явления марийского языка того времени, хотя и не лишены неточностей и недостатков. Они были написаны для всего марийского населения, в качестве учебных пособий, поэтому делать ссылку на их диалектную основу не было необходимости. В самом начале своей книги А. Альбинский подчеркивал, что «Черемисская грамматика учит правильно читать, писать и разуметь черемисский язык» (1837 : 1). Марийские языковеды высказывают предположение, что грамматика А. Альбинского составлена на основе горного наречия. Подробный языковой анализ материала грамматики свидетельствует о том, что автор пользовался данными разных диалектов марийского языка: как современного горного, так и северо-западного наречий и йошкар-олинского говора лугового наречия, включал многие грамматические явления из восточных диалектов. К сожалению, Ф. Васильев, как и предыдущие авторы грамматик, не смог выявить все тонкости марийского языка, использовал в пособии русскоязычные термины, объясняя тем, что он проводит параллель между русским и черемисскими языками, поэтому не видит надобности в изменении наименований

частей речи (Васильев 1887 : 56). По этой причине, например, притяжательные суффиксы и личные окончания глаголов им рассмотрены как притяжательные приставки, послелогои названы предлогами и т. д. (Васильев 1887 : 7, 20, 56). С точки зрения марийской диалектологии заслуживающими внимания являются рассуждения Ф. Васильева о наречиях марийского языка, которые на наш взгляд, не потеряли своей значимости и актуальности и в настоящее время. Он подчеркивает, что «кажущееся непримиримым различие между ними в действительности не так страшно. Восточные черемисы говорят с луговыми свободно без особого изучения чуждого наречия. [---] Между горным и луговым наречиями различий гораздо больше. [---] Природные черемисы как луговые горных, так и обратно, привыкают понимать друг друга очень скоро, и это служит доказательством, что различие наречий не касается основных законов языка» (Васильев 1887 : VI—VII).

2.2. Советский период

Советский период изучения марийских диалектов и говоров характеризуется интенсивной разработкой вопросов марийской диалектологии, которая началась в 1950-е годы в связи с составлением орфографических и толковых словарей марийского языка. Организацией всей диалектологической работы занимался Марийский научно-исследовательский институт. Были предприняты и осуществлены диалектологические экспедиции в районы проживания марийцев и за пределами МАССР. Местные говоры изучались и описывались с фонетической, морфологической, лексической, синтаксической и семантической сторон. На языковом материале отдельных наречий и говоров молодые марийские языковеды защитили целый ряд диссертационных работ. Обработка данных диалектологических экспедиций, полевых записей, многочисленные научные статьи, посвященные разным языковым вопросам, способствовали появлению монографий по проблемам исторической фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса марийского языка, а также цикла научных изданий серии «Современный марийский язык».

К этому времени относится выделение четвертого, северо-западного, наречия. Первые марийские научные экспедиции к северо-западным марийцам были организованы еще в 1930-х гг., но официально о наречии стали говорить только после 1958 года, когда состоялись диалектологические экспедиции МарНИИ по изучению языковых особенностей тоншаевских и шарангских марийцев, проживающих на территории Горьковской (сейчас Нижегородской) области. Научным исследованием северо-западного наречия и составлением словаря в начале 1970-х гг. занимались И. Г. Иванов и Г. М. Тужаров (1970; 1971). Северо-западное наречие включает говоры марийцев, населяющих в основном территории Нижегородской и Кировской областей, т. е. марийцев, занимающих обширные территории к северу-западу от так называемой «основной» части марийцев, проживающих в Республике Марий Эл. Отсюда название наречия, которое было предложено профессорами И. С. Галкиным и Л. П. Грузовым.

Наиболее полно исследованным наряду с северо-западным наречием является горное наречие. В 1981 году опубликован словарь горного наречия марийского языка, составленный А. А. Саватковой (1981), не потерявший свою значимость и научную ценность по настоящее время. Как глубокий знаток родного наречия с огромным научным багажом, еще до издания словаря она подготовила монографию о горном наречии, но рукопись долгое время пролежала в фонде МарНИИ и была издана в 2002 году в серии «Bibliotheca Ceremissica» при кафедре уральской филологии Университетского центра «Савария» (Венгрия) (Саваткова 2002).

Изучению восточного наречия и его многочисленных говоров посвятили научные труды многие марийские языковеды. Исследованием фонетических, морфологических, лексических особенностей калтасинского, прибельского, елабужского, белебеевского говоров занимался Н. И. Исанбаев. Отдельные его работы

лексического и морфологического плана охватывают весь ареал восточного наречия (Исанбаев 1970 : 41—51; 1978 : 172—177; 1980 : 5—22). Диалектным особенностям кунгурского говора посвятила свои исследования Е. И. Коведяева. В дальнейшем ее исследования легли в основу монографии о кунгурском (пермском) диалекте марийского языка (Коведяева 1991). Фонетические особенности красноуфимского говора изучал А. Н. Куклин, который в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию под названием «Фонетика красноуфимского говора марийского языка». Отдельные его работы посвящены истории формирования марийских говоров Приуралья (Куклин 1981 : 54—65; 1990 : 108—110). Лексические особенности прикамских говоров марийского языка проанализированы в работах В. И. Вершинина (1987 : 133—139; 1988 : 174—180; 1990 : 71—81). К сожалению, в данный период не были составлены ни монография обобщающего характера о восточном наречии, ни словарь, что, в первую очередь, объясняется наличием многих говоров и продолжающейся исследовательской работой по детальному изучению диалекта.

Аналогичная картина наблюдается с описанием говоров лугового наречия. Отсутствие специальных исследований по луговому наречию можно объяснить и тем фактом, что на базе центрального, моркинско-сернурского, говора сформировался лугово-восточный вариант марийского литературного языка. Отметим, что научные интересы Д. Е. Казанцева, первые статьи которого были посвящены фонетике йошкар-олинского говора, расширились в дальнейшем исследованиями об общих и отличительных чертах между горными и луговым наречиями, об истории цоканья в марийских диалектах и т. д. В итоге они способствовали появлению фундаментального труда о формировании диалектов марийского языка (Казанцев 1985). В монографии он рассматривает процесс образования ранних марийских диалектов, дает описание типичных особенностей говоров и наречий, появление которых он объясняет неравномерным влиянием соседних тюркских и русского языков.

Для становления марийской диалектологии как особого раздела в марийском языкознании огромное значение имеет монография Л. П. Грузова «Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении», изданная в 1965 году. Работа носит обобщающий характер, посвящена изучению всех наиболее важных вопросов фонетики диалектов марийского языка в сравнительно-историческом освещении. В ней предлагается объяснение фонетических особенностей современных диалектов. Автор предлагает реконструкцию звуковой системы древне-марийского языка (Грузов 1965).

До появления учебного пособия И. Г. Иванова по марийской диалектологии (1981), студенты вузов, обучающиеся на отделении марийской филологии, изучали предмет марийской диалектологии по трем томам марийских текстов, изданных Э. Беке (Beke 1957; 1961a; 1961b). Второй том текстов, считавшийся утерянным, открыл серию «Bibliotheca Ceremissica», издаваемую при кафедре уральской филологии Сомбатхейского педагогического института им. Д. Бержени (Beke 1995). Другой венгерский ученый Г. Березки опубликовал грамматику марийского языка, составленную на основе диалектных материалов, собранных им самим во время многочисленных диалектологических экспедиций по местам проживания народа мари с 1958 по 1979 гг. (Bereczki 1971). В дальнейшем на ее базе он составил учебник по марийскому языку для венгерских студентов, занимающихся финно-угорскими языками (Bereczki 1990). Обе книги имеют неопределимое значение для исследования марийских говоров и диалектов по настоящее время.

2.3. Новейший период

Новейший период в истории изучения марийских диалектов начинается с 1995 года после принятия закона о языках в Республике Марий Эл, на основании которого статус государственного языка наравне с русским получили марийский

(луговой) и марийский (горный) языки, т. е. два крупных наречия марийского языка, их литературные варианты стали официально самостоятельными языками. Ареалы северо-западного и восточного наречий остались вне действия закона о языках, что вызвало в последующем трудности в использовании материалов названных наречий в исследовательских работах по говорам марийского языка. С признанием существования двух марийских языков — луговомарийского и горномарийского — была нарушена стройная система классификации диалектов и говоров, которая складывалась веками. Только благодаря тому, что в начале XX века были разработаны и сформированы лугововосточный и горномарийский варианты марийского литературного языка, было намного легче определить место носителей восточного наречия и вписать его в зону функционирования лугово-марийского языка. В научный оборот вошел термин *лугововосточный марийский язык*, приравненный в дальнейшем термину *марийский язык*. Для носителей северо-западного наречия был создан так называемый *северо-западный марийский язык* (Кузнецова 2023 : 67—74). По словам И. Г. Иванова, уже в 90-е годы прошлого века шла попытка создания третьей, северо-западной, формы марийского литературного языка (Иванов 1995 : 281). Один из молодых исследователей северо-западного наречия А. А. Утятин, защитивший в 2006 году кандидатскую диссертацию на тему «Шарангский говор в системе марийских диалектов», подтвердил вывод марийских диалектологов о промежуточном положении северо-западного наречия между горным и луговым наречиями и заключил, что шарангский говор функционирует как один из говоров северо-западного наречия (Утятин 2006). В дальнейшем он поднял вопрос о том, не является ли северо-западное наречие креольским языком (Утятин 2010 : 155—156). В монографии, изданной совместно с Л. Н. Утятиной, ученый высказал предположение о статусе говора как особого наречия (Утятин & Утятина 2011). Искусственное разделение марийского языка сначала на два, в дальнейшем на три, приводит иногда к абсурдным результатам и, с лингвистической точки зрения, неправильной постановке вопроса о сути наречия в целом.

Относительно исследований горного наречия на современном этапе следует подчеркнуть, что в основном они касаются проблем горномарийского языка, а не наречия или горномарийского литературного варианта. Защищен целый ряд кандидатских диссертаций, изданы монографии и различные словари (Кудрявцева & Шабыков & Кузнецова & Краснова 2022). Отрадно то, что в работах диалектологического плана в последнее время чаще стали использоваться термином «горное наречие» (Сибатрова 2016 : 47—59; Эрцикова 2021 : 61—65).

Отметим, что в последние годы в полевые исследования по горному наречию, точнее, по горномарийскому языку, активно включились научные сотрудники Института языкознания РАН под руководством старшего научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова Е. В. Кашкина. На наш взгляд, появление «нового финно-угорского» языка на лингвистической карте Евразии расширило возможности московских лингвистов для применения детально разработанной методики типологического описания малых языков на практике. За короткий период с 2016 по 2019 гг. участниками полевых исследований было опубликовано более 60 статей по разным языковым проблемам на базе материала, собранного в нескольких деревнях Кузнецовского сельского совета Горномарийского района. На основе данного материала в 2023 году появилась объемная монография «Элементы горномарийского языка в типологическом освещении» (Кашкин & Винклер & Давидюк & Дьячков & Иванов & Мордашов & Плешак & Хомченкова 2023). Результаты исследований, полученные путем обработки языкового материала деревень одного сельского округа, по мнению авторов монографии, отражают типологию всего горномарийского языка.

Новейший период характеризуется также активизацией исследовательской деятельности по говорам восточного наречия. Защищены кандидатские диссер-

тации и изданы монографии о фонетических, морфологических, лексических особенностях мишкинского (Апсатарова 1999), балтачевского (Илиева 2001), прибельского (Сельдюкова 2010; 2011) и калтасинского (Сельдюкова 2017) говоров. Издан первый словарь балтачевского говора марийского языка А. А. Илиевой (2009). Проблемы синтаксиса восточного наречия анализируются в отдельных статьях и кандидатской диссертации Л. Я. Григорьевой (2003).

В 2012 году коллективом авторов при кафедре марийского языка и литературы Марийского государственного университета издана монография «Моркинско-сернурский говор» (Барцева & Васильев & Иванов & Матросова & Учаев 2012). Это первое крупное научное исследование о фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностях говора — диалектной базы лугово-восточного варианта литературного языка.

В начале XXI века марийская диалектология пополнилась двумя богатыми по своему объему и содержанию диалектологическими словарями. Первый из них — «Марийский диалектный словарь» Э. Беке, изданный в девяти томах при кафедре уральской филологии Педагогического института им. Д. Бержени (Сомбатхей) (Beke 1997—2001), бесценный источник для изучения исторических вопросов марийской диалектологии. Второй словарь под названием «Tscheremissisches Wörterbuch» опубликован в 2008 году в Хельсинки под редакцией А. Мойсио и С. Сааринен. В него включены диалектологические материалы, собранные в свое время В. Поркка, А. Генетцем, Ю. Вихманном, М. Рясяненом, Т. Е. Уотилой и Э. Итконеном. Материал был собран в период с 1885 по 1943 гг. (Moisio & Saarinен 2008).

3. Заключение

История изучения и исследования марийских диалектов свидетельствует о том, что марийские диалекты и говоры формировались в историческом времени и пространстве длительное время. Выделенные три периода в истории марийской диалектологии являются определенными ступенями в становлении марийской диалектологии как самостоятельного раздела в марийском языкознании.

Для дореволюционного периода характерны сбор и публикация диалектологического материала в различных изданиях, составление первых грамматик, перевод религиозной литературы на наречия и говоры. В данный период сформировались три крупных наречия марийского языка, два из которых — горное и луговое — являются исходными диалектами, в истории они известны с XVI века. Восточное наречие сложилось и сформировалось значительно позднее, в марийском языкознании оно известно с конца XIX века. Возникновение особого наречия связано с переселением части марийского населения на территории современного Башкортостана, которое началось после присоединения Марийского края к Российскому государству. Значительно повлияла на это и насильственная христианизация языческих марийцев.

Советский период отличается активным включением в сбор, изучение и публикацию диалектологических материалов марийских исследователей. Защищаются диссертационные работы, публикуются монографии. К этому периоду относится открытие четвертого, северо-западного, наречия марийского языка, объединяющего говоры марийцев, проживающих к северо-западу от основной части марийского населения, в соседних Горьковской (ныне: Нижегородской) и Кировской областях. Наречие является исходным марийским диалектом, сформировалось как следствие территориально-административной политики молодого советского государства во время образования Марийской автономной области, когда значительная часть марийского населения осталась за пределами границ МАО. Марийская диалектология сложилась в этот период как самостоятельный раздел марийского языкознания. В 1981 году было опубликовано первое и единственное

учебное пособие по марийской диалектологии на марийском языке для студентов вузов И. Г. Ивановым.

Новейший период внес некоторые изменения в изучение и исследование диалектов. Они связаны с принятием закона о языках в Республике Марий Эл в 1995 году, по которому литературные варианты двух крупных наречий — горного и лугового, получили статус государственного языка на территории республики, а ареалы северо-западного и восточного наречий остались вне предела действия закона о языках. Трудности возникали при использовании материалов названных наречий в исследовательских работах по говорам марийского языка. В последнее время наблюдается возврат к традиционной системе классификации марийских диалектов с четырьмя крупными наречиями и их говорами. Наиболее интенсивно на современном этапе исследуются горное и восточное наречия марийского языка.

Data availability statement: All data are available in the article.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Margarita Kuznetsova
E-mail: margarita_kuznetsova@hotmail.com

Сокращения

Евангелие 1821 — Евангелие. На горном наречии, Санкт-Петербург 1821; **История 1992** — История Марийского края в документах и материалах. Ч. 1. Эпоха феодализма, Йошкар-Ола 1992; **Каз. Ист. 1954** — Казанская история, Москва—Ленинград; **КК 1808** — Краткий катехизис христианского учения на русском и черемисском языках, Казань.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбинский А. 1837, Черемисская грамматика, Казань.
 Апсарова С. И. 1999, Мишкинский говор в системе диалектов марийского языка: фонетико-морфологическая характеристика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола. <https://www.dissercat.com/content/mishkinskii-govor-v-sisteme-dialektov-mariiskogo-yazyka-fonetiko-morfologicheskaya-kharakter>.
 Барцева Л. И. & Васильев В. Н. & Иванов И. Г. & Матросова Л. С. & Учаев З. В. 2012, Моркинско-сернурский говор марийского языка, Йошкар-Ола.
 Васильев Ф. 1887, Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии протоиерея Федора Васильева, Казань.
 Вершинин В. И. 1987, Удмуртские заимствования в прикамских говорах марийского языка. — Вопросы диалектологии и истории пермских языков, Ижевск, 133—139.
 — — 1988, Русские заимствования в прикамских говорах марийского языка. — СФУ XXIV, 174—180.
 — — 1990, Татарские заимствования в прикамских говорах марийского языка. — Двужычие: типология и функционирование, Казань, 71—81.
 Веске М. 1889, Исследования о наречиях черемисского языка, Казань.
 Григорьева Л. Я. 2003, Глагольное управление в восточном наречии марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фи-

- логических наук. <https://www.dissercat.com/content/glagolnoe-upravlenie-v-vostochnom-narechii-mariiskogo-yazyka>.
- Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.
- Иванов И. Г. 1975, История марийского литературного языка, Йошкар-Ола.
 — — 1981, Марий диалектологий = Марийская диалектология, Йошкар-Ола.
 — — 1995, К проблеме единого литературного языка. — LU XXXI, 277—287.
- Иванов И. Г. & Тужаров Г. М. 1970, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола.
 — — 1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола.
- Илиева А. А. 2001, Лексическая и фонетическая характеристика балтачевского говора марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. <https://www.dissercat.com/content/leksicheskaya-i-foneticheskaya-kharakteristiki-baltachevskogo-govora-mariiskogo-yazyka>.
 — — 2009, Словарь балтачевского говора марийского языка, Йошкар-Ола.
- Исанбаев Н. И. 1970, Из истории лексики марийских говоров Башкирии. — Вопросы финно-угроведения. Вып. V, 41—51.
 — — 1978, Влияние татарского языка на падежную систему восточномарийских говоров. — СФУ XIV, 172—177.
 — — 1980, Особенности категории множественности имен существительных в восточномарийских говорах. — Вопросы грамматики и лексикологии марийского языка, Йошкар-Ола, 5—22.
- Казанцев Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка, Йошкар-Ола.
- Кашкин Е. В. & Винклер М.-Э. А. & Давидюк Т. И. & Дьячков В. В. & Иванов В. А. & Мордашов Д. Д. & Плешак П. С. & Хомченкова И. А. 2023, Элементы горномарийского языка в типологическом освещении, Москва.
- Коведяева Е. И. 1991, Кунгурский (пермский) диалект марийского языка, Москва—Гамбург.
- Кудрявцева Р. А. & Шабьков В. И. & Кузнецова М. Н. & Краснова Н. М. 2022, Социальный и научный статус горномарийского языка на современном этапе. — Вестник Марийского государственного университета. Т. 16, № 4, 548—559.
- Кузнецова М. Н. 2020, Кто он — Антал Регули? — Йойки, сюдбабцы, ярабцы... Венгерские финно-угроведы о фольклоре и эпосах уральских народов, Йошкар-Ола, 6—14.
 — — 2023, К вопросу о едином марийском языке. — Вестник Марийского государственного университета. Т. 17, № 1, 67—74.
- Куклин А. Н. 1981, О некоторых фонетических особенностях марийских говоров Приуралья. — ФУ 6, 54—65.
 — — 1983, Фонетика красноуфимского говора марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту
 — — 1990, История формирования марийских говоров Приуралья (лингвистическая интерпретация). — Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов, Москва, 108—110.
- Миллер Г. Ф. 1791, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов..., Санкт-Петербург. <https://сувары.рф/ru/content/opisanie-zhivushchih-v-kazanskoj-gubernii-yazycheskih-narodov>.
- Пуцек-Григорович В. 1775, Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка, Санкт-Петербург.
- Саваткова А. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка, Йошкар-Ола.
 — — 2002, Горное наречие марийского языка, Szombathely (Bibliotheca Se-remissica V).
- Сельдюкова А. Т. 2010, Прибельский диалект марийского языка, Москва.
 — — 2011, Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект), Москва.
 — — 2017, Калтасинский диалект марийского языка, Москва.

- Сибатрова С. С. 2016, Морфологическое освоение русских заимствованных глаголов в горном наречии марийского языка. — XV Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Международной научно-практической конференции «Горные марийцы в культурно-историческом ландшафте Урало-Поволжья» (Козьмодемьянск, 21—22 мая 2015 г.), Йошкар-Ола, 47—59.
- Утятин А. А. 2006, Шарангский говор в системе марийских диалектов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. <https://www.dissercat.com/content/sharangskii-govor-v-sisteme-mariiskikh-dialektov>.
- Утятин А. А. 2010, Марийское северо-западное наречие — креольский язык? — CIFU XI. Pars II. Summariacrosium in sectionibus, Piliscsaba, 155—156.
- Утятин А. А. & Утятина Л. Н. 2011, Шарангский говор в системе марийских диалектов: лингвистическое описание современного шарангского говора, Saarbrücken.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Эрцикова Г. А. 2021, Лексика левобережных говоров горного наречия с точки зрения активного и пассивного употребления (на материале озеркинского, ардинского и юринского говоров). — Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей, Йошкар-Ола, 61—65.
- Beke Ödön 1911, Cseremisiz nyelvtan, Budapest (Finnugor Füzetek 16).
- — 1957, Mari szövegek. Tscheremissische Texte. Band I, Budapest.
- — 1961a, Mari szövegek. Tscheremissische Texte. Band III, Budapest.
- — 1961b, Mari szövegek. Tscheremissische Texte. Band IV, Budapest.
- — 1995, Mari szövegek. Tscheremissische Texte. Band II, Szombathely (Bibliotheca Ceremissica I).
- — 1997—2001, Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus 1—9, Szombathely (Bibliotheca Ceremissica IV).
- Bereczki Gábor 1971, Cseremisiz (mari) nyelvkönyv, Budapest.
- — 1990, Chrestomathia Ceremissica, Budapest.
- Budenz József 1864, Cseremisiz tanulmányok I. — NyK III, 397—470.
- — 1865, Cseremisiz tanulmányok II. — NyK IV, 48—104.
- — 1866, Erdei- és hegyi-cseremisiz szótár. Főleg Reguly cseremisiz szógyűjteményéből és az Újtestamentom, Pest.
- Castrén, Matthias Alexander 1845, Elementa grammatices tscheremissæ, Kuopio.
- Genetz, Arvid 1889, Ost-tscheremissische Sprachstudien I. Sprachproben mit deutscher Übersetzung, Helsinki (JSFOu VII).
- Moisio, Arto & Saarinen, Sirkka 2008, Tscheremissisches Wörterbuch. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen, Helsinki (LSFU XXXII).
- Porkka, Volmari 1895, Tscheremissische Texte mit Übersetzung. Herausgegeben von Arvid Genetz. — JSFOu XIII.
- Paasonen, Heikki 1939, Tscheremissische Texte, Helsinki (MSFOu LXXVIII).
- — 1948, Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro, Helsinki (LSFU XI).
- Ramstedt, Gustav John 1902, Bergtscheremissische Sprachstudien, Helsinki (MSFOu XVII).
- Szilasi Móricz 1901, Cseremisiz szótár. Genetz Arvid közreműködésével szerkesztette, Budapest.
- von der Gabelentz, Hans Conon 1841, Vergleichung der beiden tscheremissischen Dialekte. — Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Heft 1, Bonn, 122—139.
- Wichmann György 1908, Mutatvány az urzsumi cseremiszek költészetéből. — NyK XXXVIII, 205—248.
- Wichmann, Yrjö 1931, Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen, Helsinki (MSFOu LIX).
- Wiedemann, Ferdinand Johann 1847, Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval.

Е. А. Цыпанов, Коми видчанкывъяс: зэв аслыскас кывкуд. Словарь пейоративной лексики коми языка, Сыктывкар: ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, 2024. 256 л.б.
Е. А. Цыпанов, Коми ошканкывъяс: зэв лӧсьыдик кывкуд. Словарь мелиоративной лексики коми языка, Сыктывкар. ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. 133 л.б.*

Современная лингвистика включает в себя ряд новых направлений, в частности, эмотиологию — науку о языковых средствах выражения эмоций и чувств, сформировавшуюся на стыке языкознания и психологии и изучающую механизмы языкового обозначения эмоций человека.

Составление эмотивных словарей является важной практической задачей, которая включает в себя сбор, систематизацию и изучение лексики, обозначающей эмоции и чувства, и ее лексикографическое описание. Эмотивная лексика объединяет слова с положительной и отрицательной оценочной семантикой и достаточно разнообразно представлена в разных языках, в том числе и в коми языке, и, по словам Е. А. Цыпанова, «отражает культурно-исторические основы жизнедеятельности этноса на протяжении ряда веков» (Цыпанов 2024а : 9).

В последнее время все больше исследователей обращается к эмотиологии, изучение которой ставит перед учеными задачи, связанные с теоретическими, методологическими и практическими аспектами. Эти задачи связаны с изучением эмоций и их языковых проявлений. В коми языкознании первым шагом на пути к изучению эмоционально-экспрессивной лексики явилось составление и издание Е. А. Цыпановым двух словарей: «Коми ошканкывъяс: зэв лӧсьыдик кывкуд. Словарь мелиоративной лексики коми языка» (Цыпанов 2024б) и «Коми видчанкывъяс: зэв аслыскас кывкуд. Словарь пейоративной лексики коми

языка» (Цыпанов 2024а), последний переиздан с изменениями и дополнениями (ср. Цыпанов 2014).

В словаре «Коми ошканкывъяс...» содержится мелиоративная лексика, иными словами, слова и словосочетания, передающие положительное отношение к чему-либо и выражающие позитивную оценку. Например, о толковом, обладающим хорошим, ясным умом человеке в коми речи используется целый ряд слов, свободных и устойчивых словосочетаний, таких как: *ас том увсьыс лада* 'молодой да ранний (умнее своих лет, своего возраста)'; *вежбра* 'умный, смысленный'; *велӧдчылӧм* 'образованный, грамотный человек'; *вема морт* 'умник, человек с головой (досл. человек с мозгом)'; *вомапеля морт* 'находчивый, остроумный человек'; *гӧгӧрвоысь* 'сообразительный, понятливый; сознательный'; печ. *дӧкунь* 'смысленный, сметливый, сообразительный'; уд. (Пучк.) *ёсюка* 'умница; толковая (о девушке, женщине)'; сс. (Кур.) *кодок* 'ушлый, толковый'; *прӧсуж* 'сообразительный, догадливый, смысленный'; *путя* 'толковый, сообразительный'; лл., уд. (Гл.) *разумной* 'разумный, толковый, рассудительный'; вс., лл., печ. (Пч.), сс. *садя* 'умный, толковый'; иж. *сайда* 'умный, толковый'; вс. (Гр.), иж., сс. (Пд.) *слӧя* 'толковый'; уд. *смыселя* 'смысленный, толковый'; сс. *спрока* 'толковый'; *тӧлкасяма* 'толковый, рассудительный'; *сюсь* 'сообразительный, смысленный, сметливый'; нв. *швет койд* 'очень умный'; вв. (Воч) *шурейбайка* 'умный, способный человек'; *юра* 'башковитый, сооб-

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

разительный, умный'; лл. (Зан.), скр. (Выльг.) *юра-садя* 'умный'; уд. (Ваш.) *юрис* 'умный' и др. (Цыпанов 2024б). Они служат для облагораживания и смягчения речи, гармонизации межличностных отношений, выражения возвышенных чувств, поддержания позитивного контакта.

Второй словарь содержит в себе лексемы негативного характера о ком-либо, другими словами — пейоративы или дерогативы, которые указывают на отрицательную экспрессивно-эмоциональную оценку, несут уничижительное, унижительное либо оскорбительное значение. Из числа таких, например, можно привести целый ряд лексем и словосочетаний, характеризующих человека по умственным способностям, с семантикой 'бестолковый, непутевый': *абу тыр сюсь* 'несмышленный, глупец'; *ббб* 'глупый, придурковатый'; *вежёртõм* 'бестолковый, неумный; несмышленный'; лл. *дундук* 'бестолковый человек'; эй. *йõй вужля* 'глупый, придурковатый'; *кер пом* 'болван, дубина, тупой'; *мõмõт* 'болван, остолоп, глупец'; *мывкыдтõм* 'бестолковый, неразумный, безрассудный'; *недõкунь* 'недалекий, глуповатый'; *обук* 'бестолковый', досл. 'как обух'; *сюн сёй нõш* 'глупый'; *тõлктõм* 'бестолковый'; *чугун юр* 'бестолковый, глупый', досл. 'чугунная голова'; *юрпõла* 'не в полном уме' и др. (Цыпанов 2024а).

Несмотря на то, что в языке существует целый комплекс языковых средств для выражения эмоций (например, интонация или порядок слов в предложении), основным средством передачи эмоционально-экспрессивных значений остается лексика. Эмотивная лексика многообразно и широко представлена в языках и составляет отдельный пласт слов.

Анализируемые словари обладают весьма специфической направленностью. В них собран и представлен интересный, уникальный и своеобразный лексический материал, который противопоставлен по оценочной шкале — лексический депозитарий лексем с положительной и отрицательной оценкой. В коми языкознании лекси-

кографических изданий подобного типа еще не было, они изданы впервые, поэтому словари представляют большое значение и ценность.

Любой язык богат лексикой как с положительной, так и с отрицательной окраской, язык коми не исключение. Словарь «Коми ошканкывъяс (коми мелиоративная лексика)» содержит 823 заглавных слова, в словаре «Коми видчанкывъяс (коми пейоративная лексика)» — более 1900 заглавных слов. К каждому слову или словосочетанию дается толкование значения на русском языке, приводятся примеры с указанием автора произведения либо информанта. Автор словарей постарался собрать материал из разных источников: из оригинальной коми художественной литературы, разнообразных словарей, научных работ, из бесед с информантами. В каждом конкретном случае дается указание на источник, откуда был извлечен пример, однако порядок оформления источников в словарях неодинаков: в словаре пейоративной лексики составитель словаря ограничивается лишь указанием автора примера либо сокращенного наименования источника, в словаре мелиоративной лексики можно наблюдать полные выходные данные публикации с указанием года издания и страниц. Например, Цыпанов 2024а : 166:

кык кока мõмõт лёк вõраса, дурк вõраса йõй морт / неуклюжий дурак, неловкий дурень (КК), *досл.* дурак с мёрзлыми ногами
Кык кока мõмõттõ эн на вунõд? (Г. Фёдоров) 'Неуклюжего дурака не забыл ещё?'

Цыпанов 2024б : 44:
дõка лл. печ. (Пч.) сс. (Кур.) знаток, мастер своего дела; ловкий, смысленный, пронырливый **дõка бабыс ёна**, **быгтор кужõ вõчны** лл. (Зан.) жена его мастерица, все умеет делать (КСК I 468)

В предисловии к своим словарям Е. А. Цыпанов отмечает, что ни один словарь не способен охватить все многообразие лексики. Это утвержде-

ние справедливо. Огромное количество слов еще не зафиксировано в опубликованных источниках, да и подобная всеобъемлющая задача не ставилась автором. Прodelав большую работу, ученый весьма скромно отзывался о своих трудах, подчеркивая, что даже такие компактные словари, раскрывающие богатство коми языка через множество интересных иллюстраций и свидетельствующие о любознательности и остроте ума коми народа, будут полезны читателю: «Сöмын пискöс, лыддысьысь йöзлы колана и татшöм нейдждид йöрыша кывкудйыс, кодi вискталö коми кывлөн озырлун йылысь, коми йöзлөн пискöс вежөр йылысь» («Лишь интересующемуся пытливому читателю необходим словарь и такого небольшого формата, который информирует о богатой лексике коми языка, об остроте ума коми народа») (Цыпанов 2024б : 8). Лексическое богатство коми языка поистине безгранично. Анализ словарей позволяет выявить большое количество лексем и выражений, передающих одно и то же значение. Приводя примеры таких синонимических рядов, можно убедиться в широких возможностях использования слов в различных контекстах, что отражает особенности мышления коми народа. Например, такие слова и словосочетания, как *аканьдöй менам* 'куколка моя'; вым. уд. *бажук* 'милый, голубчик', *бобнянь* 'милый, милая, голубчик, голубка', досл. 'цветок клевера'; уд. *вöсей* 'дорогой, милый, голубчик'; *гулю* 'голубка', досл. 'голубь'; *дона сьöлмшöр* 'очень дорогой, милый, любимый'; пк. *дона тусь* 'дорогой, милый, желанный', досл. 'дорогая ягодка'; *дзирдалан кодзув* 'дорогой, милый', досл. 'сияющая звезда'; иж. *жале* 'милый, любимый'; *зарни морт* 'дорогой, любимый', досл. 'золотой человек'; *зарнитусь* 'дорогой, милый', досл. 'золотая ягодка'; *зöнзэвöй* 'дорогой, милый, родимый'; *колипкай* 'дорогая, дорогой человек', досл. 'солвушка'; *кöкинь* 'кукушечка, дорогая женщина, девушка'; *льöм пу дзоридз* 'красавица, красотка', досл. 'цветок черемухи'; *муса поз* 'милый, дорогой,

любимый'; *озтусь* 'милая, ягодка, молодка, красотка (о девушке, женщине)', досл. 'земляничка', *радейтанатор* 'любимица, любимец'; *сё зарни* 'очень дорогой, драгоценный', досл. 'сто золотинок'; *сисыйöг* 'дорогой, голубчик'; *сьöлмшöр* 'сердечный, любимый, милый, ненаглядный, душа моя, сердце моё'; *чабан* 'дорогая, милая', досл. 'пшеничка'; *шондi* 'милый, любимый', досл. 'солнышко', *шöктуг* 'красавица, голубушка, золотко'; *югид сись* 'ненаглядный, дорогой человек' и другие применяют, чтобы поделиться своими искренними чувствами, любовью, уважением к собеседнику. Приведенный лексический депозитарий был собран и помещен в словарь мелиоративной лексики, к заголовочным словам которого подобраны конкретные примеры, характеризующие или объясняющие значение заголовочного слова словарной статьи. Например, к заголовочному слову *сибыд* 'общительный; располагающий к себе, приветливый, доступный': *Ок и пискöс да сибыд, сусь вежöра да мудер морт* (Куратова Н.) (КК) 'Ох и пронырливый и приветливый, толковый и хитрый человек' (Цыпанов 2024б : 95); к заголовочному словосочетанию *сусь варыш* 'сокол, орел, молодец', досл. 'умный ястреб': — *Миян сибирса сусь варышъяслы ... ура! — Ура! Ура! — мурöстисны салдатъяс* (Пыстин И. Бöрийöм гижöдьяс. Сыгыткар, 2010 : 49) 'Нашим сибирским умным ястребам ... ура! — Ура! Ура! — воскликнули солдаты' (Цыпанов 2024б : 104); к заголовочному слову, употребляющемуся в коми диалектах (вв. (Пом.), вс. (Кг.) вым., нв., печ., уд. (Гл.)), *дока* 'знарок, мастер своего дела; ловкий, смысленный, пронырливый': *Мужичöйяс вöлiны дюжлив да дока йöзöн, пил-чернад вöдитчисны чача моз* (Напалков В.) (КК) 'Мужики были выносливыми людьми и мастерами своего дела, с пилой-топором обращались как с игрушкой' (Цыпанов 2024б : 42—43) и другие. В обоих словарях можно встретить словарные статьи, заголовочные слова которых не сопровождаются примерами. К таким лексемам относятся, например:

вс. *зумбар* 'крепыш, здоровяк'; *зумьд оласа* 'серьезный человек'; сс. (Втч.) *зымзуль* 'крепыш (о детях)'; иж. *зэй пеля* 'с острым слухом' (Цыпанов 2024б : 54), сш. *образ* 'урод, образина'; *обук* 'бестолковый' (Цыпанов 2024а : 131—132) и другие. В то же время к приведенным заголовочным словам, как и к другим словам, дано точное толкование внутреннего значения слова, приведенного из других лексикографических источников коми языка со ссылкой на них, например:

бажõ вым. сс. (Втч. Кур.) *ласк.* милый, миленький; *милая, миленькая, голубчик* (КСК I 49) ср. русское *боже* (Цыпанов 2024б : 24);

ретшкун вс. говорящий ясно, четко, бойко (КСК II 287) (Цыпанов 2024б : 89);

джедже / джеджõ диал. ичõтик тущаа, кыз морт / коротыш, коротышка, малорослый человек (КРК) (Цыпанов 2024а : 55);

дудысь скр. асныра, ыръян, пыксысь морт / упрямец, норовистый (ССКЗД, КСК) (Цыпанов 2024а : 50) и другие.

Видно, что при работе над сбором лингвистического материала Е. А. Цыпанов использовал все источники коми лексикографических изданий: коми-русский словарь (КРК), коми-пермяцко-русский словарь (КПРС), диалектные словари (КСК, ССКЗД), из которых к заглавным словам приведены точные толкования на русском языке.

Формат подачи информации в словарях неодинаков. В словаре мелиоративной лексики пояснение заголовочного слова представлено на русском языке, в словаре пейоративной лексики же оно дается на коми, а за ним также на русском языке. В некоторых случаях дополнительно приводится дословный перевод, помеченный сокращением *досл.* и расположенный в конце словарной статьи:

дыш руй эй. (Кулõмдін) дышпоз, дыш рунь / лентяй, *досл.* ленивая рохля (юõртис А. Н. Рассыхаев) (Цыпанов 2024а : 54);

дышъяй лёка дыш морт / лентяй, *досл.* ленивое мясо (Цыпанов 2024а : 54);

õлтчан юра лет. вылõ пуксысь, вылын ныра, тшап / горделивый, надменный (ССКЗД, КСК), *досл.* с махающей головой (Цыпанов 2024а : 132);

тõв йыв бергач кокни мывкыда, кокни оласа, думсõ õйõ вежысь морт / человек флюгер (КК), *досл.* вертушка на ветру (Цыпанов 2024а : 182) и др.

В словари включены не вошедшие в ранее опубликованные издания слова и примеры, которые позволяют более полно раскрыть значение заглавных слов и более точно показать их использование в разговорной и письменной речи. Автору словарей пришлось поработать в полевых условиях, заниматься сбором лингвистического материала в районах проживания коми населения, проводить беседы и опросы. Это позволило зафиксировать употребляемую в устно-разговорной речи информантов не только лексику, но и целые выражения и фразы. Таким образом, в словари внесены ранее не зафиксированные слова и выражения, среди которых такие, как: уд. (Н. С. Калинин) *крыж* 'глупый ребёнок'; эй. (В. П. Зюзева) *тõшиõ юр* 'дурень, безголовый', *досл.* 'пустая, полая голова'; эй. (информант не указан) *чатрõс юра* 'высокомерный, важный', *досл.* 'с запрокинутой головой'; эй. (К. И. Карманова) *кад лойысь* 'лентяй', *досл.* 'месящий время'; эй. (М. С. Мамонтова) *калдыр* 'лентяй', *досл.* 'месящий время'; эй. (В. П. Зюзева) *гортвыв гут* 'любящий просить выпить и поест на кладбище', *досл.* 'нагробная муха'; уд. (Н. С. Калинин) *немтыр* 'бестолковый, никуда не годный человек' и др. Однако словарные статьи не всегда полно и последовательно оформлены, в некоторых случаях отсутствуют ссылки на информанта или указание места сбора материала (село, деревня), для сравнения:

дур пон пурлõм сш. йõйталысь морт, абу лючки оласа / ненормальный, дурной (юõртис Э. В. Некрасова, Визин), *досл.* укушенный сумасшедшей собакой (Цыпанов 2024а : 51);

крыж уд. бõб кага / глупый ребенок (Цыпанов 2024а : 88);

öсьлядь уд. дурк вöраса морт, öшлö-пан, гурдей / неуклюжий, неловкий (Н. С. Калинин) (Цыпанов 2024a : 133).

Несмотря на это, стоит отметить, что приведенный в новых словарях материал говорит о больших возможностях языка передавать разные оттенки тех или иных значений, выражать общее понятие, например, способности человека, разными словами и выражениями. Так, в словаре мелиоративной лексики зафиксировано более 30 коми лексических единиц со значением 'сильный, крепкий', например: *винёв* 'выносливый, стойкий, крепкий человек'; *вына* 'сильный, мощный, крепкий человек'; лл. (Пор.) *дубöтёл* 'крепыш'; вс. (Кб.), лл. (Зан.), нв., уд. (Ваш.) *дюж* 'дюжий, крепкий, сильный, выносливый'; *ён* 'крепкий, сильный'; *зумбар* 'крепыш, здоровяк'; *зумыд* 'крепкий, плотный'; сс. (Втч.) *зымзуль* 'крепыш (о детях)'; лл. (Пр.) *йирим* 'здоровый, сильный'; уд. (Крив.) *көр да якөр* 'сильный, крепкий (о человеке)', *көр* 'здоровый, сильный человек', букв. 'олень', *крапик* уд. 'крепыш, крепкий', лл. (Нош.) *лöбан* 'сильный, здоровый'; уд., разг. *мутшман* 'крепкий, здоровый'; *мыгöра морт* 'крупная фигура с солидным, крупным телосложением'; сс. (Пж.) *нечурасной ён* 'очень крепкий, очень сильный'; иж., нв. *отша* 'сильный'; сс. (Ыб) *падлас* 'крепкий, здоровый (о детях)'; лл. *прока* 'сильный, крепкий'; сс. (Втч.) *пузлач* 'полный, крепкий, сильный (о человеке)'; вс. (Гр.) *сабан* 'крепкий, здоровый человек'; *сир тшыти* 'сильный, здоровый'; нв. *смага* 'плотный, видный, здоровый, сильный'; уд. *сможнэй* 'сильный'; вв. (Укл.), печ. (Пч.), скр. *снажен* 'плотный, видный, здоровый, сильный, крепкий'; лл. *тулкыд морт* 'крепкий, плотный человек'; печ., лл. (Пр., Сл.), нв., сс. (Кур.) *тураса* 'плотный, крепкий, коренастый' (Цыпанов 2024б). А в словаре пейоративной лексики можно найти большое количество слов с отрицательной коннотацией, характеризующих состояние или образ жизни человека, например, леньность: *варгöс* 'ленивый человек'; *варгöс*

пон 'лентяй, отлынивающий человек'; *ва тойысь* 'ленивый человек'; *вир дыш* 'совсем ленивый'; *дыгыд* 'ленивый, медлительный, копуша'; эй. (Помöсдин), сш. *дыш гурдей* 'лентяй', досл. 'ленивый Гордей'; сш. *дыш колода* 'лентяй', досл. 'ленивая колода'; *дыш крутьö* 'лентяй, ленивец'; лл. *дышкуль* 'лентяй', досл. 'ленивый чёрт'; *дыш кучик* 'лентяй', досл. 'ленивая кожа'; *дыш лодыр* 'лентяй', досл. 'ленивый лодырь'; *дыш лопар* 'лентяй, ленивец', досл. 'ленивый саам'; эй. *лопдой* 'лентяй', досл. 'опой, запал (конская болезнь)' (Цыпанов 2024а). Как видно из примеров, коми язык богат словами и словосочетаниями, которые используются в повседневной речи, указывая на характер человека, его образ жизни, передавая свое отношение к собеседнику словами одобрительной, поощрительной или унижительной, оскорбительной, ругательной семантики.

Богатый и уникальный лексический материал, представленный в словарях Е. А. Цыпанова, найдет отражение в исследованиях лингвистов, в частности будет полезным для изучения национально-культурной специфики выражения эмоций различными языковыми средствами и заложит основу для новых исследовательских работ по коми эмотиологии. Словари пейоративной и мелиоративной лексики предназначены для широкого применения среди учащихся школ и студентов, преподавателей, переводчиков, писателей, журналистов радио и телевидения, работников печатных СМИ. Они также будут востребованы и теми, кто интересуется языком коми, желает больше узнать о его богатой лексике.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Сокращения

КК — Ф. В. Плесовский, Коми кывтэчасъяс (коми фразеологизмы), Сыктывкар 1986; КИРС — Р. М. Ба-

т а л о в а, А. С. К р и в о щ ё к о в а-Г а н т м а н, Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **КРК** — Л. М. Безносилова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева, Коми-роч кывчукор, Сыктывкар 2000; **КСК I** — Л. М. Безносилова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева, Коми сёрнисикас кывчукор. Т. 1, Сыктывкар 2012; **КСК II** — Л. М. Безносилова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева, Коми сёрнисикас кывчукор. Т. 2, Сыктывкар 2014.

Диалекты: **вв.** — верхневычегодский, **вс.** — верхнесыольский, **вым.** — вымский, **иж.** — ижемский, **изъв.** — изъва (ижемский), **лп.** — лузско-летский, **сс.** — среднесыольский, **нв.** — нижневычегодский, **печ.** — печорский, **пк.** — перым-коми (коми-пермяцкий), **скр.** — присыктывкарский, **сш.** — сыктывшёрса (среднесыольский), **уд.** — удорский, **эй.** — эжвайывса (верхневычегодский).

Населённые пункты: **Ваш.** — с. Вашка, **Втч.** — с. Вотча, **Вьльг.** — с. Вьльгорт, **Гл.** — с. Глотова, **Гр.** — с. Грива, **Зан.** — с. Зануль, **Кб.** — с. Кобра, **Кг.** — с. Койгородок, **Крив.** — д. Кривое, **Нош.** — с. Ношуль, **Пч.** — с. Подчерье, **Кур.** — с. Куратово, **Паль.** — с. Палевицы, **Пд.** — с. Пыёлдино, **Пж.** — с. Пажга, **Пом.** — с. Помоздино, **Пор.** —

д. Поруб, **Пр.** — д. Проньдор, **Пучк.** — д. Пучкома, **Сл.** — с. Слудка, **Укл.** — с. Усть-Кулом, **Час.** — с. Часово, **Шеж.** — пос. Шежам.

диал. — диалектный, **досл.** — дословно, **ласк.** — ласковое, **разг.** — разговорный.

ЛИТЕРАТУРА

- Цыпанов Е. А. 2014, Коми ошканкывъяс: зэв лосьыдик кывкуд. Словарь мелиоративной лексики коми языка, Сыктывкар.
 — — 2024а, Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд. Словарь пейоративной лексики коми языка, Сыктывкар.
 — — 2024б, Коми ошканкывъяс: зэв лосьыдик кывкуд. Словарь мелиоративной лексики коми языка, Сыктывкар.

ГАЛИНА ПУНЕГОВА (Сыктывкар)

Address

Galina Punegova
 Institute of Language, Literature
 and History of the Komi Science Centre
 E-mail: galina.syktso@mail.ru

ABOUT CIFU XIV 2025

The *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum* (CIFU) is the biggest international academic event in Finno-Ugric Studies. In addition to Finno-Ugric (or Uralic) linguistics, it also focuses on other academic fields that study Finno-Ugric languages, cultures, and peoples, as e.g. folklore, folk religion, history, archaeology, and genetics. The 14th CIFU was held in Tartu from August 18–23, 2025 (see <https://cifu14.ut.ee/>). The last time the congress had taken place in Estonia was 25 years earlier, in 2000, when the President of Estonia, Lennart Meri, acted as the patron of the congress and the total number of participants exceeded 600. CIFU XIII, which was originally scheduled for August 2020, had to be postponed twice due to the COVID-19 pandemic and eventually took place at the University of Vienna in August 2022.

Preparations for CIFU XIV began as early as in May 2023, when we announced the call for symposium topic proposals. By the end of October of the same year, 20 symposium proposals had been submitted, of which 19 were accepted. In addition, one round-table proposal was received. The symposia were organized in several thematic sections, one was called *Discipline-related approaches*, with three symposia – “Power imbalance and hierarchies in Finno-Ugric studies” by Svetlana Edygarova, Maria Fedina, and Maria Vyatchina, “Shifting and competing ideologies in minority language development and language maintenance” by Outi Tánčzos, Svetlana Edygarova, and Ulriikka Puura –, and the Round-table “Finno-Ugric Studies meeting the People: how to convey information about our discipline?” by Johanna Laakso. The biggest section was *Linguistics* with 12 symposia: “Prehistoric lexical layers in Saami and Finnic” by Santeri Junttila, Ante Aikio, Juha Kuokkala, and Markus Juutinen, “Perspectives on Saami with a particular focus on the smaller languages” by Hanna Danbolt Ajer and Minerva Piha, “South Estonian within and beyond Uralic studies” by Tobias Weber, “The Size of Uralic Nominals” by Irina Burukina, Bar-

bara Egedi, and Ekaterina Georgieva, “Verbalization of motion events in Uralic” by Jeremy Bradley, Nikolett F. Gulyás, and Johannes Hirvonen, “Grammatical Subjects and Objects in Uralic” by Katrin Hiietam, Heete Sahkai, and Anne Tamm, “Clause combining in Uralic languages: functional and interactional perspectives” by Larisa Leisiö and Ritva Laury, “Epistemic categories in Uralic and beyond: evidentiality, intersubjectivity, epistemic authority and engagement” by Nikolett F. Gulyás, Rebeka Kubitsch, and Sándor Szeverényi, “Discourse particles in the Uralic languages”, by Iuliia Zubova, Denys Teptiuk, Elena Markus, Triin Todesk, Marili Tomingas, and Eda-Riin Tuuling, “Marginal Phonemes” by László Fejes and Jack Rueter, “Prosody of Uralic languages” by Pärtel Lippus, Eva Liina Asu, and Katalin Mády, and “Building diachronic corpora for minority languages – facing methodological challenges” by Ksenia Shagal, Daria Zhornik, Trond Trosterud, Timofey Arkhangelskiy, Alexandre Arkhipov, and Jeremy Bradley). The Section *Ethnology, Religion, and Folklore* counted four symposia: “Reappraising Public Representations of Finno-Ugric Identities” by Karina Lukin, “The Possibilities of Studying Finno-Ugric Religions in a Changing World” by Art Leete and Laur Vallikivi, “The Winter in Finno-Ugric cultures” by Natalia Ermakov, Nikolay Kuznetsov, and Sergey Troitski, as well as “Traditional Creation and Modern Experience in Folk Music Revival” by Janika Oras and Taive Särg. The Section *History, Prehistory, and Archaeology* consisted of the interdisciplinary symposium “Transdisciplinary approach in the studies of the human past” by Kristiina Tambets, Lehti Saag, Alena Kushniarevich, Mari Tõrv, Valter Lang, and Mari Väina. Unfortunately, no symposium proposals on Finno-Ugric literature or art were submitted this time. We hope that future congresses will once again see more symposia also on Finno-Ugric literature and art.

A year later, in May 2024, we also announced the general call of abstracts for the general session, the poster session,

and the symposia. In the general session, presenters could choose the language they want to present in, whereas the languages of presentations in the symposia depended on the policy set by the organizers. For instance, the organizers of the Sámi languages symposium requested that presentations would be in one of the Sámi languages.

By the end of October 2024, a total of 245 abstracts had been submitted, the majority of which were accepted. Acceptance notifications were sent out in December 2025, and registration for CIFU XIV was opened through an online form in February 2025. As Finno-Ugric researchers from Russia were unable to participate on site due to visa restrictions resulting from Russia's aggression against Ukraine, we also offered the option of hybrid participation via the ZoomEvents platform. In the hybrid format, it was possible both to deliver one's presentation via Zoom and to follow all other presentations online.

On-site registration for the congress opened on the evening of August 17th, the day before the official opening. In total, we counted 272 congress participants on-site, and a further 52 participants online, bringing the total number of congress participants to 324, which has not decreased significantly since the previous congress. Participants came from across Europe as well as from other parts of the world: Estonia, Finland, Hungary, Austria, Germany, the Netherlands, Lithuania, Latvia, Poland, Ukraine, Norway, Sweden, England, Czechia, France, Italy, Portugal, Japan, Canada, the USA, Uzbekistan, Bangladesh, and Russia (online participation without affiliation). From Monday to Friday, the programme included a total of 224 presentations.

The congress was officially opened on August 18th in the auditorium of the University of Tartu Natural History Museum. Opening speeches were delivered by the Rector of the University of Tartu, Professor Toomas Asser, the Dean of the Faculty of Humanities and Arts, Professor Anti Selart, the Head of the Institute of Estonian and General Linguistics, Professor Liina Lindström, and the President of the 14th CIFU, Professor Gerson Klumpp. The opening was followed by the first plenary lecture, "Challenges of Standardizing a small Finnic Language (until the end of the 18th century):

The case of Estonian" by Kristiina Ross from the Institute of the Estonian Language, Tallinn. With this plenary talk the congress connected to the Estonian "Book year", celebrating 500 years of Estonian literacy. The first sessions started in the afternoon. In the evening, a round-table discussion entitled "Finno-Ugric Studies meeting the People: how to convey information about our discipline?" was held, with Johanna Laakso, Bogáta Timár, Lotta Jalava, Sándor Szeverényi, and Madis Arukask participating in the discussion.

In the general session, presentations were organized into sections according to topics. It was encouraging to see that the range of topics was quite diverse, including, for example: Worldview, Literature & Folklore, Morphology, Syntax, Multilingualism, Grammaticalization, Etymology, Semantics, Variation, Onomastics, Ethnography, and Language Technology.

Each day also featured a plenary lecture delivered by leading researchers in their field. Apart from already mentioned Kristiina Ross, Jussi Ylikoski from the University of Turku and the Sámi University of Applied Sciences in Guovdageaidnu elaborated "On contemporary research into Uralic grammar", Ágnes Lukács from the Budapest University of Technology and Economics on "The Construction of Hungarian Grammar: Insights from Language Acquisition Research", Eszter Ruttkay-Miklání from the Research Center for the Humanities, Budapest, introduced "The legacy of Éva Schmidt. A lifework on, to and for the Khanty", and Valts Ernštreits from the University of Latvia's Livonian Institute and the University of Tartu about "Building a Future for Livonian".

As part of the congress's accompanying programme, a number of additional events were held. Throughout the congress week, a book fair was open in the foyer of the building Jakobi 2, where various Finno-Ugric books and publications could be purchased. The exhibitors included the Finno-Ugric Society (*Suomalais-Ugrilainen Seura*), the Estonian Literary Museum, the University of Tartu Press, the Seto Institute, and others. On August 20th, a book presentation evening was held, during which scholars were able to introduce their recently published works themselves. Of these we want to mention "First Language

Acquisition in Finno-Ugric Languages” by Minna Kirjavainen, Ágnes Lukács, and Virve Vihman (John Benjamins, 2025), which corresponded to the plenary lecture by Ágnes Lukács. For the rest see <https://cifu14.ut.ee/book-presentations/>.

Specifically for CIFU, a photo exhibition on Finno-Ugric peoples titled “A Century of Finno-Ugric Encounters” was opened in the stair gallery of the building Jakobi 2. The exhibition focused on Finno-Ugric fieldwork and researchers in their working environments. It included photographs of well-known Finno-Ugric scholars and researchers such as Paul Ariste, Lennart Meri, Ingrid Rüütel, Tiit-Rein Viitso, Riho Grünthal, and others. The exhibition also aimed to represent as many different Finno-Ugric peoples as possible; for example, one section was dedicated to the Kamas Klavdia Plotnikova’s visit to Tartu in 1970, during the CIFU III.

In addition to the scientific program, two formal receptions were held during the congress week: on the evening of August 19th in the White Hall of the University of Tartu Museum, and on the evening of August 21st in Estonian National Museum. The first reception was attended by the ambassadors of Hungary and Finland, Pál András and Vesa Vasara, along with representatives of the embassies. At the Estonian National Museum reception, the head of the Estonian National Museum, Laura Kipper, and the Deputy Mayor of Tartu, Reno Laidre welcomed the participants. The purpose of this reception was to introduce the Finno-Ugric societies active in Estonia to the foreign congress participants and thus showcase opportunities for researching their languages and cultures outside Russia, and to create stronger connections between researchers and consultants. The Finno-Ugric societies who were able to participate were the Tartu Ingrian-Finnish Association, the Komi Cultural Society, the Estonian Mordvin Society, the Tartu Udmurt Association “Yumshan Gur,” and the Seto Vanõmbidõ Kogo, including the newly elected *ülemsootska* of Setomaa, Jalmar Vabarna. The contacts established at the congress, along with the presentations, symposiums, round table, and discussions, are expected to continue bringing Finno-Ugric researchers to Estonia and Tartu to advance their research.

One of the most significant events of CIFU 14 was the symposium dedicated to South Estonian organized by Tobias Weber (Technical University of Liberec). As a result of the symposium, an official appeal to the Parliament, the government, and the public of the Republic of Estonia was written during the congress, aimed at recognizing the South Estonian language as an independent, indigenous regional language. The appeal received over 100 signatures during the congress week. The congress program concluded on Saturday, 23 August, with excursions in Tartu and Setomaa.

CIFU XIV was organized by the Institute of Estonian and General Linguistics at the University of Tartu. The core organizing team included Gerson Klumpp (President), Marili Tomingas (Secretary), Madis Arukask, Svetlana Karm, Nikolay Kuznetsov, Tiia Margus, Keit Mõisavald, Andrea Nagy, Miina Norvik, Karl Pajusalu, Helen Plado, Eva Saar, and Tuuli Tuisk, along with 30 wonderful volunteer students. It received support from Enterprise Estonia, the Programme of Kindred Peoples, the Faculty of Humanities at the University of Tartu, the Hungarian Embassy in Estonia, and from the City of Tartu. We thank all colleagues, helpers and participants for making the congress week functioning so well.

The following CIFU XV will take place in 2030 at the Eötvös Loránd University (ELTE) in Budapest. We wish president András Bereczki and the organizers all the best for their preparations.

Tartu, in May 2026

GERSON KLUMPP, MARILI TOMINGAS
(Tartu)

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Addresses

Gerson Klumpp
University of Tartu
E-mail: gerson.klumpp@ut.ee

Marili Tomingas
University of Tartu
E-mail: marili.tomingas@ut.ee

ВИ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ: МАСШТАБИРОВАНИЕ ОПЫТА И ПЕРСПЕКТИВЫ»

VII Международная научно-практическая конференция «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы».

Спустя более чем год в Йошкар-Оле на базе Марийского государственного университета 16–17 апреля 2026 г. состоялась VII Международная научно-практическая конференция по цифровизации языков народов России. Очередное мероприятие было посвящено теме «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы».

Участники обсудили актуальные вопросы цифровизации языков народов Российской Федерации как средства сохранения, трансляции и актуализации их культурного наследия. Конференция стала важной площадкой для обмена опытом и идеями между специалистами в области языкознания, образования, компьютерной лингвистики, цифровых технологий и сохранения языкового разнообразия.

В этом году гостей конференции встречала выставка цифровых решений для сохранения родных языков — демонстрационная площадка «Цифровизация языков: синергия в партнерстве».

Участниками конференции (117 человек) стали исследователи, программисты, преподаватели, аспиранты и студенты, учителя, специалисты в сфере языковой политики из Алматы (Казахстан), Астаны (Казахстан), Белграда (Сербия), Бишкека (Кыргызстан), Бирска (Республика Башкортостан), Владивостока, Ижевска (Удмуртская Республика), Йошкар-Олы (Республика Марий Эл), Казани (Республика Татарстан), Кирова, Москвы, Петрозаводска (Республика Карелия), Санкт-Петербурга, Саранска (Республика Мордовия), Сыктывкара (Республика Коми), Тараза (Казахстан), Ханты-Мансийска (Ханты-Мансийский автономный округ — Юг-

ра), Улан-Удэ (Республика Бурятия), Уфы (Республика Башкортостан), Чебоксар (Чувашская Республика), Якутска (Республики Саха (Якутия)), Китайской Народной Республики.

Доклад В. И. Токтаровой и А. В. Чемышева (Йошкар-Ола) «Цифровизация языков народов России: опыт Марийского государственного университета» был посвящен цифровизации марийского языка на современном этапе. «Из всех источников, которые содержат информацию о национальных костюмах, узорах, вышивке, антропологических особенностях и так далее, с помощью спецпрограммы мы аннотируем иллюстрации — назовем автора, место съемки. После этого мы с помощью компании Яндекс будем обучать нейросети. Так мы добьемся правильного распознавания особенностей марийского народа», — рассказал Андрей Валерьевич Чемышев. По словам проректора по стратегическому развитию МарГУ Веры Ивановны Токтаровой, марийский язык занимает четвертое место среди популярных языков сервиса «ЯндексПереводчик». «Люди хотят пользоваться родным языком в интернете, а мы помогаем обеспечивать эту возможность через цифровизацию: распознавание речи, электронные словари, системы проверки правописания, синтезатор речи, голосовые помощники. Однако одного голоса мало, и нужны правильные визуальные образы. За минуту можем сгенерировать иллюстрации к забытым сказкам, оживить старые фотографии, создать ИИ-ассистентов носителя языка. Мы в сотрудничестве с Яндексом начали работу над масштабным проектом — созданием уникальной базы данных изображений национальных костюмов и предметов быта марийского народа, — отметила докладчик. — Простыми словами, мы разрабатываем правильную обучающую выборку нейросетей».

На примере выбора нейросетей она показала, как сильно «буксует» ИИ на просьбу показать свадебные наряды в районах Марий Эл и смешивает всевозможные традиции, по итогу выдавая неверный результат. «В перспективе — оцифровка музыки, написанной марийскими композиторами. Когда будут изображения и звук, можно создавать полноценные видео. Кроме того, продолжается работа по синтезу и распознаванию марийской речи, улучшению машинных перевозчиков. В центре внимания — оптическое распознавание символов для марийских текстов, чтобы все сканы, фотографии из газет и журналов были правильно определены ИИ. Один из результатов — удалось обучить говорить нейросеть на марийском языке!».

Доклад А. П. Родионовой в соавторстве с И. П. Новак, Н. А. Пеллинен и Н. Б. Крижановской (Петрозаводск) «Новые инструменты и разделы корпуса ВепКар: к юбилею лингвистической платформы» был посвящен обновлениям в вепско-карельском корпусе ВепКар. «К юбилейным мероприятиям (корпус ведет историю с 2016 года, развиваясь из корпуса вепского языка с 2009 года) лингвистическая платформа ВепКар (Открытый корпус вепского и карельского языков) получила значительные обновления, направленные на расширение функционала и увеличение объема данных. Основные новые инструменты и разделы связаны с развитием речевого модуля, углублением семантической разметки и пополнением корпусов». Это коллекция аудиозаписей, снабженных транскрипцией, разметкой и переводом на русский язык. Инструментарий позволяет слушать речь, синхронизированную из текстов.

А. Н. Михеев (Москва) выступил с докладом «Языки народов России в цифровом пространстве: некоторые наблюдения от команды Яндекса» и призвал более активно сотрудничать с «Яндексом». В декабре 2025 года на IX Форуме «Языковая политика в Российской Федерации» в Москве МарГУ и компания «Яндекс» подписали меморандум о сотрудничестве в области развития

искусственного интеллекта. В рамках партнерства реализуется уникальный проект, направленный на обучение генеративных нейросетей Яндекса этнографически достоверным изображениям представителей марийского народа, его культуры и быта. МарГУ стал первой организацией в России, которая системно занимается исправлением этнических стереотипов в генеративном ИИ. Целью сотрудничества является организация научно-методического обмена данными: университет предоставляет Яндексу достоверные изображения, а также этнографические и антропологические данные о марийском этносе. Это позволит «обучить» нейросети создавать корректные и реалистичные визуальные образы, избегая ошибок и неточностей, которые сейчас часто встречаются при генерации. Данный проект имеет двойное стратегическое значение. Во-первых, он вносит вклад в развитие самих технологий искусственного интеллекта, повышая их точность, культурную чувствительность и способность работать с многообразием человеческих образов. Во-вторых, он является современным инструментом сохранения и защиты культурного богатства марийского народа, позволяя закрепить его визуальный код в глобальном цифровом пространстве.

В докладе М. В. Куцаевой (Москва) «Функционирование марийского языка за пределами Марий Эл (по данным экспедиций 2024–2025 гг.)» было отмечено на материале экспедиций в Республику Башкортостан, Республику Татарстан, Свердловскую область, что результаты исследования позволили сделать некоторые выводы о состоянии чтения художественной литературы и периодики на марийском языке представителями марийских диаспор и выявить трудности с чтением на марийском, обусловленные, помимо распространения современных информационных технологий, снижением общей потребности в чтении среди населения, закрытием школ с преподаванием марийского, уменьшением учащихся марийских классов, закрытием региональных профильных образовательных уч-

реждений по подготовке кадров для национальных школ.

Первая секция «Функционирование и развитие языков в условиях цифровых инноваций 1» была представлена следующими докладами: «Создание медийного образа первого ректора Сыктывкарского университета В. А. Витязевой: взгляд современных студентов» (Е. В. Остапова, В. В. Кутыкин), «Что мы можем сделать для малоресурсных языков?» (Т. Б. Агранат), «Чувашско-марийские языковые контакты в современных условиях» (Э. В. Фомин), «Технология подготовки выборок в среде Sугwin для составления словаря антонимов марийского языка» (А. А. Митрускова), «Памятники карельской письменности на цифровой лингвистической платформе LingvoDoc» (С. В. Нагурная), «Принцип мультимодальности и корпусные технологии в исследовании реальной и виртуальной коммуникации на финно-угорских языках. Подходы, решения, перспективы» (Н. А. Осьмак, И. А. Коваль), «Проблемы распознавания текстов на коми латинизированном алфавите 1930-х годов» (В. Н. Епанов), «Голоса Пармы в эпоху цифровизации» (Е. В. Остапова), «Особенности перевода сложноподчиненных предложений с русского на удмуртский язык с использованием русских союзов (на примере художественных текстов из русско-удмуртского параллельного корпуса)» (А. Ф. Уткина) и др.

На второй секции «Функционирование и развитие языков в условиях цифровых инноваций 2» прозвучали следующие доклады: «Корпус текстов и марийский религиозный культурный код: из опыта расшифровки» (Л. А. Абукаева), «Лингвосенсорика холода: особенности передачи холодовых ощущений в машинных переводах с русского на удмуртский язык» (Н. В. Кондратьева), «О разработке электронного удмуртско-русского словаря для обучающихся 5–9 классов, не владеющих удмуртским языком» (Е. С. Рябина), «Адаптация обучающихся-билингвов в образовательной среде университета (на примере ФГБОУ ВО «СГУ имени Пятирима Сорокина)» (С. А. Асанова, Ба-

кытбек кызы Гулкайыр), «Медиапроекты Союза коми молодежи «МИ» как способ продвижения родного языка» (Э. Ю. Шлопова), «Эмодзи и графические символы как неотъемлемая часть современного языка» (Л. П. Водясова, А. И. Кокнаев), «Цифровизация фондов Республиканской детско-юношеской библиотеки им. В. Х. Колумба» (Л. Г. Иксанова), «Марийские устойчивые сравнения с зоонимами (на материалах корпуса марийского языка)» (Ю. В. Полякова), «К вопросу инструментального потенциала фольклорного подкорпуса Национального корпуса марийского языка (на примере частушечного пласта горных мари)» (М. В. Пенькова), «Марийские загадки против искусственного интеллекта: кто кого?» (М. А. Ключева) и др.

Третья секция «Цифровизация языка и культуры: новые форматы и смыслы в мире искусственного интеллекта» собрала, в основном, специалистов по компьютерной лингвистике, цифровым технологиям и сохранению языкового разнообразия. Были заслушаны следующие доклады: «Педагогические и социокультурные последствия искажений культурных кодов марийского этноса в AI-генерируемых образах при реализации цифровых этнокультурных проектов» (В. И. Токтарова, Н. В. Матросова), «Язык оцифровали, что дальше?» (А. Р. Кунафин), «Дизайн символов родных языков Российской Федерации — проблемы цифровизации» (С. Н. Бобрышев), «Lingtrain — сервис для создания параллельных корпусов и параллельных книг на любых языках» (С. А. Аверкиев), «Цифровая модель лексикографирования фразеологизмов с историко-этимологическим компонентом» (И. Р. Касимов), «Корпусы коми языка как эмпирическая база для лингвистических исследований» (Ф. Г. Исмагилова), «Видеоигры как форма популяризации языков и культур народов России» (Ю. М. Алюнина), «Масштабирование электронной картотеки топонимов Татарстана: от регионального ресурса к полиэтничной цифровой платформе тюркской топонимии» (О. Р. Хисамов), «Искусственный интеллект в ра-

боте над исследовательским проектом "Этнокультурный плакат"» (Г. И. Кальцев, В. А. Конюхова, М. Н. Кошкодан, Ю. И. Куратова, Т. А. Шатрова), «Моделирование языкового разнообразия России в цифровой среде: возможности и решения интернет-ресурса "Малые языки России"» (О. А. Казакевич, К. К. Поливанов, Д. Д. Мордашова), «Генерация визуального инструментария полевой лингвистики: применение ИИ для создания картинного опросника для сбора диалектного материала» (В. В. Елышев), «Цифровая образовательная среда университета как условие развития этнокультурной компетентности будущих учителей начальных классов» (В. Ф. Поберезкая), «Корпусные инструменты в поддержку языков народов России» (И. Н. Турабекова) и др.

Четвертая секция «Формирование цифровых компетенций и подготовка специалистов в новой цифровой реальности» собрала, в основном, работников образования и культуры. Были представлены следующие доклады: «Применение цифровых технологий в работе учителя родного языка» (Г. А. Натуральнова, У. В. Рузавина), «Лингвистические и культурные аспекты перевода марийских молитв: от языка оригинала к целевому языку» (Л. А. Абукаева), «Возможности применения технологий ИИ в выполнении выпускных квалификационных работ в форме общественных проектов на языковых направлениях обучения» (М. Ю. Андуганова), «Адаптивные электронные учебники в нейропедагогике: практические подходы к персонализированному обучению» (Ю. Ф. Рустамова), «Переводческая деятельность в эпоху цифровизации» (М. Т. Ипакова), «Югорно: дорога предков. Марийский эпос в цифре» (Е. А. Федоров), «Гибридные технологии в цифровизации родных языков: опыт создания образовательного контента с народными сказками на русском и марийском языках» (Ю. М. Ефремова), «Цифровизация марийского литературного наследия как фактор сохранения языкового разнообразия и укрепления культурного единства: методический аспект» (А. К. Иванова), «Исполь-

зование ИИ-технологий в деятельности преподавателя вуза: вызовы и перспективы» (М. С. Мамонтова), «Информационные технологии при обучении мокшанскому языку: преимущества и недостатки (на примере сервиса «Яндекс Переводчик»)» (М. З. Левина), «Конституционно-правовые гарантии сохранения этнокультурного многообразия в условиях цифровизации: опыт Республики Марий Эл и новая стратегия национальной политики РФ до 2036 года» (С. М. Смышляев), «Особенности создания учебного пособия: "Мастерская народа коми: живое наследие Пармы"» (В. В. Косолапова, Т. Ч. Алиева), «Интеграция технологий ИИ генерации изображений в преподавание иностранных и национальных языков» (С. А. Кременная), «Формирование цифровой грамотности через ИКТ на уроках литературы: интерактивные платформы и мультимедиа» (Т. Н. Беляева), «Формирование и развитие молодежных инициатив в области сохранения финно-угорских народов на примере работы Молодежного Совета Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации» (М. Г. Алгайкин).

В рамках проведения VII Международной научно-практической конференции состоялась творческая встреча «Роль современных медиатехнологий в сохранении культурного наследия» с участием В. В. Умановского, секретаря Союза журналистов России, директора Центрального Дома журналистов, профессора Академии Медиаиндустрии. Общаясь со студентами в неформальной обстановке, он поделился личным опытом работы в федеральных и региональных СМИ и дал советы начинающим авторам.

Заседание круглого стола «Цифровой фольклор и искусственный интеллект: от архива к среде интерпретации» было посвящено актуальным вопросам развития современного фольклорного архива. Круглый стол прошел под руководством Т. А. Золотовой и Л. Х. Давлетшиной. В обсуждении приняли участие профессиональные фольклористы, филологи, специалисты в области IT-технологий, а также студенты, магистры

ранты, аспиранты. Центральной темой стала проблема переосмысления фольклорного архива в условиях цифровой культуры. В ходе обсуждения была сформулирована ключевая идея, что фольклорный архив XXI века — это цифровая экосистема, в которой традиция не фиксируется раз и навсегда, а продолжает развиваться в диалоге исследователя, пользователя и технологий.

Научно-методический семинар «Цифровизация языков народов России: инновации в образовании и исследованиях» собрал государственных служащих, учителей родных языков и литераторов, директоров школ, исследователей, интересующих цифровизацией языков народов Российской Федерации.

На основе результатов фундаментальных и прикладных исследований, представленных на конференции, были предложены следующие актуальные подходы к цифровизации исследовательской практики, а также сохранению языков и культур Российской Федерации:

— разработка нейросетевых технологий;

— создание цифровых языковых архивов: формирование структурированных электронных корпусов текстов, баз данных и голосовых помощников для интеграции языков в цифровую среду;

— полилингвальное образование и цифровые ресурсы: разработка интерактивных образовательных платформ и

цифровых словарей, использующих технологии ИИ для обучения родным языкам;

— усиление прикладных лингвистических исследований: масштабирование опыта создания параллельных корпусов текстов для популярных сервисов.

Мероприятие объединило ведущих экспертов в области компьютерной лингвистики, цифровых технологий и сохранения языкового разнообразия для обсуждения актуальных вопросов, и выработки стратегий развития цифровизации языков народов Российской Федерации.

VII Международная научно-практическая конференция «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы» Марийского государственного университета стала важным шагом в развитии цифровых технологий для сохранения языкового наследия и укрепления культурного разнообразия России.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВ (Йошкар-Ола)

Address

Valerij Maksimov
E-mail: sernur@rambler.ru

2026 год был ознаменован 140-летием со дня рождения Василия Тимофеевича Соколова — деятеля науки, ученого-лингвиста, этнографа, фольклориста, видного теоретика и методиста по марийскому языку, доцента, профессора, руководителя кафедры марийского языка, декана факультета языка и литературы Агропединститута (с 1933 г. — Марийского педагогического института им. Н. К. Крупской), внесшего основополагающий вклад в становление марийского языкознания и системы национального образования.

В. Т. Соколов родился 4 апреля 1886 г. в деревне Чук-Сола Конганурской волости Уржумского уезда Вятской губернии (ныне дер. Чуксола Ново-Торъяльского района Республики Марий Эл) в крестьянской семье. Родители занимались земледелием.

Свою трудовую деятельность Василий Тимофеевич Соколов начинает 1 сентября 1902 г. учителем Больше-Чашкаляльской церковно-приходской школы Уржумского уезда Вятской губернии, в которой он проработал два года. С 1 сентября 1903 по 1 сентября 1904 г. он работает учителем Средне-Торешкибарской церковно-приходской школы Уржумского уезда Вятской губернии, с 1 сентября 1907 г. по 1 сентября 1910 г. учителем Конганурского двухклассного училища Уржумского уезда Вятской губернии. В. Т. Соколов был первым из среды мари, кто сюда приехал обучать детей. Дальше судьба его забрасывает в Казань, так с 1 сентября 1910 г. в течение девяти лет он работает учителем образцовой школы при Казанской инородческой учительской семинарии. Тяга к учёбе и желание получить хорошее педагогическое образование приводят его в Казанский государственный университет на физико-математический факультет в 1919 г. Параллельно в 1920–1922 гг. он обучался в Высшем институте народного образования в Казани, получив специальность

языковеда. Казанский университет он заканчивает в 1925 г. Научные интересы, сфокусированные на родном языке, определили его дальнейшую образовательную траекторию: в 1928–1931 гг. он был слушателем Яфетического института Академии наук Татарской АССР, специализируясь на общем языкознании. В казанский период В. Т. Соколов совмещал учебу с интенсивной педагогической и организационной работой: работал учителем Советской школы I ступени № 34 г. Казани, преподавателем Рабфака при Восточной Академии, а также учителем Советской школы I ступени № 13 г. Казани. В этих учреждениях он вёл предметы, связанные с языком, в т. ч. русский и марийский. Помимо преподавательской деятельности он также ведёт активную работу в Марийском бюро Совета национальных меньшинств Татарского народного комиссариата просвещения в должности заведующего и инспектора. С 1 сентября 1924 г. по 1 сентября 1931 г. работал преподавателем Рабфака при Казанском государственном университете Татарского коммунистического университета и доцентом Восточного педагогического института. Этот период был особенно продуктивным в научно-методическом плане: учёный активно занимался исследованием марийского языка, этнографией, фольклором, собирал материал для учебных пособий для школ разных ступеней Марийской АССР.

В. Т. Соколов является автором ряда фундаментальных программ и учебников по марийскому языку для разных ступеней образования, среди которых: «Марий йылмын ныл ияш программыже» = «Программа по марийскому языку на четыре года» (1928), «Марий школышто шочмо йылмын верже» = «Место родного языка в марийской школе» (1929), «Колхоз рвезе школышто марий йылме туныктымo программа» = «Программа преподавания марийского язы-

ка в школе колхозной молодёжи» (1932), «Тўналтыш школышто йылме туньктым программа, тўналтыш школын I—IV тўшкалан» = «Программа преподавания языка для начальной школы, I—IV группы» (1932), «Марийская грамматика. Синтаксис» (1935) и др.

22 мая 1931 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление об открытии Агропедагогического института в Марийской автономной области, который стал первым высшим учебным заведением в республике. В выписке из Приказа № 40 по Марийскому агропедагогическому институту от 17 октября 1931 г. за подписью зам. зав. Мароблно М. Чижова написано «Исполняющим обязанности профессора и руководителя кафедры марийского языка назначить доцента Василия Тимофеевича Соколова, с последующим представлением на утверждение НКПр РСФСР с 15 сентября 1931 г.». Так будущий декан переходит работать в Йошкар-Олу, в Мароагропедагогический институт. С 1 сентября 1935 г. его назначают деканом факультета языка и литературы Марийского педагогического института им. Н. К. Крупской.

Арестован в конце 1936 г. или весной 1937 г. и подключен к сфабрикованному делу о «шпионско-диверсионной», «повстанческой» или «террористической» организации марийских националистов, якобы ставивших целью присоединение Марийской автономной области к «великой Финляндии» (ст. 58—8, 58—10, 58—11). Под следствием нахо-

дился сначала в Горьком, затем в Йошкар-Оле. 5 марта 1938 г. в Москве был утвержден список лиц, подлежащих расстрелу по этому делу, за подписью начальника 8 отдела ГУГБ НКВД СССР старшего майора госбезопасности В. Е. Цесарского. 10 мая 1938 г. на судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР в Казани приговорен (вместе с другими 18 подсудимыми) к «высшей мере социальной защиты». В ту же ночь расстрелян и тайно похоронен на Архангельском кладбище в Казани. В. Т. Соколов был посмертно реабилитирован.

Несмотря на трагический финал, научно-педагогическое наследие Василия Тимофеевича Соколова сохраняет свою актуальность, а его личность остаётся ключевой фигурой в истории формирования марийской национальной интеллигенции и академической науки.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВ (Йошкар-Ола)

Address

Valerij Maksimov
E-mail: sernur@rambler.ru

ОТ ПЕРЕВОДОВ ДУХОВНЫХ ТЕКСТОВ К ЭПОСУ
(К ЮБИЛЕЮ Н. Г. ЗАЙЦЕВОЙ)*

Нина Григорьевна Зайцева родилась 25 мая 1946 года в д. Марково Бабаевского района Вологодской области. В 1969 году с отличием окончила Вологодский педагогический институт и пришла на работу в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР (ныне Карельский научный центр Российской академии наук), где в 1973 году окончила аспирантуру и в 1975 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Именное словоизменение в вепском языке (История и функционирование форм слова)». В 2002 году Н. Г. Зайцева защитила докторскую диссертацию на тему «Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование». Работала в ИЯЛИ с 1969 по 2022 год. С 1997 по 2020 год возглавляла в нем сектор языкознания.

Научная и литературная деятельность Н. Г. Зайцевой не раз становилась объектом внимания исследователей. О ее вкладе в ревитализацию вепской письменности, а ведь именно Н. Г. Зайцеву по праву считают «мамой литературного вепского языка», писали З. И. Строгальщикова (2014 : 226), А. П. Родионова и Н. В. Чикина (2016), С. В. Нагурная (2021 : 456), Риho Грюнталь (2021 : 314) и другие.

Начав свою деятельность с создания вепского букваря (совместно с М. И. Муллонен) в 1991 году, она стала переводить на вепский язык произведения карельских, советских и финских авторов, фольклор разных народов, библейские тексты. Исключительную роль в укреплении и становлении вепского письменного языка и его художественного стиля сыграли переводы Библии, к которым приступили по предложению Финно-угорского филиала Института перевода Библии (Финляндия) в самом начале 1990-х годов. По мнению Н. Г. Зайцевой, воз-

можность перевода на младописьменный язык подобных знаковых культурных произведений свидетельствует о самодостаточности языка и его готовности принять новый объем лексики (Зайцева 2019 : 121—126). Именно в переводе Н. Г. Зайцевой опубликованы «Lapsiden Biblii» («Детская Библия», 1996), «Uz' Zavet» («Новый Завет», 2006), Псалмы (2012) и некоторые другие книги Ветхого Завета (Зайцева 2021 : 436).

В конце XX века просветители отмечали важность переводов Библии для становления вепского литературного языка, а в начале XXI века о значении переводов Библии для сохранения и развития языков народов России заговорили уже на академическом уровне (Перевод... 2008; Зайцева 2015; Ваттулева 2020). Зарубежные исследователи также посвятили этой теме ряд работ (см. Pekkanen 2005; Керестеш 2010).

На страницах вепского альманаха «Verez tullei» («Свежий ветер») в рубрике «Lugem Biblijad» («Читаем Библию») публикуются различные тексты духовного содержания в переводе на вепский язык Н. Г. Зайцевой. Переводы религиозных текстов не только влияют на развитие письменности и литературы на вепском языке, но и разъясняют основы православной веры.

Т. А. Казакова отмечала, что «переводчик в идеале должен представлять собой некую троицу в одном лице: поэт (прозаик) + филолог + переводчик» (Казакова 2006 : 15). Переводчиков, соответствующих всем трем качествам, в Карелии не так уж много. Н. Г. Зайцева — одна из них: поэт, филолог и переводчик, прекрасно владея родным вепским языком и являясь знатоком вепской культуры, стала одним из создателей вепской литературы. Карелия стала второй родиной для многих вепсов, в том числе и для Н. Г. Зайцевой.

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (№124022000077-1, № 124022000089-4).

Редактируя всю вепсоязычную литературу республики, Н. Г. Зайцева вносит существенный вклад не только в развитие художественной, переводной, но и учебной литературы. В 2024 году вышел учебник литературного чтения на родном (вепском) языке для 1 класса «Я читаю по-вепски» (авторы: Н. А. Петрова, О. А. Храмцова), тематическое планирование которого соответствует тематике учебников для 1 класса по вепскому языку. Н. Г. Зайцева не только является редактором этого издания, но и автором ряда текстов. Ею написан цикл «Игрушки» по мотивам произведений Агнии Барто и считалка.

Являясь членом Союза писателей России, Н. Г. Зайцева постоянно публикуется на страницах журналов «Carelia», «Kipinä», альманаха «Verez tullei». Н. Г. Зайцева также написала раздел «Вепсская литература 1990-х годов» в третьем томе «Истории литературы Карелии» (Петрозаводск, 2000).

Литературное творчество вепского ученого Н. Г. Зайцевой служит одним из ярких примеров взаимодействия науки и искусства. Поскольку национальная литература тесно связана с процессом языкового строительства на вепском языке, Н. Г. Зайцева, начав с исследовательской работы по его изучению, перешла к созданию художественных произведений на нем.

В произведении XXI века первой из вепских поэтов заговорила о семье именно Н. Г. Зайцева: она посвятила стихи матери, бабушке, дочери: «Mušton langaine» («Ниточка памяти»), «Armaz mamaine» («Дорогая мамочка»), «Tüttele» («Дочери») и другие. В стихотворении «Mamankeľne sana» («Родное слово») Н. Г. Зайцева подчеркивает, что именно мать передает вепский язык своим детям. По мнению Армаса Мишина, у Н. Г. Зайцевой преобладает женское начало. Она предстает женщиной-хозяйкой, которая и устает, и собирает новые силы для жизни, для семьи, детей, внуков (Мишин 2006 : 30).

Самым крупным в жанровом отношении поэтическим произведением на сегодняшний момент является вепский эпос «Virantanaz» («Вирантаназ», 2012) Н. Г. Зайцевой, в котором фольклорные

мотивы переплетаются с диалогами, песнями, похоронными и свадебными плачами. Описанные события происходили 300 лет назад и представляют только небольшой отрезок из жизни вепского народа. Вопрос об обретении своего места в новой истории достаточно актуален для вепсов.

Н. Г. Зайцева обращается к устно-поэтической традиции сознательно, используя фольклорно-мифологические элементы. Поскольку она родилась и выросла в деревне, то на страницах произведения воссоздан образ крестьянского мира и культуры вепсов. Фольклорно-этнографические элементы в эпосе представлены текстами заговоров, плачей.

Произведение привлекло внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Корнелиус Хассельблат отметил национальные особенности эпоса (Hasselblatt 2024), Н. В. Чикина — особенности перевода на русский язык (Чикина 2020), Е. С. Голубник рассмотрела женские образы, выведенные в эпосе (Голубник 2025).

В 2013 году эпос был переведен и опубликован на финском языке (пер. Маркку Ниеминен), в 2015 — на русском (пер. В. А. Агапитов) и эстонском (пер. Яан Ыйспуу). В 2018 году Мадис Арукаск повторно перевел «Вирантаназ» на эстонский язык, а 2021 году эпос вышел на французском языке под названием «Le Chant de l'Ours» («Песнь медведя») (пер. Гийом Жибер).

Избранные стихи Николая Абрамова и вепский эпос Нины Зайцевой вошли в книгу «Kuldaižed sanad» («Золотые слова», 2015), завершающую серию «Классики карельской литературы». Стихи, эпос, переводы поэтических произведений — все это живые и непосредственные свидетельства современников о процессе национально-культурного возрождения, становления литературной традиции, укрепления национального самосознания вепсов.

Большое значение для популяризации и развития вепской литературы и вепского литературного языка имело издание полного перевода эпоса «Калевала» на вепском языке в 2022 году. Н. Г. Зайцева, выполнившая

перевод, учла все лингвистические особенности, воспроизвела образы героев, их мотивы, сюжеты и темы.

В 2025 году отдельным изданием вышла автобиографическая повесть Н. Г. Зайцевой «Minun vepsläine oza» («Мое вепское счастье»), название которой можно перевести и как «Моя вепская доля». Народная мудрость, представленная автором на страницах произведения, проявляется в фольклоре, верованиях и обычаях вепсов.

Элементы этнографического исследования и художественного повествования, присутствующие в произведении, открывают тайны вепской деревни, рассказывают о формировании народной философии, передаче родного языка из поколения в поколение. М. В. Казакова рассмотрела произведение с точки зрения концепта памяти (Казакова 2023).

Первоначально повесть была опубликована в двух номерах журнала «Vegez tullei» в 2022 и 2023 году. М. В. Казакова писала: «История семьи становится основой повести «Minun vepsläine oza» («Моя вепская доля», 2022), в которой Зайцева рассказывает о своем детстве в вепской деревне, о близких людях, о традициях и обычаях народа. Героиня произведения Верочка (Veigoine) исследует окружающий мир, познает непростые человеческие отношения, учится любить и ценить близких людей и родной дом» (Казакова & Жукова 2023 : 17).

Все в мире подчинено Богу, к нему и обращаются герои сказки, включенной в повесть. Однако вывод можно сделать следующий: Бога по пустякам беспокоить не стоит. Свои проблемы надо решать самим, подтверждая слова известной поговорки «На Бога надейся, да сам не плошай». В повести Н. Г. Зайцевой представлено первое знакомство ребенка с иконой, скрытой за занавеской в комнате бабушки.

В настоящее время текст повести размещен в «Открытом корпусе вепского и карельского языков», а также на сайте Национальной библиотеки Республики Карелия в разделе «Электронная библиотека авторов Карелии», что сделало его доступным широкому кругу читателей.

Размышления о счастье встречались и ранее в поэзии Н. Г. Зайцевой. Оно у нее горькое (одноименное стихотворение «Karged oza»). Однако счастье можно обрести вдвоем (стихотворение «Kahten» («Вдвоем»)).

Произведения Н. Г. Зайцевой, будь то перевод или оригинальный текст, могут быть использованы и используются в учебном процессе: при чтении курсов «Литература народов России», «Литература финно-угорских народов», в основном общем образовании на учебном предмете «Родная (вепская) литература», являются подспорьем в научных исследованиях. Полный перевод эпоса «Калевала», вепский эпос «Вирантана», повесть «Мое вепское счастье», «Книга Даниила» вносят большой вклад в популяризацию и развитие вепской литературы.

С именем Н. Г. Зайцевой связано развитие корпусной лингвистики в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Благодаря плодотворному сотрудничеству Н. Г. Зайцевой с сотрудниками Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН в 2009 году был создан «Корпус вепского языка», который впоследствии был преобразован в «Открытый корпус вепского и карельского языков» (Бойко et al. 2021 : 101). В настоящее время корпусные исследования стали одними из приоритетных направлений в работе сектора языкознания (Нагурная 2021 : 458).

За более чем двадцать лет руководства сектором Н. Г. Зайцева воспитала целое поколение исследователей, благодаря её стараниям в Институте была сформирована целая научная языковедческая школа. Под её руководством успешно защитили кандидатские диссертации С. В. Нагурная (2006), А. П. Родионова (2007), О. Ю. Жукова (2009), Н. А. Пеллинен (2010). Для своих учеников Н. Г. Зайцева всегда была и остаётся не просто наставником, но и примером высокого профессионализма и образцового трудолюбия.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

ЛИТЕРАТУРА

- Бойко Т. П. & Зайцева Н. Г. & Крижановская Н. Б. & Крижановский А. А. & Новак И. П. & Пеллинен Н. А. & Родионова А. П. & Трубина Е. Д. 2021, Лингвистический корпус ВепКар — «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии. — Труды КарНЦ РАН, № 7, 100—115.
- Ваттулева Н. И. 2020, Из истории перевода Библии на коми язык. — Коми филология. Вып. 1, 9—14.
- Голубник Е. С. 2025, Женские образы в эпической поэме Н. Г. Зайцевой «Virantanaz». — Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы 77-й Всерос. (с международ. участием) науч. конф. обучающихся и молодых ученых (31 марта — 27 апр. 2025 г.), Петрозаводск, 526—528.
- Грюнталь Р. 2021, Юбилей Н. Г. Зайцевой. — LU LVII, 314—316.
- Зайцева Н. Г. 2015, Младописьменный язык вепсов и переводы Библии. — Этноконфессиональная история коренных народов Северо-Запада, Санкт-Петербург, 52—56.
- — 2019, Христианская терминология в контексте вепсской лингвистики: вепсское vs русское (этимологический и лингвогеографический аспекты). — Язык и культура, № 48, 121—126.
- — 2021, Вепсская художественная словесность как стремление к возрождению народа («вверх по лестнице, ведущей вниз»?). — Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18, № 4, 433—441.
- Казакова Т. А. 2006, Художественный перевод: в поисках истины, Санкт-Петербург.
- — 2023, Концепт память в вепсоязычной повести Н. Зайцевой «Minun vepsläine oza» — Вестник угроведения. Т. 13, № 4 (55), 634—641.
- Казакова М. В. & Жукова О. Ю. 2023, Вепсоязычная литература Карелии: становление, развитие, перспективы, Петрозаводск.
- Керестеш Л. 2010, Вопросы литературных языков финно-угорских народов в плане новейших переводов Библии. — CIFU XI. Pars I. Orationes plenariae, Piliscsaba, 169—192.
- Мишин А. 2006, Вепсская литература глазами профессионального писателя. — INF, № 7, 20—30.
- Нагурная С. В. 2021, Нине Григорьевне Зайцевой — 75 лет. — Альманах северо-европейских и балтийских исследований. Вып. 6, 452—458.
- Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ 2008. Материалы конф., 24—26 сент. 2008 г., Москва.
- Родионова А. П. & Чикина Н. В. 2016, Вклад Н. Г. Зайцевой в ревитализацию вепсского языка. — Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Материалы Всерос. науч. конф. с международ. участием, посвящ. 70-летию КарНЦ РАН (24—27 мая 2016 года), Петрозаводск, 241—242.
- Строгальщикова З. И. 2014, Вепсы. Очерки истории и культуры. Документирование языка, Санкт-Петербург.
- Чикина Н. В. 2020, Вепсский эпос «Вирантаназ» в переводе В. Агапитова. — Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук, № 2, 107—118.
- Hasselblatt, Cornelius 2024, Nationalismus und Ökologie. Lesarten des wepsischen Epos Virantanaz. — Jahrbuch für finnisch-deutsche Literaturbeziehungen. Nr. 56, 52—64.
- Pekkanen, Inka 2005, Raamattua vepsäksi. — Vepsä. Maa, kansa, kulttuuri, Jyväskylä, 163—170.

Н. В. ЧИКИНА, А. П. РОДИОНОВА
(Петрозаводск)

Addresses

Natalia V. Chikina
Karelian Research Center
e-mail: tchikina@yandex.ru

Aleksandra P. Rodionova
Karelian Research Centre
e-mail: santrar@krc.karelia.ru

**УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, НАСТАВНИК:
К ЮБИЛЕЮ В. М. ЛУДЫКОВОЙ***

В 2026 г. свой юбилей отмечает коми ученый-филолог, педагог, доктор филологических наук Валентина Матвеевна Лудыкова, внесшая большой вклад в развитие коми филологии и подготовку квалифицированных кадров для Республики Коми.

В. М. Лудыкова родилась 19 апреля 1956 г. в г. Микунь Усть-Вымского района Коми АССР. Ее детство и юность прошли в старинном коми селе Гам Усть-Вымского района. В 1973 г. после окончания Гамской средней школы она поступила на историко-филологический факультет Сыктывкарского государственного университета по специальности «коми язык и литература, русский язык и литература». Во время учебы в университете Валентина Лудыкова проявила большой интерес к исследовательской деятельности. В дальнейшем это отразилось на выборе ее профессии. Завершив обучение в вузе и получив диплом о высшем образовании, молодой специалист посвящает себя исследовательской деятельности. В 1978–1979 гг. являлась стажером-исследователем при кафедре финно-угорской филологии в Ленинградском государственном университете, в 1979–1982 гг. обучалась в очной аспирантуре Ленинградского университета. Научным руководителем и наставником Валентины Матвеевны была известный ученый, доктор филологических наук профессор З. М. Дубровина. До сих пор Валентина Матвеевна с большой теплотой вспоминает о своем научном руководителе Зинаиде Михайловне, о коллегах по кафедре финно-угорской филологии ЛГУ (ныне СПбГУ), о своих друзьях по учебе в аспирантуре. В аспирантские годы В. М. Лудыкова имела возможность слушать лекции и получать консультации известных ученых Ленин-

градского университета. С большим энтузиазмом изучала теорию общего и финно-угорского языкознания. Итогом ее усердной работы над исследованием в области синтаксического устройства коми языка явилась защита кандидатской диссертации на тему «Сказуемое в коми языке» в Диссертационном совете Тартуского университета в 1989 году. Позже, в 2006 г., в Удмуртском государственном университете В. М. Лудыкова защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Синтаксис имени прилагательного в коми языке». Диссертационные исследования ученого были высоко оценены специалистами в области финно-угорского языкознания, отмечен ее крупный вклад в общую теорию синтаксиса коми и других уральских языков.

В 1982 году, после окончания аспирантуры, В. М. Лудыкова вернулась в родную республику и начала работать в Сыктывкарском государственном университете. Здесь она прошла профессиональный путь от ассистента до профессора, последовательно занимая должности старшего преподавателя и доцента. В период с 1995 г. по 2013 г. заведовала кафедрой коми и финно-угорского языкознания. За годы руководства В. М. Лудыкова внесла большой вклад в развитие и совершенствование коми филологической науки в вузе, в составление учебных планов и программ по специальности «Филология (национальная)». Как руководитель кафедры В. М. Лудыкова не только заботилась о благополучии и успеваемости каждого студента, но и активно способствовала формированию профессиональных компетенций в сфере коми языка. Во время руководства кафедрой В. М. Лудыкова также способствовала подготовке и

* Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки как исторически сложившаяся и динамически развивающаяся система» (рег. № 126020216215-0).

успешной защите кандидатских диссертаций аспирантов М. С. Фединой, Р. П. Поповой (Дмитриевой), Т. Б. Лаптандер, К. А. Суббота, Г. В. Пунеговой, Т. В. Якубив (Кренделевой), которые сегодня являются признанными коми учеными. В. М. Лудыкова была научным руководителем аспирантов Т. В. Якубив и Е. С. Коваль, вдохновив молодых исследователей на изучение актуальных вопросов синтаксиса коми языка. Благодаря тесным связям В. М. Лудыковой с учеными и преподавателями других вузов, кафедра имела возможность привлекать в учебный процесс и организовывать встречи с профессорами Раей Бартенс (Хельсинки, Финляндия), Сиркой Сааринен (Турку, Финляндия), Марьей Лейнонен (Тампере, Финляндия), доцентом Паулой Кокконен (Хельсинки, Финляндия) и другими. Кроме того, благодаря В. М. Лудыковой были установлены тесные связи с Институтом языка, литературы и истории КомиИИЦ УрО РАН, сотрудники которого читали фундаментальные курсы коми языка студентам, выступали в качестве оппонентов дипломных работ выпускников, брали студентов в диалектологические экспедиции.

За годы работы в Сыктывкарском университете В. М. Лудыковой были разработаны и прочитаны фундаментальные курсы современного коми языка, теории синтаксиса и текста, диалектологии и истории языка, сравнительной грамматики финно-угорских языков, уралоистики, истории лингвистических учений, а также специальные курсы по актуальным проблемам пермского языкознания, функционально-семантическому и коммуникативному синтаксису. После открытия на кафедре магистерских программ «Активный билингвизм и межкультурная коммуникация» и «Финно-угорские языки в поликультурном пространстве» ею подготовлены и читались курсы лекций по социолингвистике, межкультурной коммуникации, языковой политике. Материалы разработок курсов В. М. Лудыковой нашли отражение в ряде учебных пособий. Среди них: «Сказуемое в коми языке» (1986), «Коми кывйын

прөстӧй сёрникузя / Простое предложение в коми языке» (1991), «Коми кывйын сложной сёрникузя / Сложное предложение в коми языке» (1995), «Сёрникузясь сюрӧса членъяс велӧдӧм / Изучение главных членов предложения» (1995), «Кык состава сёрникузясын сказуемой / Сказуемое в двусоставном предложении» (1996), «Сопоставительная грамматика коми и русского языков. Ч. 1. Морфология» (соавтор М. С. Федина, 2001), «Коми кывбердлӧн синтаксис / Синтаксис коми прилагательного» (2003), «Коми гижӧд кыв история / История литературного коми языка» (2007), «Коми кывйын активной процессъяс / Активные процессы в коми языке» (2017) и др. Эти издания отличаются новаторским подходом в решении актуальных вопросов, касающихся коми языка. Они находят широкое применение в образовательном процессе, представляют большую ценность не только для студентов, но и для учителей коми языка в средних учебных заведениях.

В. М. Лудыкова является автором программ для средних учебных заведений, а также научным консультантом авторов учебников родного языка для средних школ, лицеев и гимназий.

С 2020 года по настоящее время В. М. Лудыкова трудится в Коми республиканском институте развития образования. Продолжает разрабатывать новые курсы по коми языку для учителей школ, на которых щедро делится своими знаниями и богатым опытом преподавания.

Свою педагогическую деятельность Валентина Матвеевна успешно сочетала с научно-исследовательской работой. Обращаясь к функционально-семантическому и коммуникативному направлению в изучении синтаксиса коми языка, она открывает новые знания не только для коми лингвистики, но и финно-угроведения в целом. Ее перу принадлежат многочисленные научные публикации, в том числе солидные работы монографического характера. Среди них: «Коми кывбердлӧн грамматика да вежӧртас / Грамматика и семантика коми прилагательного» (1999), «Место-

имение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков» (соавт. Г. В. Федунева, 2003), «Предикативное прилагательное в коми языке» (2005), «Определение в агглютинативных языках (на материале коми языка)» (2008), «Имя прилагательное в синтаксисе агглютинативных языков: функционально-коммуникативный аспект» (2010), «Глагол в предложении коми языка» (2012), «Литературный коми язык: история и современное состояние (социолингвистический аспект)» (2014). В. М. Лудыкова является одним из ведущих специалистов в области исследования истории коми литературного языка, теории текста. Валентина Матвеевна занимается разработкой вопросов языка произведений коми художественной литературы и языка средств массовой информации. В составе авторского коллектива В. М. Лудыкова является одним из основных исполнителей таких фундаментальных коллективных работ как «Коми язык. Энциклопедия» (1998), научной грамматики «Оñя коми кыв. Морфология» (2000). По ее инициативе и под ее редакцией издавался ежегодный межвузовский сборник научных трудов «Вопросы финно-угорской филологии». В. М. Лудыкова активно участвует в конференциях и симпозиумах различного уровня, а также являлась участником нескольких международных конгрессов финно-угроведов. Ученый не останавливается на достигнутом, ее всегда интересует новое и неизученное, она стремится к исследованию явлений на основе достижений той области знаний, в которой она работает.

В. М. Лудыкова зарекомендовала себя как высококвалифицированный пе-

дагог, обладающий умением полно и доступно излагать сложные лингвистические концепции, подкрепляя теоретические положения логичными и убедительными аргументами. Ученики искренне признательны своему учителю Валентине Матвеевне Лудыковой. Благодаря ее наставничеству они получили глубокие знания о языке, научились системно мыслить и анализировать сложные языковые явления. Валентина Матвеевна учила рассуждать, анализировать, исследовать, доказывать и писать.

Значительный вклад В. М. Лудыковой в развитие коми филологической науки и в подготовку высококвалифицированных специалистов по коми языку был отмечен многочисленными премиями и наградами республиканского и федерального уровня.

Коллеги по работе и ученики поздравляют Валентину Матвеевну с прекрасным юбилеем, желают крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых творческих успехов!

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

РИММА ПОПОВА,
ГАЛИНА ПУНЕГОВА (Сыктывкар)

Addresses

Galina V. Punegova
Institute of Language, Literature
and History of the Komi Science Centre
E-mail: galina.syktsu@mail.ru

Rimma P. Popova
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
E-mail: rimmapp@mail.ru

IN MEMORIAM PROFESSOR JAAN ROSS
(5 April 1957 – 18 January 2026)

Professor Jaan Ross, the distinguished Estonian musicologist and phonetician, has died at the age of 68. He was an eminent researcher in his fields, and laid significant academic and institutional foundations to support them. In his activities, he successfully combined his broad scholarly and cultural interests into a coherent whole.

Jaan Ross defended his Candidate of Sciences dissertation, “Объективные предпосылки консонантности в музыке” (“Objective Preconditions of Consonance in Music”), in 1988 at the Lithuanian Academy of Music and Theatre, and his doctoral dissertation in music psychology, “Studies of Pitch, Timbre and Timing of Complex Auditory Events,” in 1992 at Åbo Akademi. He began collaborating with linguists as a young researcher in the second half of the 1970s in Tallinn, in the computational linguistics research group of the then Institute of Language and Literature, where, under the supervision of Mart Rimmel, he studied fundamental frequency and rhythm comparatively in speech and music.

From 1980 to 1993, Jaan Ross held various positions at the same Institute of Language and Literature. After its reorganisation into the Institute of the Estonian Language, he served as its Director of Research from 1993 to 1996. From this position, he was invited to the University of Tartu, where he worked as Professor of Music Psychology (1993–2015). During this time, he also served as Dean of the Faculty of Philosophy (1996–1999) and Head of the Department of Arts (2003–2006). From 1995 to 2021, Jaan Ross was also Professor at the Estonian Academy of Music and Theatre, from which he retired, becoming Professor Emeritus in 2021. He was elected a member of the Estonian Academy of Sciences in 2003.

In linguistics, Jaan Ross’s lasting contribution was the advancement of

experimental phonetic research both at the Institute of the Estonian Language in Tallinn and at the University of Tartu. With his support, the phonetics laboratory at the University of Tartu was re-established in the late 1990s, and as dean he helped to find premises and acquire equipment for it. In his research, Jaan Ross focused on prosody, clarifying the similarities and differences between speech and music, including the realisation of Estonian quantity degrees in both archaic folk songs and more recent music. His collaboration with the renowned Estonian phonetician Professor Ilse Lehiste proved particularly fruitful. The book they co-authored, *The Temporal Structure of Estonian Runic Songs* (de Gruyter, 2001), remains one of Jaan Ross’s most frequently cited works.

Jaan Ross also left a lasting mark on the study of the Estonian language by discovering a large collection of old Estonian-language sound recordings in 2006 in the Phonogram Archive (*Phonogramm-Archiv*) of the Ethnological Museum of Berlin. These recordings had been made from Estonians who were taken as prisoners of war to Germany during the First World War. Jaan Ross made these recordings available to other researchers of Estonian language and culture and also edited the volume *Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916–18* (Böhlau Verlag, 2012), which brings together research based on these recordings. The book offers a unique insight into the Estonian language as spoken over a hundred years ago and allows new conclusions to be drawn about linguistic changes.

Jaan Ross’s work has been recognized with numerous national awards in the fields of musicology, linguistics, and culture. Alongside his academic contributions, he was also a highly regarded translator of contemporary Russian fiction. In Estonia and elsewhere, many scholars

across various fields today consider Jaan Ross their teacher and mentor – someone whose thoughts and skilfully posed questions encouraged them to develop their ideas and find solutions. We will remember Jaan Ross as a scholar with a broad intellectual horizon and outlook on life, an inspiring and supportive mentor to his students and colleagues, and a leader in research. His interdisciplinary background and wide-ranging interests have greatly contributed to the development of a new generation of Estonian musicologists and linguists.

*KARL PAJUSALU, EVA LIINA ASU,
PÄRTEL LIPPUS, PIRE TERAS
(Tartu)*

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Addresses

Karl Pajusalu
University of Tartu
E-mail: karl.pajusalu@ut.ee

Eva Liina Asu
University of Tartu
E-mail: eva.liina.asu-garcia@ut.ee

Pärtel Lippus
University of Tartu
E-mail: partel.lippus@ut.ee

Pire Teras
University of Tartu
E-mail: pire.teras@ut.ee

CONTENTS

Ali Can Yalçinkaya , Andrea Parapatics , Szilárd Szentgyörgyi , A Reassessment of the Adaptation of West Old Turkic Loanwords in Hungarian: New Findings and Perspectives	1
Али Джан Ялчынкая, Андреа Парпатич, Силард Сентдьёрдьи, Переоценка адаптации заимствований из западного древнетюркского языка в венгерском языке: новые результаты и перспективы	13
Ali Can Yalçinkaya , Andrea Parapatics , Szilárd Szentgyörgyi , Ungari keele läänevanaturgi laenude mугanemise ümberhindamine: uued avastused ja väljavaated	13
Janek Vaab , Variation of the Glottal Stop /ʔ/ in South Estonian Lative Forms Янек Вааб, Варьирование гортанной смычки /ʔ/ в лативных формах южноэстонского языка	14
Janek Vaab , Kõrisulghääliku /ʔ/ varieerumine lõunaestli latiiivsetes vormides	36
Татьяна Пашкова , Семантика и этимология глаголов со значением 'говорить' (на материале ливвиковского наречия карельского языка) [The Semantics and Etymology of Verbs with the Semantics of Speaking in the Livvi Dialect of the Karelian Language]	37
Tatjana Paškova , Aunuse kõnelemist märkivate verbide semantika ja etümoloogia	43
М. А. Ключева , Наименования игры типа <i>Snow Snake</i> (нырок) в уральских языках [Designations of games of the type Snow Snake in Uralic languages]	44
Maria Kljutševa , Uurali keelte lumemaomängude nimetused	73

VARIA

Ирина Кюршунова , Татьяна Бойко , Светлана Нагурная , К вопросу типологии словарей карельского, вепского, финского языков [Typology of Karelian, Vepsian and Finnish Dictionaries]	74
Маргарита Кузнецова , О трех периодах в изучении марийских диалектов	94
Е. А. Цыпанов , Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд. Словарь пейоративной лексики коми языка, Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. Е. А. Цыпанов , Коми ошканкывъяс: зэв лосьыдик кывкуд. Словарь мелиоративной лексики коми языка, Сыктывкар. ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. Рец. Галина Пунегова	104
Gerson Klumpp , Marili Tomingas , About CIFU XIV 2025	110
Валерий Максимов , VII Международная научно-практическая конференция «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы»	113
Валерий Максимов , Соколов Василий Тимофеевич — 140	118
Н. В. Чикина , А. П. Родионова , От переводов духовных текстов к эпосу (к юбилею Н. Г. Зайцевой)	120
Римма Попова , Галина Пунегова , Ученый, учитель, наставник: к юбилею В. М. Лудыковой	124
Karl Pajusalu , Eva Liina Asu , Pärtel Lippus , Pire Teras , In Memoriam Professor Jaan Ross (5 April 1957 — 18 January 2026)	127
Esikaanel / Front cover: Soome-ugri keeled. Finno-Ugric languages (Eesti entsüklopeedia VII, Tartu 1936)	

ABBREVIATIONS

- AASF** — Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Helsinki
- ACUT** — Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, Tartu
- ALFE I, 2, 3** — Atlas linguarum Fennicarum. Itämerensuomalainen kielikartasto. Läänemeresoome keeleatlas. Ostseefinnischer Sprachatlas. Linnustitviceskiin atlas priibaatnitsko-finnitskih jazykov, Helsinki 2004, 2007, 2010 (SKST 800, 800, 1295. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 118, 118, 159)
- ALHung.** — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest
- CIFU I** — Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapest 1963
- CIFU II** — Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum I, Helsinki 1968
- CIFU III** — Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum I, Tallinn 1975
- CIFU IV** — Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum I–III, Budapest 1978–1981
- CIFU V** — Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum I–VIII, Turku 1980–1981
- CIFU VII** — Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum I–6, Debrecen 1990
- CIFU VIII** — Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum I–VIII, Jyväskylä 1995–1996
- CIFU IX** — Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum I–VIII, Tartu 2000–2001
- CIFU XI** — Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum I–IX, Pilscesaba 2010–2011
- CIFU XII** — Congressus XII Internationalis Fenno-Ugristarum, Oulu 2015
- CIFU XIII** — Congressus XIII Internationalis Fenno-Ugristarum, Wien 2022. <https://cifu13.univie.ac.at/programme/>
- CIFU XIV** — Congressus XII Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu 2025. <https://cifu14.ut.ee/programme/>
- DEWOS** — W. Steinitz, Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache 1–15, Berlin 1966–1993
- EES** — Eesti etimoloogiasõnaraamat, Tallinn 2012. www.eki.ee/dict/ety/
- EEW** — J. M ä g i s t e, Estnisches etymologisches Wörterbuch I–XII, Helsinki 1982–1983
- EK** — Eesti Keel, Tartu
- EKirj.** — Eesti Kirjandus, Tartu
- ESA** — Emakeele Seltsi Aastaraamat, Tallinn
- ESUKA** — Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri, Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics, Tartu
- ETATÜ** — Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised, Ühiskonnateadused, Tallinn
- ETATUS** — Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, Ühiskonnateaduste Seeria, Tallinn
- FU** — Fenno-Ugristica, Tartu (TRÜT)
- FUF** — Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki
- FUFAnz.** — Anzeiger der Finnisch-Ugrischen Forschungen, Helsinki
- FUV** — B. C o l l i n d e r, Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages, Hamburg 1977
- JSFOu** — Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsinki
- KK** — Keel ja Kirjandus, Tallinn
- KKIU** — ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused, Tallinn
- KSz** — Keleti Szemle, Budapest
- LSFU** — Lexica Societatis Fenno-Ugricae, Helsinki
- LU** — Linguistica Uralica, Tallinn
- MNy** — Magyar Nyelv, Budapest
- MNyj.** — Magyar Nyelvjárások, Debrecen
- MSFOu** — Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsinki
- MSzFE** — A magyar szókészlet finnugor elemei I–III, Budapest 1967–1978
- NyÉrt.** — Nyelvtudományi Értekezések, Budapest
- NyK** — Nyelvtudományi Közlemények, Budapest
- Nyr.** — Magyar Nyelvőr, Budapest
- SF** — Studia Fennica, Helsinki
- SKES** — Suomen kielen etymologinen sanakirja I–VII, Helsinki 1955–1981
- SKST** — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, Helsinki
- SSA** — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1–3, Helsinki 1992–2000
- TESz** — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–IV, Budapest 1967–1984
- TL** — Tietolipas, Helsinki
- TRÜT** — Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, Tartu
- UAJb.** — Ural-Altische Jahrbücher, Wiesbaden
- UAS** — Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, Bloomington–The Hague
- UEW** — K. R é d e i, Uralisches etymologisches Wörterbuch I–III, Budapest 1986–1991
- UJb.** — Ungarische Jahrbücher, Berlin–Leipzig
- UUÅ** — Uppsala Universitets Årsskrift, Uppsala
- Vir.** — Virittäjä, Helsinki
- ВЯ** — Вопросы языкознания, Москва
- ЗУмНИИ** — Записки Улмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка, Ижевск
- КЭСК** — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва 1970; Сыктывкар 1999
- ОМД** — Очерки мордовских диалектов 1–5, Саранск 1961–1968
- ССКЗД** — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961
- СФУ** — Советское финно-угроведение, Tallinn 1965–1989
- ТМарНИИ** — Труды Маринского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Ишкар-Ола
- ТМораНИИ** — Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, Саранск

